

Ade Astra

Kabanuwa

Putri yang menawan...

Согласившись на участие в психологическом эксперименте, я собственными руками изменила всю свою жизнь. Заселившись в старинный замок, я лично закрыла за собой дверь к отступлению. Влюбившись в удивительного мужчину, я лишила себя свободы, связав нас нерушимыми цепями. Дворец стал настоящим домом ужасов, превратив эксперимент в игру на выживание, и сбежать из этого места живой я уже не могу...

Пролог. Тени прошлого

— Господин Кроули! Господин...Мой повелитель! — глас ужаса, пронзивший застывший осенний воздух, эхом отозвался в большом потускневшем саду, зелень которого едва сменилась неприятной желтизной. Позади высокого холодного замка сгущались черные тучи, и приглушенный гром заполонил горизонт, касаясь земли тонкой молнией, блеснувшей лишь на секунды. — Господин... — женский голос умолк, сменившись всхлипом, и давящие горло слезы вызвали кашель, что лишил девушку аристократичной осанки, заставив её согнуться пополам.

— Авалона...Госпожа, — побледнев от испуга, молодая служанка протянула к герцогине свои холодные костлявые руки, едва касаясь её гладкой мраморной кожи. Повисший в саду хлесткий удар вновь сменился надвигающимся к городу громом, и Авалона, гордо расправив плечи, властно взглянула на потирающую свою ладонь слугу.

— Не смейте даже прикасаться ко мне! — прошипела герцогиня, преисполненная злости, вновь устремляя взгляд вперед, где широкая спина, укутанная в черный длинный плащ, медленно направлялась к открытым дверям замка.

Длинная трость звонко отчеканивала ритм по вымощенной камнями тропинке. Каждый новый щелчок будто обрывал последние нити, держащие Авалону в мире живых. Пухлые яркие губы на прекрасном лице предательски дрожали, и скопившиеся в уголках глаз слезы норовили пустить по щекам тонкие линии, что слились бы у острого подбородка в единую каплю. Нет хуже ужаса, чем страх пред неминуемой гибелью, и нет на свете храбрецов, что осмелились бы взглянуть этому страху прямо в глаза. В бездонные красные глаза, в которых не было ничего, кроме холодной глубины и отвращения ко всему живому. Эти глаза были ужасны, это были глаза, в которые Авалона была бесповоротно влюблена...

— Господин Кроули, — жалобно произнесла герцогиня, сжимая собственные пальцы с такой силой, что те мгновенно побелели, — Вилфорд! — вскрикнула она вдруг, и темная фигура остановилась, сложив на трости изящные руки, скрытые черными перчатками. Столпившиеся у беседки слуги переглянулись, сделав невольно шаг назад, а стоявшая в стороне миниатюрная рыжеволосая девушка прикрыла рот ладонью, будто столь ужасно невежливое обращение принадлежало ей самой. — Я...Я не заслуживаю подобной участи! Мой Господин, я люблю Вас сильнее, чем кто-либо в этом замке! Подумайте, да разве могла я пойти против Вас? Господин, — герцогиня опустилась на холодную тропу, складывая перед собой ладони в молитвенном жесте, — я всецело преданна Вам. Я лишь прошу...Я умоляю Вас! Дайте мне немного времени, чтобы доказать свою невиновность!

Редкие, но крупные капли упали на дорожную белоснежную ткань, оставляя на ней безобразные мокрые пятна. Поспешивший к Господину дворецкий раскрыл над его головой черный зонт, и тогда мужчина медленно повернулся, бросая на девушку долгий, но безразличный взгляд, от которого у Авалоны прервалось дыхание. Он словно смотрел сквозь неё, разглядывая скорее стоящую позади гончую, нежели молящее о спасении заплаканное лицо. Этот взгляд был подобен точке, которую ставит писатель, заканчивая свой труд. Неизменный конец...

— Габриэль, — обратился Вилфорд к дворецкому, и герцогиня поморщилась от того, как по-прежнему приятен ей этот сильный басовитый голос, — подай в мой кабинет чай. Думаю, — мужчина взглянул в громыхающее небо, — черный подойдет...

— Слушаюсь, мой Господин.

Блеснувший перед шеей клинок оставил на желтых листьях яркую алую кровь, что тут же смешалась с грязью, в которую упало хрупкое женское тело. Брызнувшая фонтаном жидкость быстро растекалась по тропе, заползая в растрепанные золотые волосы и в трещины между камнями. Затухающий взгляд устремился на своего убийцу, что жестоко не лишил герцогиню жизни одним безукоризненным ударом. Сжимая в ладони рукоять кинжала, мужчина, чьё лицо было скрыто капюшоном, внимательно смотрел в ещё суженные зрачки Авалоны.

— Если бы он тебя любил...Позволил бы он этому случиться? — задал убийца вопрос, понимая, что прекрасная Герцогиня Кроули уже никогда не сможет ответить ему. Но, услышав странную, будто нечеловеческую хрипоту, он замер, присаживаясь на корточки и наклоняя к лицу девушки свою голову.

— Кро...во...пий...цы... — произнесла она, испуская последний выдох, и мужчина, кивнув своим невысказанным мыслям, аккуратно закрыл веки герцогини, стараясь не смотреть в угасшие глаза, поражавшие некогда своей голубизной.

Шестой раз взмахивает он своим клинком, и четвертый раз ему искренне жаль собственных жертв, павших от неизмеримой любви и обычной прихоти. Вытерев окровавленный кинжал и без того грязной тряпкой, которой садовник ещё недавно протирал глиняные горшки, мужчина бросил недовольной и вместе с тем сочувственный взгляд рыжеволосой девушке, что мокла под дождем, не сдвигаясь с места. Её милостивое лицо, что ещё утром блистало радостью и жизнелюбием, покрылось ужасом и отчаянием, с каким она смотрела то на Авалону, то на дверной проём, в котором скрылся Господин Кроули.

— Если не хочешь кончить также, — тихо произнес убийца, убирая кинжал в ножны, — никогда не иди против воли нашего Герцога.

— Я...не хочу умирать. Я хочу домой...

— Никто не хочет умирать, Доротей.

— Сказал мне тот, кто может жить вечно, — едко бросила девушка, преисполненная злобой, — людские жизни для вас — ничто. Одни — сосуды с кровью, другие — красивые оболочки, с которыми можно развлечься...

— Не говори так громко, иначе...

— Что? Рано или поздно я надоем ему, как и все остальные! Но я...Я решу свою судьбу сама. И, если бежать нет смысла, я...Я...

Доротей не договорила. Преисполненная странной решимостью, она стремительно ушла в сторону конюшен, подбирая к себе испачканный грязью подол. Грубая ладонь взметнулась вверх, готовая резко схватить тонкую женскую руку, но замерзшие под холодным дождем пальцы так и замерли в неисполненном жесте. Быть может, пришедшее к Доротее решение действительно является единственно верным, и, сунув руки в карманы брюк и кивнув самому себе в очередной раз, убийца пошел в сторону замка, ведь ему, как и девушке, тоже некуда бежать...

Глава 1. Точка невозврата

Пролистав в телефоне очередную блеклую статью о десятке популярных певцов современности, я отложила гаджет в сторону, вспоминая о кружке чая, стоявшей на соседней тумбе. Его гладкая поверхность, покрывшись прозрачными пленками, больше не источала согревающий пар, и, сделав всего один глоток, я зажмурилась от того, насколько холодным и мерзким стал купленный по акции чай. Моя подруга Джанет, с которой мы снимали квартиру неподалеку от университета, громко захлопнула книгу, демонстративно показывая мне свою пустую кружку, на дне которой лежал желтый заварочный пакет.

— Уж не знаю, что такого интересного в телефоне ты нашла, — произнесла она, не скрывая улыбки, — вот только чай я тебе принесла ещё сорок минут назад.

— В том-то и дело, что ничего интересного там нет... — честно призналась я, поднимаясь с дивана и направляясь к раковине вместе с кружкой, — но сама знаешь, как это бывает. Откроешь сообщения, чтобы ответить, а затем начинаешь бессмысленно смотреть чужие фотографии и читать несодержательные статьи...

— Проблемы людей, живущих в технологичном мире, — философски протянула Джанет, опуская взгляд на темно-синюю обложку заметно потрепанной книги. — Вот, — заключила она, поднимая её вверх, — восемнадцатый век! Умели же люди развлекать себя и без социальных сетей.

— Дуэлями?

— Трис, что за стереотипное мышление? Я имею в виду балы, карнавалы, маскарады... — Джанет затихла, явно пытаясь вспомнить что-то еще, но вместо этого она задумчиво мычала, жестикулируя при этом руками. — Много всего, — тихо и невнятно пробубнила она, наконец, утаскивая из корзинки очередное овсяное печенье.

— Ладно, я поняла тебя, — домыв кружку и в очередной раз поставив на плиту наполненный чайник, я открыла холодильник, обнаруживая его совершенно пустым. — Эй, Джанет, понимаю, что экзамены позади и летом можно расслабиться, но не настолько же!

— А сегодня моя очередь покупать? — лениво отозвалась она. — Давай сходим вместе, мне одной скучно.

Возвращаясь на уже продавленный старый диван, я бросила взгляд на висящую в рамке фотографию, где мы с Джанет, будучи первоклассницами, сжимали в руках цветастые рюкзаки. Наша претерпевшая все невзгоды дружба завязалась гораздо раньше, и, должно быть, не последнюю роль сыграла в этом большая песочница, что располагалась вместе с обшарпанной площадкой во дворе меж двух домов. Это были те отношения, что с победоносным удивлением взирали на все предрассудки современного мира, отрицающего вечную дружбу между двумя женщинами. Моя недоверчивость была врожденной, но даже с ней я знала о том, что всегда могу положиться на Джанет так же, как и она без сомнений доверяла мне свои мысли. Если в этом мире судьба каждого предрешена, я безмерно благодарна вселенной появлению этой девушки в моей жизни. Позади Джанет на фотографии виднелась рыжая макушка её брата-близнеца Марвина, которому не повезло перепачкать потекшей ручкой свой белоснежный костюм, и потому стоять с нами рядом он не пожелал, решив исказить своё лицо обиженной гримасой. Порой мне кажется, что с тех пор его характер ничуть не изменился.

— Кстати, мне Марвин прошлым вечером звонил, — словно прочитала мои мысли

подруга, отцепляя свой телефон от размалеванной фломастерами зарядки, — предложил кое-что интересное. Я раньше хотела тебе рассказать, но из головы вылетело...

— Все его «я придумал кое-что интересное» заканчивались не очень хорошо, — рассмеялась я, вспоминая последнюю выходку этого любителя приключений, — на прошлой неделе он хотел снять на видео то, как он катится в продуктовой тележке с горы.

— Скатился же, — рассмеялась в ответ Джанет, хватаясь за живот, — о гравий всё лицо своё расцарапал!

— И что же теперь на этот раз?

— Ох, какой-то эксперимент, — Джанет вытерла выступившие от смеха слезы, — помнишь Арчи? Ну, Арчибальд Макнелли. Два года назад он пытался тебе цветы дарить. Он теперь с Лаурой встречается из твоей группы.

— А, кажется, поняла, о ком ты говоришь. Звезда вся университета и соседних кварталов.

— Вот-вот, он самый. Его мама психолог, как рассказывал мне Марвин, и важная шишка в какой-то организации, которая периодически проводит различные опыты и эксперименты. Год назад, к примеру, они набирали группу с целью проверки влияния социальных сетей на образ жизни людей.

— Нам бы следовало принять участие в этом опыте, — произнесла я, отбирая у Джанет телефон, — это уже больше, чем зависимость.

— Он уже прошел, — недовольно ответила она, — но их психологические эксперименты и правда интересные. Я читала про их исследования, и многие результаты, в виду получения неожиданных данных, не раскрывают, но их просят даже иностранные университеты и клиники.

— Надо же, я и подумать не могла, что мама Арчи работает в такой крутой организации... — чайник засвистел и я поспешила выключить этот громкий раздражающий звук. — Так, а что предложил Марвин? Можно стать участником такого эксперимента?

— Именно! Они хорошие друзья, и Арчи слил моему братцу информацию, что сейчас проводится набор испытуемых. Давай попробуем. Испытуемым же платят за то, что они участвуют в опыте!

— Погоди-погоди, сначала расскажи, что это за эксперимент. Может, скажут, что будут тебя ежедневно током бить.

— Я не думаю, что такие опыты вообще есть, — скептически заявила Джанет, подбегая к холодильнику и открывая дверцу, — ой, что-то и правда пусто... Марвин явно куда-то бежал, но сказал, что запишет нас на собеседование.

— Эй, — строго окликнула я подругу, отодвигая в сторону кружку и посвящая осуждающий взгляд всецело ей, — я согласие не давала. Даже на собеседование.

— Ты не дослушала, — беззаботно ответила Джанет, начиная при том говорить быстрее, чтобы я не успела разозлиться, — этот эксперимент будет проходить в настоящем замке! В замке в другой стране, ты представляешь? Перелеты и расходы оплачивают организаторы! Мы ведь хотели куда-нибудь съездить, помнишь?

Я не нашла слов, чтобы ответить, а злость и вовсе, как рукой сняло. С первого курса мы мечтали о совместном путешествии, собирая деньги и пытаясь определиться с местом отдыха, а тут вдруг возможность приятно расслабиться на летних каникулах, за отдых на которых тебе заплатят. Но события, манящие своей выгодностью, мгновенно вызвали во мне жуткие подозрения, словно за подобную роскошь придется заплатить чем-то более

ценным, чем деньги. Не знаю почему, но само слово эксперимент ассоциировалось у меня с опасностью и дискомфортом, хотя я и никогда не участвовала в подобном. Понимаю, что испытуемым ни в коем случае не навредят и на деле все безопасно, но мысль об одном лишь участии вызывала странную и необъяснимую тревогу. Впрочем, всё неизвестное пугает, такова уж людская натура.

— Я не очень понимаю в психологии, но...Ох, как же сказал мне Марвин...Дай-ка вспомнить. В общем, для опыта требуются настоящие скептики, для которых тема мистики является обычной сказкой. Мы подходим, не находишь? Ведь, как утверждал Демокрит, всё...

— ...состоит из атомов, — продолжила я, подавляя смешок.

— Суть в том, как подходящая окружающая среда может повлиять на людей, твердо убежденных в своих мнениях. Так, кажется...Ты и сама знаешь, что иногда в опытах некоторые преследуемые цели испытуемым не называются для чистоты эксперимента. Но, если кратко, то как-то так. Видишь? Ничего опасного.

— Наверное, — неуверенно произнесла я, пытаясь зацепиться за что-то, что не позволило бы согласиться окончательно, — но ведь мы ещё не прошли собеседование. И не факт, что пройдем.

— Беатрис, — строго произнесла Джанет, называя меня полным именем, — если есть связи, не грех ими воспользоваться. Попросим Арчи замолвить за нас словечко.

— Ну, если получится, будет, думаю, здорово...

— Больше уверенности, эй! — радостно воскликнула Джанет, вновь указывая на мою остывшую чашку. — Судьба против того, чтобы ты сегодня пила чай, — рассмеялась она, отходя в сторону, — давай лучше сходим в магазин. Я голодна, как черт.

Глава 2. Влияние меньшинства

Место, избранное под собеседование на роль подопытного, не выглядело примечательно в виду того, что снаружи оно походило на самый обычный трехэтажный офис с пластиковыми окнами и стеклянными дверьми. Выбеленное помещение, явно находящееся в состоянии неоконченного ремонта, не изобиловало предметами интерьера и не содержало в себе ничего кроме новенькой стойки для регистрации, парочки стульев из местной столовой и увядающего алоэ на маленькой тумбе в самом углу. Второй этаж, наполненный кабинетами, выглядел куда приятнее, возможно, потому, что уставляющие коридор черные диванчики из кожзама придавали этому месту стереотипный престиж. Рядом с нужной мне дверью уже сидело несколько человек, и я с некоторой неуверенностью посмотрела на часы в своем телефоне, припоминая, что каждому потенциальному подопытному для собеседования уделено своё, отдельное время.

— Вы на какое время? — безучастно, но в то же время пренебрежительно спросила незнакомая мне блондинка, от интонации которой во мне тут же проснулась неприязнь к, вероятно, зазнавшейся особе.

— 10:45, — ответила я как можно грубее. Не считаю верным выражение, где ответ агрессией на агрессию является психологически неверным. Если человек изначально опускает все правила приличия, где даже для показушной вежливости нужен минимум, он не поймет вашего спокойствия, с которым вы попытаетесь на него воздействовать.

Девушка демонстративно цокнула, устремляя свои излишне разукрашенные глаза в экран гаджета. Сев напротив неё, я вдруг поймала себя на мысли, что не хочу доставать телефон, словно, если я возьму его в руки, я проиграю в интеллекте и уподоблюсь поведению этой невежественной особы. Отчего человечество более не может найти иного способа для развлечения себя в свободное время? Какая же палка о двух концах этот гаджет, что несет в себе на просторах всемирной сети информацию интеллектуальную, но используется по большей части для развлечений и коротания свободного времени. Подумать только, я рассуждаю столь старо в моем двадцати трехлетнем возрасте.

Дверь кабинета открылась, и на пороге возникло два человека. Один из них тут же удалился вглубь коридора, тогда как второй, поправив прямоугольные очки с цепочкой, устремил свой взгляд на планшет.

— Беатрис Дэнсон, — громко произнес этот мужчина, переводя взгляд на ожидающих кандидатов и не поднимая при том от планшета головы. — Здесь?

— Здесь, — громко ответила я, поднимаясь с дивана, — доброе утро.

— Доброе утро, — ответил мужчина, придерживаясь хорошего тона, — пройдите в кабинет.

Прежде, чем зайти внутрь, я взглянула на обыкновенную, наскоро приделанную табличку, на которой крупными буквами красовалось «Профессор Бенджамин Маквей». Понимаю, что отбор проводится на качествах исключительно личностных и единичных, однако, не позориться же мне, в самом деле, пред людьми своим незнанием о неотъемлемых частях важного исследования. Профессор Бенджамин был известным психологом, чьи труды читала даже я, хотя подобная тематика мне чужда, и, признаюсь честно, его наблюдательность, а также чистейший фанатизм пред своим делом удивляли и восторгали.

Закрыв за собой дверь, я услышала приглашение сесть, и, поздоровавшись, опустилась

на мягкое крутящееся кресло. Профессор сидел за столом, сложив в замок тонкие, испещренные линиями пальцы, и кофе, что стоял подле него в темной кружке, источал аромат по всей комнате. Его фотография, которую я видела на одной из книг, была абсолютной копией того лица, что я разглядывала ныне. Слово бы белая короткая борода и уходящие к ней бакенбарды ничуть не изменялись в длине по времени и покрывали это лицо все те года, что опасались тронуть даже лицо, пуская по нему первые морщины. Если верить слухам, Бенджамину Маквею в прошлом году исполнилось ровно пятьдесят, однако, выглядел он точно на сорок и ничуть не больше.

— Вы, полагаю, уже ознакомились с целью и задачами нашего предстоящего исследования? — я согласно кивнула. — Это хорошо, — мужчина сложил перед собой несколько бумаг и ударил их по столу, чтобы сформировать ровную стопку.

— Людское мнение изменчиво, — начал профессор, забирая из моих рук заявление и отдавая его своему помощнику, — и пять лет тому назад я был одним из организаторов одного занимательного опыта. Как мнение меньшинства воздействует на мнение большинства? Как быстро мысли двух человек, яростно уверенных в своей правоте, смогут изменить мышление восемнадцати людей? Встречаясь с теми, чье мнение рознится от их личного, люди начинают чувствовать себя неуверенно, в их устоявшихся принципах появляются сомнения. Они хотят найти компромисс. И ведь, что удивительно. Когда двое испытуемых начинали обсуждать эти сомнения друг с другом, они вдруг признавали эти сомнения верными!

— Профессор Маквей, — строго прервал мужчину помощник, — у нас не так много времени.

— Ах, да. В этот раз влиять на мнение людей будут не слова других, а среда. Мы создадим необходимые условия, а потому нам нужны люди, что все могут объяснить одной лишь логикой. Чтобы избежать притворств и обманов, мы проведем несколько тестов, — профессор протянул мне бланк с вопросами, в котором ответы нужно было вписать словами, поэтому на это у меня ушло некоторое время, пускай я и пыталась сделать всё, как можно скорее. Тест с черными пятнами, устный опрос, тест на психологический тип личности, на различные психологические отклонения — всё свидетельствовало о тщательности подбора испытуемых для чистоты эксперимента. В какой-то момент я подумала о том, что, если я не пройду отбор, ничего страшного не произойдет, ведь всё, что ни делается, — к лучшему.

Собеседование было окончено, и я вышла из кабинета совершенно опустошенная, словно из меня выжали все силы. Достав из рюкзака телефон и обнаружив на нем несколько пропущенных от Джанет, я тут же перезвонила ей, вкратце изложив все то, что со мной провернули. Судя по звукам, Джанет отчаянно искала подходящую одежду для предстоящей встречи, что была записана у неё на 13.20. Попросив купить чего-то многозначно «вкусненького», она положила трубку, а я направилась в сторону дома, думая о том, что на ужин было бы неплохо испечь шарлотку, которую я не готовила уж сто лет.

в небольшом продуктовом магазинчике, который мы давно облюбовали с Джанет в виду его небольших цен относительно расположенных в округе супермаркетов, я вновь достала из сумки брошюрку, где на красочном фоне были выписаны не менее яркие задачи исследования. Проверка положений бихевиоризма, определение знаков-гештальтов, включение психоанализа на различных этапах исследования — я не имела ни малейшего представления о прописанных здесь понятиях, и, пообещав себе ознакомиться хотя бы с определением бихевиоризма, я остановилась напротив полки с лотками яиц, невольно

бросая взгляд только на те ценники, что были отмечены желтым цветом. Купив всё необходимое для предстоящей выпечки и набрав два килограмма красных яблок, я отправилась домой, попутно набирая Джанет сообщение о том, что покупку «вкусненького» и, полагаю, вредного, я оставила на её совести.

Глава 3. Фальшивка

— А теперь, — попытавшись наполнить свой опустевший бокал белым вином и пролив добрую часть на стол, Марвин быстро закрыл мокрое пятно кипой салфеток, — выпьем за нашу предстоящую поездку! Готовьте панталоны, шпаги, корсеты и тонны пудры, позабудьте о гигиене и приготовьтесь выливать свои горшки с окон второго этажа, ибо мы отправляемся в средневековье!

— Что за ужасный тост, — с отвращением произнесла Лаура, приоткрывая гиалуриновые губы и прикладывая к ним увешанные кольцами пальцы, — Боже, Марвин, ты пьян. Не наливай ему больше, — обратилась она на этот раз к Джанет, что по-хозяйски доставала из чужого холодильника очередную бутылку.

— Поверь, — незамедлительно ответила та, — Марвин может выдать подобную чушь и без алкогольного опьянения. Высокий градус лишь даёт ему уверенность в том, что все его слова имеют смысл.

— Арчи, — голос Лауры приобрел мурлычущие нотки, и она ласково прильнула к дорого одетому молодому человеку, что с расслабленной улыбкой цедил старое красное вино, вкус которого, кроме самого Арчи, никто более не оценил. — Тебе тоже хватит.

— Брось, Лаура, — Джанет ударила своего брата по плечу, и тот послушно переполз на кресло, утащив притом со стола парочку колбасных нарезок, — то, что все мы стали участниками столь щедрого эксперимента, настоящий праздник, требующий накрытого стола. И я хочу поднять бокалы за того, кто этому поспособствовал, — девушка кивнула в сторону Арчи, и тот возвел к потолку руки, пародируя тех актеров, что получают долгожданную статуэтку за свои труды.

— Благодарю вас, благодарю, это было легко. Я не преувеличиваю, вы действительно прошли эти тесты с нужными результатами. Даже, — Арчи с насмешкой взглянул в сторону засыпающего Марвина, — этот джентльмен.

— Надеюсь, этот джентльмен не испортит чистоту эксперимента, — улыбнулась я, чувствуя разливающуюся по телу приятную усталость, — из всех нас лишь Марвин интересуется мистическими явлениями.

— Интересоваться — не значит верить, Трис, — ответил мне Арчи с видом знающего человека, — но, зуб даю, что Марвин будет первым, кто уступит свои принципы влияющим на него факторам. Вы ведь читали, в чем суть? Старый замок в глуши, запрет на использование интернета...

— Вся эта затея больше походит на дом страха, — брезгливо сморщила носик Лаура, — они что, будут стучать нам в окна, скрипеть половицами, чтобы мы испугались и отвергли логику?

— Поверь, милая, в соответствующей среде человек склонен быстро менять своё мнение.

За столом разгорелся спор, и часовая стрелка на огромном, сделанном под дерево циферблате ускорила свой ход, как это обычно бывает со временем. Учув, что более никто за ним не следит, оно стремглав бежит вперед, но едва движется на месте, стоит наблюдающему поднять на часы пристальный взгляд. Я была рада вновь собраться старой компанией, пускай пребывание в частном доме семьи Макнелли лишало возможности расслабиться и позабыть неустанные правила вежливых людей. Арчибальд, как и его

родители, привык жить на широкую ногу, и, окруженный дизайнерским интерьером и потрескивающим камином, выполненным на заказ, он был подобно рыбе в океане, в то время как мы с Джанет, привыкшие уместиться в однокомнатной квартирке четыре года подряд, чувствовали себя неловко. Порой моя подруга шутливо напоминала мне об упущенной давным-давно возможности, возвращаясь к воспоминаниям тех дней, когда Арчи избрал меня своей новой целью для ухаживаний. Отношения, так толком и не начавшись, продлились всего неделю, по прошествии которой я приложила максимум своей дипломатичности, чтобы объяснить нашу с ним несовместимость, и не было ни дня, чтобы я всерьез задумалась об упущенном шансе.

У каждого из нас есть как положительные, притягивающие качества, так и отрицательные черты, что мы можем скрыть или устранить путем длительной работы над собой. В этой личностной борьбе Арчи находился будто бы посреди весов, не решаясь склониться ни в одну, ни в другую сторону. Я могла бы сколь угодно называть его легкомысленным и неверным, могла бы с уверенностью отметить в нем завышенную самооценку и излишне разросшуюся самоуверенность, но у меня язык бы не повернулся назвать его скупым и мстительным. Его доброта, не обремененная, впрочем, сочувствием, не раз являлась причиной истинного восхищения пред совершенными им поступками, и Арчи, несмотря на любовь к хвастовству, всё же оставлял большую часть своих заслуг в тени. Возможно, барьером, отделяющим две столь разительно отличающиеся черты, были высокие стандарты, привитые Арчи его же семьей, и он, будучи воспитанником целеустремленных и деятельных людей, позволял себе выставлять напоказ лишь то, что считал достойным.

Как бы то ни было, мы с Арчи никогда не смогли бы ужиться. Да и построение своего личного счастья не та стезя, в которой я хоть когда-нибудь преуспевала. Причина моего одиночества была прекрасно известна мне самой, но, как бы долго я не боролась с этим, я раз за разом выстраивала в своей голове завышенные ожидания, которым, безусловно, никто не мог соответствовать. Отношения казались мне настоящими цепями, крепкими путами, встав в которые, я лишусь свободы и независимости. Мне трудно донести эту мысль до близких мне людей, и многие сделали странный вывод, что я попросту сторонюсь мужчин из-за собственных выдуманных недостатков. Но, если задуматься, испытывала ли я хоть раз ту любовь, что заставляет сердце биться чаще? Полагаю, на моём пути попросту не было того, кому я бы желала посвятить свои нераскрывшиеся чувства.

Когда на экране телефоне я увидела третий час ночи, всё моё тело вдруг поддалось затаившейся прежде сонливости. Уснувший в кресле Марвин тихо посапывал, и как бы Джанет не силилась отправить его в спальню, он не сменил своего неудобного положения, заставив сестру отступить. Прошептав что-то Арчи на ухо, Лаура отправилась на второй этаж, и залитый алкоголем стол пришлось убирать мне и Джанет, что после работы пожелала принять ванну. Дом, что ещё недавно был наполнен смехом и громкими разговорами, сменился звучанием тарелок и льющейся из крана воды, и, едва мы с Арчи остались наедине, я поспешила занять себя мытьем посуды, словно бы при исчезновении других мы стали совершенно чужими людьми.

Губка, пропитанная моющим раствором, постоянно выпадала из моих рук, и я понимала, что стоит мне прислониться лбом к висящему напротив шкафчику, как я непременно погружусь в сон. Уже через неделю нас ожидает удивительная поездка, и в последнее время все мои мысли и даже сны были лишь о тех событиях, что могут там произойти. Замок довольно стереотипно ассоциировался в моей голове со стариной и

роскошью, спрятаннымикладами и правителями в странных платьях, чьи портреты непременно будут украшать большие и длинные стены.

Задумавшись и попросту зря пролив кубы воды, я вздрогнула, когда в доме померк свет. Гул электронного камина, что наполнял комнату, пускай и странным, но звуком, мгновенного замолк, и, оказавшись в крошечной тьме, я тут же выключила воду, решив не устраивать ко всему прочему ещё и потоп.

— Арчи, — обратилась я во мрак, поборов необъяснимое стеснение, — выгляни, пожалуйста, на улицу. Посмотри, есть ли у соседей свет.

— Его скоро включат, — произнес голос так близко, что я невольно вытянула вперед руку, опасаясь, будто Арчи стоит напротив меня. — Но темно, хоть глаз выколи.

— И часто у вас такое случается?

— Нет, — ответил голос, и знакомый дорогой одеколон окружил своим запахом подобно настоящему кокону, — недалеко ремонтные работы. Где ты? — спросил он, и в этот момент его рука, ищущая опору во тьме, легла мне на живот.

— Арчи, — я возмутилась, услышав в ответ лишь смех, — мне сейчас совсем не смешно. У тебя есть хотя бы свечи?

— Хочешь устроить романтическую ночь? Тогда предлагаю обустроиться в ванной.

Слышать подобное было ужасно неловко, но когда его тяжелое тело придавило моё к кухонной стойке, я от смятения и доли страха не смогла ни закричать на него, ни хотя бы попытаться вырваться. От горячего дыхания Арчи разлило алкоголем, и он жадно блуждал губами по щеё, пытаясь неуклюже поставить колено между моих ног. Когда же щетина, покрывавшее его лицо, коснулась моей щеки, я мотнула головой и попыталась закричать, вбирая в легкие как можно больше воздуха, но большая ладонь плотно закрыла мой рот.

— Трис, ты же хочешь этого, разве нет? — совершенно искренне и невозмутимо произнес Арчи, и я незамедлительно отрицательно покачала головой. — Я видел, как ты смотрела на меня весь вечер. Поверь, мне тоже жаль, что у нас ничего не вышло. Но...

— Эй, где вы? Я нигде не могу найти фонарик, — услышала я голос Лауры, и свет от телефона заструился по ступеням лестницы. Ладонь упала с моего лица, и я, злостно оттолкнув от себя Арчи, не преминула отдавить ему ногу. Я в жизни не была так благодарна Лауре, как в эту ночь.

— Самовлюбленный кретин, — почти шипя, произнесла я, быстро направляясь к свету гаджета, как к спасительному огоньку. — Посвети на стол, я тоже возьму телефон, — уже громче попросила я, и девушка, кутаясь в шелковый халатик, семенящим шагом направилась в сторону, где спал Марвин.

— Арчи, милый, идем спать, — произнесла она, когда светящийся экран оказался и в моих руках.

— Да, — ответил он растерянно, — я...как-то перепил.

— Мягко сказано.

— Что-то случилось? — удивилась Лаура моим словам, но я лишь отрицательно мотнула головой. Эти двое вполне достойны друг друга, и не моим словам предопределять их и без того фальшивые и корыстные отношения. Но как же мерзко стало на душе...

Глава 4. Полет

Мне нравятся аэропорты.

Не большими зданиями, не красиво оформленными помещениями, и уж тем более не большим количеством людей я восхищаюсь, ступая на блестящий пол и сжимая в ладони ручку замотанного чемодана. Мне нравится то восхищение, то чувство восторга, что захватывает душу, запахнутую для чего-то нового. Перелет — это путешествие, долгое ли короткое, домой или же в неизвестную страну, но это подобно приключению, в которое ты отправляешься, взмывая в небеса. Думаю, со временем это чувство притупляется, ажиотаж с возрастом сменяется волнением или превращается в скуку, стоит полетам стать неотъемлемой частью чьей-то жизни. Мне повезло не часто бывать в аэропортах, и мне повезло в это путешествие отправиться ночью.

Сидя в зале ожидания и сжимая от предвкушения оставшийся со мной рюкзак, я неотрывно смотрела на сверкающий в свете фонарей большой самолет, рядом с которым суетливо передвигались маленькие мигающие машинки. Ночное небо было усыпано звездами, и непередаваемое восхищение вызывало по телу бегущую дрожь. И если сейчас я взираю на всё глазами ребенка, то я безмерно этому счастлива, испытывая радость от того, что кому-то покажется мелочью.

На черных пластиковых стульях, выставленных в ряд, сидели те, с кем мне предстояло разделить не только полет, но и целые недели проживания в одном месте. Некоторые из них поспешили пройтись по магазинчикам с яркими витринами, но большинство, вымотанное суетливым вечером, предпочло остаться на местах, закрывшись от внешней среды наушниками. Насколько верно я могла судить, в эксперименте участвовало двадцать человек, и уже четверть участников была мне знакома: Джанет заботливо заряжала всевозможные устройства, Арчи и Лаура разговаривали с незнакомым мне худеньким пареньком, а Марвин донимал расспросами профессора Маквея, рядом с которым ходила очаровательная помощница тридцати лет.

Наш рейс объявили, и профессор, пересчитав всех ещё раз, бодро зашагал впереди, вскинув вверх руку с ярким красным зонтом. Ночной воздух обдал своей прохладой, и площадь, что казалось мне поразительно большой, вдруг закончилась, предоставляя пассажирам трап. Разливающаяся во мне энергия синтезировала крайне странные желания, и мне хотелось то прыгать на месте, то крепко сжимать руку Джанет, улыбающейся моим периодическим тихим пискам, что на деле были возгласом радости. До сих пор не могу поверить в то, что все происходит наяву.

Мы заняли свои места, и я с благодарностью к судьбе и удаче осознала, что сижу у иллюминатора. Впереди уже горели маленькие экраны, предлагающие ознакомиться со списком фильмов на выбор, но я воодушевленно смотрела на здание аэропорта, готовясь любоваться ночным небом и сияющим в нем звездами. К сожалению, первые минуты оказались не столь приятными, как я ожидала, и, едва самолет набрал высоту, мне заложило уши. Сколько бы леденцов я ни набирала, ничего не помогло, и это противное давящее чувство испортило мне всю романтику полета. Ночным небом, впрочем, я также любовалась недолго, и уснула уже через полчаса, сморенная трудным днем. Так, навеянные красивыми фильмами представления разбились об острые скалы реальности.

Наш перелет занял шесть часов. Достаточно, чтобы проспать половину этого времени, и

достаточно, чтобы мечтать о простой прогулке по земле. К всеобщему разочарованию, когда самолет совершил посадку, нам преподнесли отнюдь не радостную весть о продолжении поездки на уже ожидающем нас автобусе, что означало лишь то, что времени побывать в иностранном аэропорту у нас нет. Профессор Бенджамин, несмотря на свои лета, оказался очень быстрым и, не побоюсь сказать, таким шустрым, что ему нередко приходилось останавливаться, чтобы дожидаться нас.

Мы так устали, что сев в автобус, тут же уснули, склонив головы на окружающие шеи подушки, и проснулись через четыре часа, когда профессор без зазрения совести подключил колонки и взял в руки микрофон.

— Просыпаемся, господа, просыпаемся, — бодрым голосом заговорил он, и я поймала на себе сочувственный взгляд его помощницы, — уже через час мы прибудем на место, и я обязан провести инструктаж. Молодой человек в кепке, проснитесь. Ну же, толкните его, в самом деле. Да, слушать должны все.

Прокашлявшись прямо в микрофон, профессор добился желаемого, вызвав в двадцати не выспавшихся людях настоящую, ничем не прикрытую злобу.

— Замок Сангинем — это удивительно красивое место, вы вскоре в этом убедитесь. Его окружают не менее живописные деревни, но посетить их вы сможете только, если предупредите меня лично. Сам замок принадлежит частному лицу, и то, что он согласился принять нас и даже помочь, поразительная удача. А потому прошу быть осторожными и не портить находящееся в этих стенах имущество, в противном случае возмещение урона будет считываться с вашей зарплаты. Это понятно?

Все понимающе буркнули.

— К работающим в замке людям относитесь с уважением. Не ходите по газонам и не рвите цветы, если увижу кого-то купающимся в фонтане, вычеркну из эксперимента и отправлю домой.

Все это больше походило на инструктаж детей, которых везут в очень дорогой лагерь. Но манера речи профессора вызывала улыбку, и многие люди начали посмеиваться, представляя реакцию местных жителей на столь вызывающее поведение.

— Как бы забавно это ни звучало, но погрузитесь в эту атмосферу. Безусловно, интернет мы отключили, но пользоваться телефонами для звонков не возбраняется. У каждого из вас есть мой номер, поэтому в необходимых случаях звоните. Теперь несколько слов об эксперименте. Если вы начнете испытывать страх, и переносить исследование станет невозможно, прошу, немедленно обратитесь ко мне или другим психологам. Да, я понимаю, что все вы крепкие орешки, и, сопоставив логически факты, вы останетесь спокойными. Но, поверьте, я знаю, о чем говорю. Не изматывайте себя. И, почувствовав дискомфорт, немедленно поделитесь своими эмоциями с одним из психологов. Так, а теперь, — профессор взглянул на девушку, передав при этом ей микрофон.

— Меня зовут Зои Уиллер, я буду оказывать медицинскую помощь, если понадобится. Возникают различные непредвиденные ситуации, начиная от простой головной боли до целого перелома при неудачном падении, поэтому, будьте очень осторожны. В замке много лестниц, смотрите под ноги. Если у кого-то есть аллергия, сообщите, пожалуйста, мне. Это необходимо, чтобы составить рацион питания, и чтобы я знала, за кем стоит присматривать.

— Что ж, — профессор вновь вернул микрофон к себе, — когда прибудем, вас расселят по комнатам, — в автобусе тут же воцарилось одобрительное улюлюканье, — да-да, господа, каждый из вас будет жить в отдельной прекрасной комнате. Питание, как и обговаривалось,

трехразовое, и почаще говорите поварам спасибо. Ну, — психолог довольно улыбнулся, — немного истории самого замка. Эй, вы чего загалдели. Я не буду вам расписывать даты и сухие факты. Могу поспорить на купюру, что моё первое предложение вас заинтересует. Готовы? Замок Сангинем в семнадцатом веке принадлежал безумцу.

— И что в этом такого? — скептически произнес тот самый паренек в кепке.

— Только лишь то, что он убивал своих жен и закапывал их в разных частях замка.

В автобусе воцарилась идеальная тишина. Я широко распахнутыми глазами посмотрела на Джанет, пытаясь найти в выражении её лица невысказанное мнение.

— Это вы уже эксперимент начали проводить? — услышала я недовольный голос Лауры, на который профессор лишь помотал головой.

— Нет, это вам расскажут даже местные жители. Неплохая основа для нашего эксперимента, не находите?

— Больной на голову человек, — произнес кто-то с задних рядов, — если посудить, то в средневековье безумцев было явно больше. Слышать это скорее не страшно, а...противно. Мы же жить там будем.

— А как звали этого...мерзавца? — вдруг спросила Джанет, поднимая руку.

— Уж чего-чего, а его имя история нещадно стерла. Впрочем, об остальном поговорим завтра. Мы уже приехали.

Из автобуса все выходили не с лучшим настроением, что было небрежно испорчено довольно веселым профессором. Нас высадили на дворцовой площади, стоило машине проехать высокие кованые ворота с маленькими острыми пиками на концах. Поморщившись от яркого солнца, я замерла посреди вымощенной камнями дороги, ведущей напрямик к главному входу.

Это было строение, представляющее собой настоящее творение готической архитектуры, что сбивало дыхание не своими размерами, а геометрическими пропорциями, дополненными потускневшими витражами. Я не многое знаю о строительстве, но даже мне казалось, что проделанная мастерами того времени работа была настоящим шедевром с аркбутанами и контрфорсами. От основного корпуса вбок тянулись прямоугольные строения, оканчивающиеся полукруглыми башнями с высокими шпилями, и по темным, почти черным стенам струился изумрудный мох, исчезающий у фасада дома за клумбами с пышными розами. Мне подумалось, что от боковых корпусов при подобной планировке непременно должны отходить другие, образуя тем самым внутренний двор, но от мыслей меня отвлекла Джанет, довольно невежливо указывая пальцем в сторону. Там, окруженная ветвистыми деревьями и поросшими тропинками, стояла небольшая часовня, в крыше которой, к сожалению, зияла большая дыра. Внешне, как и сам замок, часовня походила на мрачный, но до ужаса красивый готический собор, только лишь уменьшенный в размерах, однако, допущенное к этому месту запустение наглядно говорило о том, что более о часовне никто не заботится.

С другой стороны к замку подступал лес, но барьером к его разрастанию служило вытянутое одноэтажное здание, походившее издалека на конюшню с закрытыми створками и воротами. У темной стены лежала белоснежная борзая, которую многие начали пытаться подзвать свистом и странными чмокающими звуками, но собака лишь лениво вздрагивала ушами, даже не поднимая вытянутой головы. Она вскочила лишь тогда, когда главные двери открылись, и незнакомый пухлый мужчина, сжимая в руках кипу бумаг, сбежал по ступеням к площади. От спешки он сильно покраснелся, и, подойдя ближе, заговорил не сразу.

— Мы всё подготовили, — произнес мужчина, наконец, протягивая профессору шкатулку. После этого Бенджамин Маквей повернулся к нам.

— Сейчас я каждому раздам ключи. Это ваши комнаты. Дубликаты есть у работников, так что не удивляйтесь, если разбросанные перед уходом вещи вдруг разложатся по местам с вашим возвращением. Попрошу отнестись ответственно. Не создавайте лишних проблем и берегите ключ.

Разглядывая в руках искусно сделанный ключик с выгравированным на его основании номером девять, я послушно отправилась вместе с остальными к входу, таща позади чемодан с изорванной в некоторых местах пленкой. К сожалению, Джанет жила во второй комнате, и наша с ней устоявшаяся чередой соседских проживаний была нещадно нарушена в тот миг, когда я узнала, что комнаты с первой по восьмую находятся в ином корпусе. Быстро обговорив ужин, назначенный на шесть вечера, нас провели внутрь, где все двадцать человек замерли, не решаясь сдвинуться с места. Если замок поражал собой снаружи, то внутри он обезоруживал окончательно.

— Владелец этого замка либо поклонник психологии, либо чересчур богат, раз разрешил нам здесь пожить, — восхищенным шепотом произнес Марвин, пытаясь охватить взглядом как можно больше. Но разве это было возможно?

Немного стыдно признавать, но внутри готического замка я ожидала увидеть не менее мрачный и завораживающий интерьер, однако, увидела богатое и яркое убранство, изобилующее красным шелком и золотыми рамами. На нервюрном крестовом своде виднелись отреставрированные фрески, а на нескольких столбах можно было увидеть выпуклые изображения, на разглядывание которых, увы, не было времени. Две широкие лестницы, чуть закручиваясь, уводили своими мраморными ступенями, покрытыми бордовыми коврами, на второй этаж, и огромная люстра, выполненная современными мастерами, сверкала прозрачным хрусталем. На низеньких столиках, что стояли у самых стен, покоились различные статуэтки, а также вазы, украшенные пышными букетами. Будто бы невзначай профессор обмолвился о флористе, что работает в этом замке, и пробежавшая мимо девушка в строгом костюме горничной добавила к этому месту той старины и той солидности, какие возможно увидеть только в фильме.

— О, Габриэль, а вот и вы, — широко улыбнулся профессор вышедшему из арки молодому мужчине. Если я могла верно толковать его одеяние, он работал здесь дворецким, и, стоило ему улыбнуться Бенджамину в ответ, как все девушки за моей спиной одновременно издали восхищенный вздох.

— Платиновый блондин, — риторически проговорила Джанет, — если окажется, что у него голубые глаза... Что ж, а у него голубые глаза. Ну, в этих прекрасных стенах этому красавчику самое подходящее место.

— Интересно, он женат? — услышала я голос позади и обернулась к девушке с крашенными розовыми волосами. — Посмотри, пожалуйста, — обратилась она ко мне с просящим взглядом, — у него есть кольцо на пальце?

Я встала на цыпочки и вытянула шею. Мой отрицательный кивок вызвал у девушки целую бурю исключительно положительных эмоций, что были тут же угашены предстоящим распределением. Многих расселили совсем не так, как предполагалось, и, попрощавшись с Джанет, я отправилась по правой лестнице, чувствуя себя самой, что ни на есть настоящей герцогиней. Пройдя по коридору с большими аркообразными окнами, я, наконец, нашла нужную дверь и незамедлительно вошла внутрь.

Это была огромная комната с настоящим, не электронным камином, рядом с которым романтично гармонировали небольшие красные диванчики, украшенные подушками и пушистыми коврами. Высокие бордовые шторы с золотой бахромой прикрывали белоснежный тюль, позади которого была дверь, ведущая на открытый балкон. Большая двуспальная кровать с балдахином была усыпана всевозможными брошюрками и документами для ознакомления с экспериментом, а от книжных шкафов приятно пахло тем самым запахом, что можно учуять, раскрывая страницы совершенно новой книги. В углу стоял длинный туалетный столик и старинный комод, а стены украшали картины с изображением живших здесь когда-то людей. Эти портреты, признаюсь, немного пугали, и казалось, будто взгляды всех этих нарисованных людей прикованы к тебе, но я отсеяла эту мысль, открывая дверь в ванную. В этом старом замке она выглядела очень современно, пускай дизайнеры и попытались придать ей необходимую старинность белоснежными цветами и даже статуями, изображавшими нимф.

Я была поражена. Я и подумать не могла, в каком удивительном и дорогом месте мне предстоит жить. Полагаю, ради подобного можно вытерпеть любые эксперименты, какими бы жестокими на деле они не оказались. Если подумать, что страшного вообще может произойти?

Глава 5. Мир Агнесс Торсон

Дорогой дневник,

мне неловко обращаться к тебе столь банальным образом, но я не вижу иного прекрасного предложения, чтобы начать вести записи в пока ещё пустой тетради. Эта поездка кажется мне удивительной, настолько волшебной, что я посчитала своим долгом записать все свои трепещущие эмоции, дабы потом вспомнить о них на старости лет. Я и ещё девятнадцать человек живем в настоящем замке, что напоминает собой грецкий орех: снаружи его скорлупа очень темная, пронизанная линиями и трещинами, тогда как внутри покоится светлый вкусный плод. Из меня никудышный писатель, физика и математика мне гораздо ближе, но я люблю орехи настолько, что подобное сравнение показалось мне апогеем моего личного писательского мастерства.

Уже как день я живу в больших покоях. Именно покоях, ведь назвать это помещение просто комнатой будет грубо и совсем неверно. Особенно мне нравится камин и головы львов, что украшают его по бокам. У них шикарная грива, но пустые глазницы, что показалось мне странным: неужели какой-то невежа-турист позволил себе отковырять их? Над камином висит портрет очень красивой женщины, впрочем, все находящиеся здесь портреты посвящены людям исключительно красивым, будто бы некрасивых в то время не существовало. Я не нашла ни имени художника, ни имени самой герцогини (мне показалось, что именно герцогиней она и была) на старом холсте, но больше всего притягивал взгляд маленький и очаровательный мальчик, что стоял подле своей матери, сжимая в кулачках ткань её платья. Его хитрые глаза были немного сужены, будто бы все время он подозрительно смотрел на художника, но отходя немного дальше, передо мной вдруг открывался улыбающийся мальчишка с широко распахнутыми глазами. Я читала о подобном эффекте, думаю, художнику понадобилось немало сил, чтобы передать его.

Мне нравится зал, который по-простому называют столовой. Но разве можно назвать столовой огромное пространство с несколькими длинными столами и стульями с высокими спинками? Окна там тянутся от пола до потолка, и яркий свет по утрам красиво падает на пол и на статуи животных, что подпирают стены. Еду подают в антикварной серебряной посуде, и, как бы забавно это ни звучало, хочется сразу выпрямить спину и взять в правую руку нож. Удивительно видеть за столом разговаривающих людей, ведь был бы здесь интернет, все бы непременно молчали, уткнувшись в экран, но теперь... Да, я словно оказалась в середине семнадцатого века.

Я не люблю знакомиться с людьми, предпочитая им одиночество и книги, отчего даже родные люди приписали мне неприятное слово «социофоб». Но я не считаю себя такой, причисляя свой характер скорее к мизантропам, однако, незнающим людям сделать неправильный вывод ничего не стоит. Впрочем, сегодня я изменила своим принципам и познакомилась первой: не сидеть же мне в углу, когда хочется поделиться всеми этими эмоциями? Я долго выбирала того, с кем могу завести спокойную непринужденную беседу, ведь, не желая знакомиться с людьми, я научилась попросту за ними наблюдать, чтобы знать, чего следует ожидать.

Девушка с розовыми волосами даже не скрывала своего распутства. Сегодня весь завтрак мне пришлось невольно слушать её рассказ о том, как она думает соблазнить работающего здесь дворецкого. Все её выражения и слова были до ужаса смущающими, и

как у неё только язык поворачивался говорить подобное за столом? Даже перечислять их здесь не хочу. Её подруга была излишне болтливой, а сидящая неподалеку блондинка с пухлыми губами выглядела надменной и высокомерной. Но две другие девушки, разговаривающие с ней, показались мне приятными, особенно Беатрис. Я обратила на неё внимание ещё в самолете, точнее, на её длинные и волнистые волосы красивого золотого оттенка, какой может дать только природа, но никак не парикмахерское окрашивание. Она вела себя сдержанно, задавала конструктивные вопросы и всем своим внешним видом внушала доверие, что редко заметишь в современном обществе. У нас состоялась ничего не значащая, но хорошая беседа, во время которой я пыталась найти как можно больше деталей, что позволят мне заподозрить в человеке качества отрицательные. Пагубная для меня привычка. В темных, почти черных глазах, я не видела зрачков, но взгляд у Трис был теплым, уголки её губ всегда изгибались в улыбке, и, пускай изредка в её речи проскакивали жаргонные слова, а в хряще левого уха виднелись два колечка (да, всяческий пирсинг кажется мне отталкивающим), девушка выглядела искренней.

Единственное, что кажется мне странным в этом красивом месте, это его работники. Нет, они вежливы и учтивы настолько, что от их манеры речи и поведения веет той покорностью, что была присуща слугам в давние времена. Но отчего они столь бледны? Их кожа настолько светлая, что сравнима с мраморными ступенями, ведущими на разные этажи. Все они выглядят несколько...болезненно. Очень худы, но при том приятны и даже будто аристократичны. Я следила за горничной, и отметила, как быстро она ходит. Среди скороходов она бы непременно получила первое место. Впрочем, все можно сослать на особенности влияние климата на организм. Все, кроме быстрой ходьбы, это уж заслуга личного физического развития.

Джанет (это подруга Беатрис) сказала, что после обеда проколола палец иголкой, когда пыталась зашить дырку в джинсах. Горничная, увидев кровь, тут же вышла из комнаты. Видимо, боится её внешнего вида. Могу понять, я тоже не люблю смотреть на кровь.

Ещё по всему дому висит различное оружие. Я впервые вживую увидела арбалет и секиру, что были, прошу заметить, остро заточены. Разве это не опасно? Если кто-то решит почувствовать себя рыцарем? Я знаю, о чем говорю, ведь сегодня парень по имени Арчибальд предлагал двум другим юношам выпить в его комнате и отметить приезд. Кто знает, что они могут придумать в таком непристойном состоянии.

Я очень хочу посетить местные деревни, но пока профессор попросил нас ознакомиться с историей замка и провести в нем, никуда не выходя, два дня. Думаю, скоро они начнут выдумывать разные пугающие истории, чтобы повлиять на нас. Интересно, кто сдастся первым? Уж точно не я.

Получилось довольно много для первого дня. Нам разрешили вечером погулять по территории замка, и я очень хочу посмотреть конюшни. Поэтому на сегодня я ставлю точку.

Глава 6. Махаон и тарантул

Едва на улице начало смеркаться, я вышла на дворцовую площадь, окруженную вечерним благоуханием роз. После ужина Джанет решила выспаться в своей комнате, сославшись на усталость, а Арчи устроил небольшой праздник, гостей на котором я быть не захотела, вспомнив о нашей последней встрече. Другая же немногочисленная группа, в том числе и моя новая знакомая Агнесс, направилась по дороге, ведущей в сторону конюшен, со стороны которых редко можно было услышать ржание лошадей. Стоящие в тех стойлах скакуны, по словам дворецкого, были чистокровными и оттого дорогими, а потому и я желала посмотреть на них хотя бы одним глазком, однако, сейчас, когда всю тьму отгоняют висящие на стенах маленькие фонари, когда над ровно постриженным газоном летают светлячки, не хотелось запираить себя в четырех стенах.

Повернувшись в противоположную сторону, я с сомнением взглянула на мрачную часовню, ветер в которой, проходя сквозь дыру в крыше, издавал гудящий и отталкивающий звук. Фонари на этих стенах были разбиты, а их стальная основа будто бы выгнута кем-то в непосильной злобе, что ныне была прикрыта разросшимся плющом. Узкая тропа позади часовни показалась мне вычищенной и ухоженной, и потому я неспешно отправилась по ней в сторону, где шелестел сад из вишен и виноградных лоз. В его центре, завершая ход тропы, находилась стеклянная оранжерея, в которой ничего нельзя было разглядеть из-за покрывающей её изнутри зелени, и, увидев внутри горящий свет, я осторожно открыла дверь.

Под куполообразным сводом журчал маленький фонтан в окружении тропических цветов и карликовых декоративных деревьев. Бело-розовые канны, хрупкие сиреневые орхидеи и раскрывшиеся под ними яркие газани, чередующиеся с ликорисами, — всё это цветущее разнообразие было окружено стаями синих махаонов и изумрудными палинурами, что плавно перелетали с одного места на другое. Быстро сообразив, что дверь за собой следует закрыть, я неуверенно прошла вперед, думая о том, можно ли мне находиться в подобном месте — не припомню, чтобы нам рассказывали об оранжерее с бабочками.

У фонтанчика, изображающего печальную девушку с кувшином, стояла обтянутая бархатом софа с низким стеклянным столиком, на котором покоился чайный сервиз. Заметив, что от одной из кружек идет пар, я обернулась, но увидела лишь редкие растения и тонкие стволы деревьев. Полагаю, мне всё же следует вернуться на площадь и присоединиться к тем, кто решил осмотреть конюшни.

Возвращаясь к двери, я заметила трепыхающуюся бабочку, коварно попавшую в незаметную паутину у корней апельсинового деревца. Наклонившись, чтобы не задеть головой ветви, я присела на корточки перед махаоном, замечая быстро ползущего по коре паука. Аккуратно поддев тело бабочки пальцем, я потянула его на себя, разрывая паутину и возвращая махаону прежнюю свободу, пускай мгновенно взлетать в воздух он и не собирался. Оставшись сидеть на моем пальце, махаон красиво покачивал крыльями, отчего их цвет переливался от насыщенного синего к яркому лазурному — что ж, достойная благодарность за спасение

— Почему вы сделали это? — вдруг спросил меня бархатный голос, и от неожиданности я подскочила на ноги, ударившись головой о ветку. Махаон взлетел к порхающей стайке, и я быстро обернулась, потирая ушибленную макушку и коря себя за чрезмерное любопытство.

Губы мужчины, что стоял передо мной, даже не скривились в доброй усмешке после

увиденного, и его внимательный и строгий взгляд требовал от меня ответа на прозвучавший вопрос, на который сразу ответить я не смогла. Нет, удар о ветку был не сильным, да и испуг от внезапности прошел за считанные секунды, но всё же я вдруг обнаружила себя за простым и не очень вежливым разглядыванием незнакомого мне человека. Он был высок и имел хорошее телосложение, подчеркнутое изысканным, пускай и несколько старомодным стилем. Длинный темный плащ, накинутый на плечи, открывал взору строгую, стянутую в вороте синим галстуком, черную рубашку, заправленную в прямые узкие брюки такого же мрачного цвета.

— Мне стало её жаль, — интонация вышла виноватой, но под столь серьезным взором, требующим ответа на странный вопрос, я не могла сказать иначе.

— Почему же вам не стало жаль паука? — продолжил разговор незнакомец, и только сейчас я увидела, насколько острыми и правильными были черты его лица. Возможно, именно они придавали мужчине очевидную красоту, но, быть может, черные волнистые волосы, идущие от прямого пробора до кадыка, придавали его внешности роскошь, идя вразрез с белоснежной кожей. — Вы лишили его пищи.

— Жизнь паука исчисляется годами, в то время как жизнь бабочек — месяцами. Прекратить и без того короткий срок вот так, — я кивнула в сторону паутины, — грустно, как по мне.

— Но если это был последний шанс для паука выжить, и без этой еды он погибнет?

Этот вопрос показался мне настолько несуразным, что стеснение перед красивым мужчиной мгновенно исчезло, и я недовольно нахмурилась, находя в себе силы ответить грубо. Но я не могу позволить эмоциям взять над собой верх, ведь я совсем не знаю, что за человек стоит сейчас рядом со мной.

— Простите, но я не знаю, как ответить на этот вопрос, — деликатно я попыталась завершить тему, но вместо ожидаемого безразличия мужчина вдруг тепло улыбнулся, аккуратно беря меня за пальцы и оставляя на тыльной стороне ладони невесомый поцелуй. Такой старинный жест и такой... изящный.

— Было интересно узнать, что за вашим действием скрывается не только желание спасти красивую оболочку, — он плавно повел меня к софе, и я не стала сопротивляться. — Хотя начинать знакомство с таких вопросов было довольно грубо с моей стороны, верно? Давайте же начнем сначала, — сказал он, когда мы сели на софу, что оказалась на удивление мягкой, — моё имя Вилфорд Кроули.

Не решусь утверждать поспешно, однако, моя память не могла мне изменить так скоро, и, если судить по истории замка, то его последние владельцы носили такую же фамилию. Однофамилец или прямой потомок? Следует ли мне задать этот вопрос, что может показаться ему излишне прямолинейным?

— Беатрис... Беатрис Дэнсон. Рада с вами познакомиться.

— Значит, вы очаровательная участница затеянного эксперимента? — спросил мужчина, давая мне возможность задать интересующий вопрос.

— Да. А вы, полагаю, здесь работаете?

Задумчиво отведя взгляд в сторону, Вилфорд медленно кивнул, и в более ярком свете я вдруг заметила, насколько необычной была радужка его глаз. Я могла бы назвать её ореховой, но медные оттенки придавали этому цвету красноту, и что ещё более поразительно никакого радужного рисунка я не увидела.

— Вы разглядываете мои глаза, — с улыбкой произнес мужчина, — но ничего о них не

говорите. Почему?

— Я подумала, что вам и без того, должно быть, часто о них говорят... Настолько часто, что это могло вам попросту надоест.

Улыбка Вилфорда стала ещё шире, и он потянулся к столику, наливая в фарфоровые чашечки чёрный ароматный чай. Одну из них он любезно предложил мне, и прежде, чем сделать глоток, я уловила в запахе цветочные ноты.

— Это ассамский чай, собранный весной, — продолжил он, беря чашку тремя пальцами так, чтобы все они лишь держали ручку, но никак не входили в неё. Это был последний жест, на котором я окончательно решила, что Вилфорд придерживается настоящего этикета. — Его называют «чаем к завтраку», но я не вижу ничего страшного в том, чтобы испробовать его вечером.

Что ж, с уверенностью могу сказать то, что в сравнение с магазинным чаем этот ассамский чай не идет. И дело именно во вкусе, а не в убеждении себя самого насчет дороговизны данного напитка. Я не могла сполна насладиться им, не зная о тех правилах, что помогают раскрыть истинный вкус чая, но мне хватило простых глотков, чтобы понять невысказанное восхищение Вилфорда. Ещё некоторое время мы разговаривали о профессоре Маквее, о замке и о затеянном опыте, и у меня не осталось никаких сомнений в том, что мистер Кроули очень галантный и всесторонне развитый человек, который, впрочем, сам себе на уме. Он расспрашивал меня об учебе, о планах на будущее, и, когда мы разговорились настолько, что стеснение пред человеком из другого общества меня покинуло, я всё же решила задать вопрос о его фамилии.

— Да, — не сразу ответил он, закидывая одну ногу на другую, — я владелец этого замка. Он передается в нашей семье по наследству.

Эти слова одернули меня с небес обратно на землю, и я поняла, что разговариваю с человеком влиятельным и богатым, с человеком, с которым мне следует вести себя осторожно и вежливо, ведь, если ему что-то придется не по душе, весь эксперимент мгновенно прикроют, а нас отправят по домам. Полагаю, изменение в моём лице было замечено Вилфордом, и он горько усмехнулся, вставая с места и подавая мне руку.

— Прощу, ведите себя со мной так, как вам удобно. Не стоит стесняться себя только лишь потому, что я владею этим местом.

Он говорил приветливо и дружелюбно, но что-то подсказывало мне, что, несмотря на такие слова, невежливое обращения этот мужчина не потерпит.

— Думаю, мы достаточно узнали друг друга, чтобы перейти на «ты».

— Хорошо, давай.

— Ты очень обаятельная девушка, Беатрис, и сообразительная, я восхищен, — произнес он без притворства, и легкий румянец вдруг тронул меня за кожу.

— Приятно слышать, я прекрасно провела время, — не менее искренне призналась я, когда мы вышли из оранжереи. — Надо же, уже полночь...

— Был рад знакомству с тобой, Беатрис. Надеюсь, исследования не вымотают тебя, и мы сможем поговорить ещё.

— Да, — его слова о новой встрече было так чудесно слышать, что я широко и счастливо улыбнулась, — обязательно.

В его взгляде вдруг показалось настоящее удивление, и постоянно приподнятые уголки губ вдруг опустились, словно бы я произнесла что-то страшное. Подойдя ко мне так близко, что мне пришлось поднять голову, дабы не упускать мужской взгляд, Вилфорд сощурил

глаза, становясь настоящим притягательным магнитом, от которого я не могла отойти. Аккуратно коснувшись моего подбородка, он провел большим пальцем по моей нижней губе, не сводя горящего взора, в то время как я пыталась бороться со своим телом, которое будто оторвали от головы, позволив действовать самостоятельно. Я никогда не вела себя так прежде, никогда бы раньше я не позволила мужчине, с которым я познакомилась несколько часов назад, вести себя так вызывающе, но... Впервые моё сердце стучало так быстро. Идеал, который я когда-то сформировала в своей глупой голове, вдруг предстал передо мной, и я позволила себе мысль о том, что, быть может, именно это чувство называют внезапной влюбленностью. Вилфорд красив, умен, состоятелен, он знает, чего желает и какие цели ему предстоит покорить, он тот, о ком где-то в глубине души, возможно, мечтает каждая, и в этом желании нет корысти, есть лишь влечение идти за достойным и сильным мужчиной.

Когда он склонился ниже, я покорно прикрыла глаза, чувствуя на губах нежный, почти невесомый поцелуй, такой приятный, что я невольно придвинулась ближе, позволяя заключить себя в объятия. Оторвавшись на мгновение, Вилфорд поцеловал меня ещё, и ещё, пока поцелуй не перерос во что-то большее, во что-то страстное и будоражащее, что сбивает дыхание и скручивает живот от одной лишь мысли о... Я осторожно выставила впереди ладони, прерывая эту сводящую с ума волну. Не понимаю, что со мной, но я выставляю себя легкомысленной девушкой, что повелась на красивую внешность и обозначенные богатства. Губы горели, как и щеки, и под внимательным взглядом Вилфорда я неуверенно проговорила что-то об усталости и сонливости. Он понимающе кивнул и, поцеловав меня вдруг в макушку, ушел в темноту, туда, где не было света фонарей. Я же стремглав помчалась в свою комнату, пытаюсь остановить бешено стучащее сердце...

Глава 7. Мир Агнесс Торсон

Дорогой дневник,

история, рассказанная профессором Маквеем, потрясла меня до глубины души. В этой невыдуманной повести, подтвержденной архивными записями и передающимися из поколения в поколение легендами, было жизнеописание одного герцога, что построил этот замок. Понимаю, что всё это часть эксперимента, что всему есть логическое объяснение, что часть из рассказа является настоящей выдумкой, однако, было в этой истории что-то, что заставляло насторожиться и внимательно слушать.

Красивый замок стал пристанищем души для погибших здесь людей. И их число столь велико, что я не решаюсь написать об этом здесь. Всех их объединяет лишь одно: эти люди были убиты герцогом. Будучи поклонницей фильмов жестоких и боевых, спешу уверить, что чья-либо смерть меня не пугает, и в любой истории она добавляет необходимый драматизм, но от этой истории по моей коже прошелся холодок.

Часть источников утверждает, что герцог был психически болен, что все его свершенные впоследствии действия не могли исходить даже от человека попросту жестокого и аморального. Другая же часть попросту описывает его как личность злую и алчную, воплощающую в себе все семь грехов. Как бы то ни было, герцог сменил двенадцать жен, останки которых до сих пор не были найдены. Есть, однако, достоверные факты об обнаруженных в этом замке повешенных слугах и об утонувших в реке детях, вот только чьих, история не упоминает. Именно поэтому местные жители боятся купаться в протекающей здесь реке, считая, что души утопленников непременно заберут их с собой.

Я не очень поняла, зачем герцогу понадобилось убивать всех своих жен, но, если вообразить его психически больным человеком, то всё действительно встает на свои места. Он измывался над тем, что принадлежит ему, получая удовольствие, а женщины в те времена не имели права выбора и выходили замуж за тех, на кого указывали их отцы.

Беатрис спросила профессора о потомках этого герцога, и Маквей рассказал, что история насчитывает только трех юношей, из которых выжил лишь один. Повисший в воздухе вопрос о том, а не убил ли герцог и своих потомков, остался не оглашенным по причине своей жестокости, и психолог, явно довольный произведенным впечатлением, отпустил нас с собрания.

Впрочем, все собравшиеся повинуются логике. Уже через час многие без задних мыслей обсуждали портреты женщин, отпуская шутки наподобие того, все эти дамы попросту вывели бедного мужчину из себя. Горничная, услышав это, так взглянула на Арчибальда, что тот проглотил язык. Я тоже считаю, что не стоит говорить неуважительно обо всех этих когда-то живых людях.

За обедом Беатрис обмолвилась о владельце этого замка, назвав его очень воспитанным и умным человеком. Она рассказывала так воодушевленно, словно бы была в него влюблена, но Джанет лишь рассмеялась, сказав мне, что такой сухарик, как Трис, очень трудно пробить на настоящие чувства. Я решила поверить, но мысленно захотела встретиться с этим мужчиной, которым так восхищалась Беатрис.

Попытки Моники (Джанет всё же познакомилась с этой розоволосой девицей) совратить дворецкого были unsuccessfulными, о чем она, конечно же, откровенно делилась, рассказывая во всех подробностях, как на Габриэля реагирует её тело. Марвин проиграл

Арчибальду на слабо и теперь был вынужден приударить за одной из горничных, что как по мне совсем уж непристойно. Профессор столько раз просил нас быть учтивыми и вежливыми со здешними работниками! Беатрис сказала, что, наверное, этой ночью психологи предпримут первые попытки повлиять на наше сознание, но меня это совсем не волновало, у меня крепкий сон, и их завывания у дверей или звуки хлопающих створок не помешают мне выспаться и быть с утра бодрой. Если бы я верила во всю эту чепуху, я бы ни за что не согласилась на этот эксперимент. Сработает ли тактика психологов или нет, покажет время, но а пока все эти рассказы для меня — лишь ужасная и неприятная сказка.

Я видела, как двое мужчин, что находились в самой высокой возрастной группе из всех испытуемых, отправились в библиотеку, найдя информацию о герцоге крайне занимательной. Не понимаю, что может быть интересного в больном человеке, желающим убивать. Вместо этого я согласилась показать новым знакомым конюшню, и на них она, как и на меня, произвела большое впечатление. Все эти большие, но аккуратные денники со свежим сеном и новенькими полками, тянулись по двум сторонам, сохраняя посередине широкую дорожку. На каждом деннике была табличка с выгравированными кличкой, возрастом и породой лошади, а от стоявших там скакунов глаз было не отвести! Красивые, гарцующие на месте, с лоснящейся шкурой — если нам позволят на них хоть раз покататься, я буду невероятно счастлива. Когда Джанет услышала это от меня, она в шутку попросила Беатрис замолвить об этом словечко самому владельцу, на что Трис лишь покраснела и наигранно обиделась. Ей, к слову, очень приглянулся черный конь Фризской породы по кличке Дьябло, стойло которого располагалось почти в конце конюшни. Работающий здесь конюх сказал, что этот скакун принадлежит Вилфорду Кроули и что нрав этого коня крайне скверен и даже агрессивен. В самом деле, этот Дьябло чуть не укусил Трис за руку! И, если бы не подоспевший вовремя конюх, пришлось бы моей знакомой ходить с большим синяком на правой руке.

Вечером Джанет постоянно отпускала безобидные шутки в сторону Беатрис и этого владельца. Сама Трис лишь улыбалась, но я видела на её лице румянец: всё же, я думаю, Вилфорд действительно ей понравился. Мужчины, вернувшиеся из библиотеки, рассказали, что нашли информацию о некоторых женах того герцога, и в довольно грубой форме описали двух из них, как девиц легкого поведения. Получается, что бедному герцогу просто не везло в любви? И он решил, как говорят, сжечь все мосты с прошлым и строить новые отношения. Вот только убивать ради этого...

Сейчас десять часов вечера. Я хочу заснуть пораньше, чтобы не видеть позор психологов. Беатрис и Джанет сказали, что будут следить. В этой местности очень красивое ночное небо, видны даже самые маленькие звезды. Мальчик с картины всё также игриво улыбается. Он такой же бледный, как и работающие здесь люди. Видимо, это всё же генетические особенности местных жителей.

Глава 8. О знаках судьбы

— ...и этот психолог, не помню его имя, уже десять минут ходит по коридору, осматривая наши двери, — недовольный голос Джанет из мобильного телефона почти срывался на крик. — А у вас? Тоже ходят?

— Не знаю, — честно ответила я, поднимая из пены ногу и рассматривая покрасневшую от горячей воды кожу, — я решила полежать в ванной.

— Теперь и я хочу...Ладно с ними. Но, если кто-то начнет стучать мне в дверь посреди ночи, я, как тот герцог, попросту удушу этого болвана голыми руками!

— Эй, это же эксперимент, чего ты.

— Пусть проводят его не в то время, когда я хочу спать.

— Мы не на курорте, Джанет, — рассмеялась я, и смех эхом разнесся по большому, заполненному паром помещению, — здесь нет такого, что всё включено.

— Да-да, — связь на секунду пропала, и я услышала уже шипящий и тихий голос подруги, — вот же ж...Я уронила телефон в воду. Потом перезво... — раздались равномерные и быстрые гудки, которые мой гаджет сам и закрыл, увидев завершение связи. Рисковать, как и Джанет, я не хотела, а потому осторожно положила телефон на тумбу, погружаясь в воду по самый нос.

Тишина. В нашей однокомнатной квартирке она прерывается редкими, но громкими каплями, соскальзывающими с плохо закрученного крана, но здесь его тонкий носик лишь поблескивал в приятном свете настенной лампы. Горячая вода и пропитанная эфирными маслами пена убаюкивали, погружая в дрему, если не в глубокий сон, и я впервые за долгое время не думала совершенно ни о чем. Пустой и такой спокойный разум. Запотевшее длинное зеркало над двумя раковинами покрылось стекающими книзу каплями, и яркие баночки с бальзамами и гелями, которые я привезла собой, выглядели среди пара блекло и едва заметно.

Ещё немного, и я утону в этой ванне, заснув. Включив только лишь холодную воду, я умыла ею лицо, тут же проснувшись и покрывшись мурашками. Горячую и усыпляющую обитель, разбавленную освежающим напором, пришлось незамедлительно покинуть. Вытерев тело махровым полотенцем, и надев сверху сорочку, которую Джанет подарила мне на один из дней рождений, я вышла из ванной комнаты, захватив с собой телефон. Маятник часов мерно отбивал свой ритм, а от недавно потухшего камина веяло чуть заметной гарью, которая тут же исчезла, стоило мне открыть балконную дверь. Ночной ветер трепал белоснежный тюль, и упав на кровать вместе с книгой о лошадях, я ждала звонка от Марвина, который должен был мне позвонить и непременно похвастаться своим разоблачением психологов. Но часовая стрелка уже близилась к полуночи, и я, не дождавшись звонка, решила ложиться спать, как в дверь осторожно постучали.

Вспомнив все шутки о том, что психологи наверняка не станут выдумывать что-то изощренное, я подскочила с кровати, еле сдерживая смех, и тут же открыла дверь, надеясь застать врасплох этого организатора. Стоявшая по ту сторону горничная испуганно вздрогнула, и с минуты мы рассматривали друг друга так, словно бы ожидали увидеть нечто совсем иное. Сжимая что-то за спиной, горничная выглядела растерянной и почему-то смущенной, что, полагаю, было вызвано моей короткой и тонкой сорочкой.

— Я искренне прошу у вас прощения за столь поздний визит, — начала она, топчась

при этом на месте, — но вам передан подарок.

С этими словами она аккуратно вывела руки из-за спины, протягивая мне плетеную корзинку, в которой плотно жались друг к другу бордовые розы, заполняя своими бутонами все дозволенное им пространство. Между ними была вложена записка, и прежде, чем послушно взять подарок, я исподлобья взглянула на горничную.

— Это точно мне?

— Да, мисс, это вам.

— От кого? — решила идти до конца я, но горничная лишь присела в книксене, быстро уходя вглубь коридора.

Я закрыла дверь. Недоверчиво осмотрела корзинку со всех сторон и прежде, чем открыть записку, сделала глубокий вдох, вбирая в легкие яркий запах. Последний раз цветы мне дарили в школе, и то только потому, что все мальчишки в праздник должны быть сделать столь приятный подарок каждой девочке. Надеюсь, это не выходки Арчи, и очень надеюсь, что этот кто-то не сорвал эти цветы со здешних клумб. Но что, если это от... Едва я подумала об этом, как тут же покраснела, и схватила записку. В ней каллиграфическим почерком была написана короткая фраза: *«Даме столь прекрасной, как и эти цветы. В.К.»*

Улыбка тут же растянулась на губах, и мне захотелось вдруг выплеснуть все эти радостные эмоции криком в подушку, что я и сделала. Поверить не могу в то, что моя первая в жизни влюбленность оказалась взаимной! Но серьёзны ли намерения с его стороны? Полагаю, мне не стоит бросаться в эти чувства с головой, какими бы сильными они не оказались, ведь в таком случае смотреть правде в глаза окажется слишком тяжело. Предположим, я действительно испытываю то, что принято называть любовью с первого взгляда, и это значит лишь то, что несущуюся телегу с горы лучше притормозить. Во-первых, потому, что я не верю в любовь с первого взгляда. Во-вторых, не думаю, что столь влиятельный и богатый человек будет иметь серьезные чувства к малознакомой девушке-студентке: ему под стать дама столь же благородная, как и он сам. Мне же временные и несерьезные отношения ни к чему.

Я не сразу заметила, что в комнате возникла абсолютная тишина. Такая непривычная, что я с удивлением взглянула на застывший маятник и остановившиеся часы, чей звук всегда был неким неотъемлемым фоном. Подойдя ближе, я осторожно коснулась часовой стрелки, замершей на двенадцати часах, и, уж не знаю, как этот механизм работает, но придется завтра позвать кого-то сюда для починки. В комнате стало очень холодно, но не думаю, что температура стала причиной остановки часов, однако, балконную дверь я закрыла. Стоило мне поправить тюль, как в ванной послышался шум воды, и здесь, признаюсь честно, я немного испугалась. Мысль о том, что всё это лишь дело рук психологов, мгновенно придала мне той смелости, что есть у каждого главного героя фильма ужасов, и я уверенно, но в то же время осторожно, зашла в ванную, где из крана в раковину бежала вода. Когда я подошла, чтобы закрыть вентиль, вода сменилась ржавым цветом, источая тошнотворный гнилостный запах, и мне пришлось задержать дыхание, чтобы всё это прекратить. Вместе с водой в слив утекали какие-то частицы и, как мне показалось, волосы, что было отвратительно до тошноты. Психологи переплюнули все наши ожидания, но такими темпами мы съедем отсюда не из-за страха, а из-за брезгливости, и думать сейчас о том, как они всё это провернули, мне не хотелось вовсе.

Вернувшись в комнату, я сделала один шаг и тут же наступила стопой на что-то колючее. Розы, ранее покоившиеся в корзинке, были нещадно разбросаны по всей комнате,

и, подбежав к двери, я убедилась, что забыла закрыть её на засов. Прекрасно, черт возьми! Теперь ночью по моей комнате будут ещё бродить люди и разбрасывать вещи! Учитывая, что знали о цветах лишь горничная и Вилфорд, я делаю вполне логичный вывод, что и они замешаны в эксперименте. Но как же это мерзко, воздействовать на меня через подобные чувства! Как же я зла! Пнув цветок, я с шумом закрыла дверь изнутри и направилась к кровати, готовя в своей голове гневную тираду, с которой я буду завтра изливать душу Джанет, но, проходя мимо записки, остановилась. На ней корявым почерком было начертано всего четыре красные буквы.

Беги.

— Слушай, перестань, — шепнула мне на ухо Джанет следующим утром, чтобы не привлекать внимание разглагольствующего профессора, — он с тебя глаз не сводит, а ты выглядишь, как ведьма с костра.

Намеренно или по роковой случайности, но именно сегодня Бенджамин Маквей решил представить нам владельца замка, от вида которого все испытуемые женского пола пришли в неописуемый восторг. Профессор обсуждал с Вилфордом вопросы как территориальные, так и экономические, непринужденно спрашивая о том, каково это содержать в порядке такую огромную площадь. Поддерживая диалог, характерный для большинства шоу, где ведущие приглашают на программу звезд из разных сфер, Маквей при любой удобной возможности благодарил мужчину за радушный прием и за возможность проведения эксперимента. Моника и Лаура часто поднимали руки, чтобы задать вопросы и обратить на себя внимание, и даже Марвин восхищенно придвинулся ближе, когда узнал, что Вилфорд владеет семью языками. И, по мнению Джанет, лишь я среди цветущего сада выглядела упрямым сорняком.

— Конечно, смотрит, — злостно прошептала я в ответ, — пытается понять, какой эффект на меня произвел вчерашний...случай.

— Согласна, это немного жестоко...

— Немного? Джанет, он прислал цветы, которые затем разорвал.

— Ну, наверняка, рвал их не он, а...

— Какая разница, — поставила я точку чуть повышенной интонацией, и Бенджамин хмуро посмотрел в мою сторону. Я отвела взгляд.

— Скажите, мистер Кроули, — услышала я тоненький голос Лауры, — лошади в ваших конюшнях участвуют в соревнованиях?

— Да, — вежливо ответил он, чуть склоняя голову набок, — многие из этих лошадей чемпионы, чья стоимость исчисляется в миллионах.

Толпа загудела, и, пользуясь возникшим шумом, Джанет вновь обратилась ко мне.

— Послушай, а тебе это точно не приснилось? Ох, не смотри на меня так. Просто, пойми, я поспрашивала всех, и ни у кого не было ржавой воды этим вечером. Более того, никто ничего не слышал...

— Джанет, вонь была такой, что это присниться не могло! А, если не веришь про букет, то спроси у горничной, что сегодня собирала эти цветы по полу, — должно быть, на эмоциях я не смогла удержать свой тон на уровне шепота, и не выдержавший профессор демонстративно громко прокашлялся. Стоявшие впереди меня люди подарили мне очень недовольные взгляды.

— Беатрис, мне казалось, ты достаточно воспитана, чтобы не перебивать чужой разговор.

— Я прошу прощения, — мне было так неловко, что вся злоба тут же улетучилась, и я схватилась за кончики волос, накручивая их на палец.

— Извиняться нужно не передо мной, а перед мистером Кроули, — с этими словами профессор скрестил на груди руки и выжидающе сверлил меня взглядом, пока я, наконец, не взяла себя в руки настолько, чтобы посмотреть на Вилфорда.

— Я...Прошу прощения, — менее уверенно, чем в прошлый раз, произнесла я, облегченно выдыхая, стоило толпе вновь переключить своё внимание на стоявшего в центре мужчину. Я же не могла смотреть ему в глаза. Точнее, попросту не хотела, но злоба эта должна была бы быть направлена мне самой, ведь это я вообразила себе несуществующую любовь после одного ничего не значащего поцелуя. К этим действиям привело исключительно моё поведение, и злиться на Вилфорда не к чему. Однако от той встречи, которую он обозначил в нашем разговоре следующей, я непременно откажусь.

— Что ж, мистер Кроули, полагаю, мы утомили вас своими вопросами. Надеюсь, вы завтра сможете также уделить нам свободную минутку?

— Мне было приятно знать, что собравшиеся здесь люди интересуются историей. На остальные вопросы я отвечу завтра.

Все хором, кроме меня, поблагодарили мужчину, а после, не найдя возможности лично поговорить с Вилфордом (профессор занял его, очевидно, другой беседой), начали расходиться. Я схватила Джанет за рукав и потянула в сторону выхода, как меня окликнула Лаура. Выглядела она очень недовольной.

— Из-за тебя всё так рано закончилось! — громко обвинила она меня, смахнув с плеча прядь волос. — Неужели не могла обсудить что-то позже?

— Эй, — тут же вступилась за меня Джанет, — тебе-то что? Как самой что обсудить надо, так всё равно, кто стоит рядом.

— Лаура, я уже извинилась, нам идти надо...

— Знаешь что, Беатрис, если в тебе этот мужчина не вызывает интереса, то ты как минимум больна, как максимум — попросту асексуальна.

— Лаура, — огрызнулась Джанет, — иди с Арчи развлекайся.

— Мы решили сделать перерыв в отношениях.

— Что-то случилось? — услышали мы приятный голос позади и обернулись. — Не стоит вести себя так вызывающе.

Строгий взгляд Вилфорда мгновенно поставил Лауру на место, и она тут же стушеввалась, поправляя свою прическу. Джанет нервно прокашлялась, и, когда я уже сделала шаг назад, чтобы уйти, больно пихнула меня локтем в бок. Я осталась, но головы не поднимала. Мне казалось, что, если наши взгляды встретятся, он непременно усмехнется, а, быть может, обвинит меня в наивности и доверчивости, чего я признавать не желала совершенно. Меня трудно обмануть, я редко попадаю на уловки, и до сих не понимаю, что заставило меня в тот вечер повести себя столь...легкомысленно?

Задумавшись, я не сразу поняла, что произошло. Из мыслей меня вывел громкий шепот оставшихся в комнате людей, и гневный взгляд Лауры, что прожигал кожу получше разогретых в огне щипцов. Вилфорд стоял передо мной на одном колене, держа за руку и смотря внимательно в моё лицо, которое до сих пор оставалось непроницаемым. Теперь же смущение смешалось с удивлением и волнением, ведь все здесь смотрели на нас, и я поспешила схватить мужчину за плечи, чтобы поднять его на ноги. Но встать он и не думал.

— Я сделал что-то, что вызвало в тебе злость? — громко спросил он, и я, поймав на себе удивленный взор профессора, покраснела ещё больше. Сегодняшний день можно уверенно назвать днем неловкости.

— Ничего-ничего, — жалобно произнесла я, наконец, находя попытку поднять Вилфорда тщетной. Пришлось сесть на корточки рядом с ним, чтобы никто не смог более услышать моего шепота. — Давай выйдем отсюда, пожалуйста.

Дважды повторять, точнее умолять, не пришлось. Вилфорд поднялся на ноги, отряхнул колено и, взяв меня за руку, быстрым шагом вышел из комнаты, попросту игнорируя устремленные на нас взгляды. Теперь же все только и будут, что обсуждать нас! Почему же так стыдно, так конфузно, что весь предстоящий отдых в замке мне ныне казался испорченным чужим пристальным вниманием. Стоит мне вернуться назад, как на меня посыплется град вопросов, и будет очень кстати продумать все ложные ответы наперед.

Я не видела, какой дорогой вел меня Вилфорд, все мысли были словно в тумане, подкрепленном удивленными вздохами горничных. Час от часу нелегче. Он выставил эти странные несерьезные отношения напоказ! Медленно, но ко мне начало возвращаться осознание происшедшего, и злость от того, что Вилфорд совсем не понимает своих поступков, в очередной раз захватила моё сознание. Когда мы вышли к оранжерее, я вырвала из его руки свою ладонь, но тут же прижала её к себе, как ошпаренную, когда мужчина направил на меня пробирающий до дрожи взгляд.

Мягко улыбнувшись, он осторожно подошел ближе, убирая за ухо прядь моих волос, и я решила начать разговор до того, как вновь пожалею о собственном поведении.

— Рвать подаренные же тобой цветы было слишком.

Брови Вилфорда тут же изогнулись в удивлении. Помолчав с минуту, он вернул себе хмурый взгляд, который тут же стал крайне строгим.

— Кто-то испортил твой подарок? — его голос был холодным и пугающим, таким странным, что я решила охотно поверить в мужскую неосведомленность. Поверить потому, что это искреннее удивление принесло мне...облегчение.

— Прошлой ночью горничная принесла мне букет. Там была записка...

Вилфорд согласно кивнул.

— Я зашла в ванну, а когда вернулась...Все цветы были разбросаны по полу и порваны, — о записке я решила умолчать. Это предупреждение показалось мне лишь простым запугиванием для необходимого эффекта. Если Вилфорд не знает о том, что случилось, ему незачем знать о записке.

— Беатрис, — он поднял две мои руки, покрывая их легкими поцелуями, — я клянусь, что ничего об этом не знаю. Если хочешь, я найду, кто это сделал, — произнес Вилфорд так пугающе, что я тут же отрицательно замотала головой. Того, кто все это беспощадно сотворил, мне вдруг стало жаль.

— Прости, я не поговорила с тобой и сделала поспешные выводы...

— На твоём месте я бы решил также. Я рад, что мы прояснили это недоразумение, — улыбнулся мужчина, сцепляя руки на моей талии. Я мягко отстранилась.

— Все итак теперь думают, что мы... — краска залила моё лицо, как только я поняла значение всплывшего в памяти слова, — вместе.

— Тебя это не устраивает? — удивился Вилфорд, и я даже перебила его от колыхнувшихся внутри чувств.

— Но мы же знакомы три дня!

— Скажи, Беатрис, ты веришь в любовь с первого взгляда?

— Нет, — честно буркнула я, и вдруг услышала, как Вилфорд рассмеялся.

— Я тоже не верю, ведь это можно назвать влечением, симпатией, но никак не любовью. Однако это влечение и есть первый шаг к любви, очень крепкой и, возможно, долгой, — шепнул он мне на ухо, отчего по моей коже толпой побежали мурашки. — И мне достаточно трех дней, чтобы разобраться в человеке и в своих чувствах.

— Всего три дня?

— Целых три дня.

— Если это так, то ты, верно, хорошо разбираешься в людях, — улыбнулась я, чувствуя, как по телу разливается приятное тепло. Даже если мне сейчас откровенно кладут на уши длинную лапшу, я подумаю об этом после, а пока... я попросту рада слышать эти слова.

— Беатрис, я уверен, что ты завладела моим сердцем. И я сделаю все, что угодно, чтобы завладеть твоим.

Говорить о том, что он уже всё сделал, я не стала и лишь кивнула, позволяя себя поцеловать. Сколько бы я ни злилась, сколько бы сомнений не пускала в душу, рядом с ним я будто становилась совершенно другим человеком. Человеком, который живет лишь приносящими удовольствие моментами; человеком, что не думает о будущем и живет настоящим; человеком, для которого новые чувства подобны кислороду, без которого невозможна жизнь. Совершенно противоположным мне человеком...

Его действия, пропитанные старинными манерами, его слова, что всегда звучат складно и красиво, его руки, холодные, но такие нежные, — всё это точно магнит, от которого я зачем-то пытаюсь оторвать мысли. Сама себя не понимаю, однако, одно знаю точно: с каждым днем я влюбляюсь в Вилфорда всё больше...

Глава 9. Мир Агнесс Торсон

Дорогой дневник,

сегодня мы, наконец, познакомились с мистером Кроули, и я лично убедилась в словах Беатрис: он не просто галантен и умен, он красноречив, харизматичен и очень красив. Я могла бы влюбиться в него, если бы не знала о чувствах Трис, к тому же, после всего случившегося я была уверена, что эти чувства взаимны. Вилфорд Кроули не сводит с неё глаз. Если все сложится так, как уготовано, полагаю, самой судьбой, и они пожениятся, надеюсь, меня пригласят на шикарную свадьбу, как свидетельницу зарождения их любви. Я более чем уверена, что эта свадьба будет шикарной. К сожалению, не все настроены радостно, и уже вечером я слышала хвалебную речь Лауры о том, что увести чужого мужчину для неё ничего не стоит. Надеюсь, чувства мистера Кроули действительно искренни, ведь в противном случае Беатрис будет поглощена горем. Но я думаю, что Вилфорд серьезен в своих намерениях и не позволит недоразумениям разрушить столь чистые и прекрасные чувства, которые так редко снисходят до жаждущих душ.

Этим вечером я видела его вновь. Моя комната под номером десять, и Беатрис является моей соседкой: это довольно удобно для меня и успокаивающе. Мистер Кроули с пышным букетом пионов что-то рассказывал моей знакомой, а она счастливо смеялась и вела себя будто бы по-детски. Сделав вид, что ищу ключ, я решила ещё раз всмотреться в черты мужчины (он как раз стоял лицом ко мне), чтобы найти в его безупречном виде хоть одно «но», и я его нашла. Его взгляд. Нет, не необычная радужка, а именно взгляд, с которым он смотрел на Трис. Точнее, не смотрел, а пожирал. Этот взор был таким маниакальным, таким пронзительным, словно бы мистер Кроули был в самом деле одержим Беатрис, и это показалось мне жутким.

Но довольно о них, это же все-таки мой дневник. И нет, зависть не гложет меня, хотя порой и я чувствую это странное желание любить и быть любимой. Этим вечером мы услышали ещё одну деталь из жизни герцога, а точнее, о его пятой жене, которую он живьем поджег в часовне у дворцовой площади. Для пущего эффекта психологи решили вывести нас к этому строению, и вот, что удивительно: почти половина из присутствующих не решилась зайти внутрь. Ещё бы. Одна из горничных сказала, что в полнолуние здесь слышатся крики сгоревшей герцогини, но я считаю, что это всего лишь ветер. Очень жестокая судьба для хрупкой женщины, но, когда я узнала, что портрет этой самой госпожи висит в моих покоях, я...испугалась. Не знаю, почему. Должно быть, это известно лишь тонким психологам, но я тут же захотела перевесить эту картину в другое место. Мне запретили это сделать, сказав, что все вещи в замке должны быть на своих местах, и сейчас, когда я пишу очередную страницу, эта герцогиня взирает на меня свысока, а её сын со столь далекого ракурса кажется мне теперь не озорным, а недовольным. Да, признаю, этот портрет давит на меня. Но как бы вы отнеслись к картине с человеком, погибшим столь ужасным образом, в своей милой и спокойной комнатке? Я не нашла ничего лучше, кроме как закрыть портрет плотной тканью.

Почти перед самым сном ко мне зашла Беатрис. Она была очень довольной и рассказала, что мистер Кроули разрешил нам покататься завтра на лошадях. Я сердечно отблагодарила Трис, и радость переполняет меня до сих пор. Более того, Вилфорд составит нам компанию, и мы сможем отправиться в его сопровождении на прогулку в

лес! Я поймала себя на мысли, что хочу одеться красиво...

Мы отправились с этой новостью к Джанет (она утопила свой телефон, и теперь дозвониться до неё невозможно), и она, словно бы в уплату конной прогулки, рассказала нам очередную сплетню, что затмила собой даже отношения Трис и Вилфорда. Оказывается, романтический воздух замка проник в сердце каждого испытуемого, и теперь удача встала на сторону Моника: Марвин видел, как она в одном халате заходила в комнату дворецкого. Что ж, одна свадьба хорошо, а на двух и поест можно вдвое больше!

Ах, да, забыла упомянуть, что сегодня на ужин нам подавали устрицы. Я ела их впервые, и они показались мне безвкусными с тем лишь единственным привкусом, какой ощущаешь, хлебнув морской воды. Джанет ела мидии, но перестала их кушать тогда, когда Беатрис отметила схожесть мидий с женскими половыми губами. Не думала, что моя соседка любит подобный юмор.

....

Уже час ворочаюсь в постели. Не могу уснуть.

Хочется фисташкового мороженого в стаканчике.

Ровно в полночь часы с маятником перестали работать.

Глава 10. Из воспоминаний Джанет Берк

Что-то...было не так.

Женская интуиция, врожденное чутьё или же моя долгая дружба с Беатрис позволили мне сделать столь странный и вполне подходящий этому месту вывод, но он не покидал моих мыслей. Мне не нравились истории о паранормальных явлениях, я не была поклонницей мистики и уж тем более не считала существование призраков правдой, но постоянные рассказы Марвина, которыми он травил мой логический разум долгое время, не смогли не оставить во мне следа. Понимаю, что это может прозвучать абсурдно от той, что не признает существование чего-то необъяснимого, но мне кажется, будто что-то преследует меня, куда бы я ни пошла. Я говорю это потому, что спиной постоянно ощущаю чьё-то холодное дыхание. Искренне надеясь на существование в замке кондиционеров, я решила (не верю, что говорю это) проверить теорию моего преследования, для чего мне пришлось отправиться в конюшню. И вот, что я хочу сказать. Мало того, что мне не стало теплее даже на летней улице, так в конюшне меня вовсе пробило на настоящий озноб. Мои пальцы так замерзли, что даже посинели, и конюх, решив, что мне стало плохо, отвел меня к Зои Уиллер. Задав множество вопросов касательно состояния моей сердечной системы, она решила предоставить меня психологам, которые подлили масло в огонь, рассказав о внезапной находке.

Портрет Доротеи — фаворитки герцога — висел на третьем этаже в картинной галерее, куда мы с Беатрис ещё ни разу не заглядывали, и, поднявшись наверх, я оцепенела от ужаса, вглядываясь в черты лица, так похожие на мои собственные. Это был...мой портрет, исполненный в том старинном стиле, что несколько изменяет плавные и индивидуальные линии каждого позирующего. Но это была я. Судя по удивлению психологов, они были к этому непричастны, вот только меня уже начало тошнить. Понимаю, даже в настоящее время по свету бродит парочка похожих на меня девушек, но найти столь внезапное сходство в этом замке...Да, это кажется мне...до дрожи пугающим.

«Так это ты ходишь за мной?» — зачем-то мысленно спросила я у картины, и уголки губ девушки вдруг едва заметно приподнялись.

Думаю, меня вырвало на нервной почве, но как же неловко было делать это в картинной галерее под взглядами двух психологов. Один из них кружил вокруг меня, в то время как второй отправился на поиски горничной, в глаза которой мне предстояло виновато смотреть. Не владея собственными эмоциями, я сорвалась на профессоре, сказав, что вешать сюда мой портрет было уже слишком, но он лишь внимательно записывал все мои слова в свой блокнот, явно находя в происходящем необходимые ему результаты. Вот же кобель.

Выпив холодной воды, я ощутила облегчение. Всё еще синие пальцы немного дрожали, и, более не поворачиваясь к картине лицом, я выскочила в коридор, надеясь как можно скорее оказаться в комнате. Я хочу назвать это самоубеждением. Этот термин как нельзя лучше характеризует мои личные накручивания, придуманные в подходящем для этого месте. Если Марвин хоть ещё раз обмолвится о мистике в моём присутствии, я повыдергиваю ему все его рыжие волосы! Я ни на секунду не задумывалась в этой жизни о подкроватном монстре, а здесь вдруг ощущаю холод по позвоночнику и вижу улыбающиеся картины. Что у нас было на обед? В мясе ведь были грибы, верно? Мне пришлось долгс принимать контрастный душ, чтобы успокоиться и вернуть себе прежнюю трезвость ума.

Мои необоснованные галлюцинации не были единственной причиной столь дискомфортных ощущений, и поведение Беатрис волновало меня ничуть не меньше. Мы дружим уже двадцать лет, и этого периода мне хватило, чтобы понять Трис и весь её внутренний мир. И была в ней одна неизменная черта, что шествовала с ней из года в год, пока иные качества претерпевали ряд изменений, — она отчего-то боялась серьёзных отношений и очень придирчиво подходила к выбору пускай даже потенциального партнера. Никогда не испытывая прежде чувств столь сильных и вдохновляющих, Трис вдруг сказала мне о своей влюбленности, и вместо радости я ощутила волнение. Безусловно, всё когда-то случается впервые, и сильные чувства могут снизойти столь неожиданно, что поведение человека изменится на корню, но... Они знакомы четыре дня. Всего четыре дня, что вскружили Беатрис голову. Она думает о нем, говорит о нем, и стремглав бросается к нему, стоит лишь Вилфорду показаться в поле видимости. Я хочу быть Трис хорошей подругой и поддерживаю её чувства, ведь, если я выскажусь честно, она может растолковать это неверно, заподозрив и меня во влюбленности в мистера Кроули, тогда как на деле, я единственная из всех девушек во дворце ничего к нему не испытываю. Вилфорд кажется мне слишком отстраненным мужчиной, слишком скрытным, словно бы ему на самом деле есть что скрывать. Я видела, как он разговаривает с горничными, и эта грубость и пренебрежение возносят его к тем временам, когда герцоги считали прислугу пустым местом.

Перед ужином мы отправились в конюшню, в которую возвращаться я, признаюсь, не хотела. Под уздцы конюх вывел ко мне спокойного белоснежного жеребца, что тут же уткнулся своими большими ноздрями в мой карман, где я держала припасенное для лакомства яблоко. Сунув в мои руки удила, мужчина отправился к уже открытому стойлу, чтобы вывести оттуда гнедую кобылу для Агнесс, и тут-то я услышала треск с последующим за ним грохотом. Поднявшиеся вороха пыли клубом вышли даже из прохода, и гнедая кобылка от страха вырвалась из рук конюха, убежав в сторону загона. Громкое ржание из конюшен напугало и моего коня, что начал пятиться в сторону, и, если бы я не высунула яблоко, он бы непременно рванул в сторону замка, что привело бы к крайне неприятным последствиям.

Когда пыль улеглась, я тут же подскочила к открытым воротам, увидев в конце поваленную на пол огромную балку, что прежде подпирала крышу. Подле неё в сене лежала Беатрис, а чуть подальше — испачканный грязью Вилфорд, во взгляде которого я не увидела ни волнения, ни обеспокоенности, лишь странный неприкрытый восторг. Отряхнув свои безупречно поглаженные черные брюки, он тут же оказался рядом с моей подругой, аккуратно переворачивая её на спину. По тому, что она не шевелилась, я поняла, насколько ужасно обстоят дела, и без промедления побежала к замку, чтобы позвать на помощь Зою.

После того, как Вилфорд на руках унес Трис в комнату под чутким руководством нашего врача, Агнесс, вытерев запыленное лицо влажной салфеткой, наконец, рассказала мне о том, что случилось. Когда балка падала на мистера Кроули, Беатрис мгновенно бросилась в его сторону, чтобы оттолкнуть, и лишь чудо спасло её саму, ведь огромная деревяшка покоилась аккуратно у её ног. Она отделалась стесанной щекой и потерей сознания, и Зою облегченно выдохнула, когда поднесенный к носу нашатырь вернул Беатрис в чувства. Я же в этой истории металась от испуга к злости, считая Вилфорда недостаточно внимательным, а Трис, кто бы мог подумать, безрассудной! Но даже к вечеру, когда моя подруга за троих уплетала ужин, поправляя на щеке пластырь, из моей головы не выходило выражение лица мистера Кроули, когда он, будучи спасенным, осмотрел плоды своей

заторможенности. Нет, мне не могло показаться, он действительно испытал восторг, если не целую эйфорию! Адреналиновый наркоман? По-моему, просто придурок.

Весь день шел наперекосяк.

Зои решила съездить в соседнюю деревню, посчитав, что, если все продолжится в подобном духе, ей явно не хватит купленных лекарств. А ближе к девяти вечера, когда все мы решили собраться в огромном зале у камина и книжных шкафов, я увидела, как шупленький паренек разговаривал с профессором, что явно пытался его успокоить. Не прошло и недели, как лед эксперимента пустил по поверхности первые необходимые трещины, и не мне говорить, что вся эта средневековая обстановка, лишённая интернета, правда пугает. Стоит лишь подумать о портрете Доротеи на третьем этаже, как к горлу подкатывает ком...

Я представляла эту поездку более спокойной и приятной, но везде есть свои подводные камни, и за этот роскошный замок нам, полагаю, придется платить своими нервами. Впрочем, всегда на твоём пути попадетсся невезучий день, из-за которого ты придумаешь лишнего. Когда даже мелкие и незначительные неприятности скатываются в такой непосильный клубок, что хочется глотать не прекращающие течь слезы. Сегодня, как я склонна считать, именно такой случай. Чтобы сгладить вину за произошедшее, Вилфорд пообещал устроить завтра настоящую трапезу под оркестровую музыку, что тут же было принято одобрительными и предвкушающими возгласами.

Я вернулась в комнату опустошенная. День был слишком щедр на тяжелые события. Чтобы поставить в его конце завершающую, но, видимо, очень толстую точку, судьба подослала мне горничную, что по ошибке принесла в мою комнату не те постиранные вещи. Ещё и часы с маятником остановились... Пусть хотя бы завтра будет спокойный день, иначе я соберу свои вещи так быстро, что профессор даже не успеет спросить о моём самочувствии.

Глава 11. Desbundar

Придирчиво оглядев себя в зеркале и в очередной раз пригладив черное платье, строго оканчивающееся на уровне колен, я коснулась накрепко прилипшего к коже пластыря, что, безусловно, портил весь вечерний макияж. Красная помада на губах никак не сочеталась с белой широкой полосой, покрывающей щеку, прятать которую за локонами было невозможно. Я могла бы с уверенностью в девяносто девять процентов заявить о своей безупречной внешности в этот вечер, если бы не это самое липучее «но», под которым краснела стесанная кожа. Никогда бы не подумала, что внешний вид станет для меня причиной глубоких переживаний, которые были старательно мною накручены с самого утра. Столь удручающие мысли были вполне обоснованы не только прикрытыми строгим платьем синяками и бросающимся в глаза пластырем, но и совершенной растерянностью перед этикетом. Узнав о том, что на ужине будут гости из близлежащих деревень, я и подумать не могла, что Вилфорд пригласит людей из высшего общества.

В этот непростой для себя момент я решила идти до конца и предаться самобичеванию так, чтобы в итоге прийти к верному выводу: мне не стоит никуда выходить. Многого для этого мне не потребовалось, и, стоило лишь Лауре мелькнуть в моих воспоминаниях, как я потеряла всё желание идти на ужин. Умеющая завладеть чужим вниманием привлекательная блондинка, что всегда найдет тему для разговора и очарует собеседника рассказами о своих танцевальных выступлениях, представлялась мне настоящей мозолью, что своей идеальной внешностью постоянно напоминала бы мне о собственных изъянах. Понимаю, что думать об этом эгоистично и грубо, ведь я не претендент на всеобщее внимание и не имею ничего против напыщенного блеска Лауры, ведь такова её натура, но рядом с ней я буду непременно выглядеть тем ребенком в семье, что, постоянно влезая в драки, не снимает с себя бинтов.

В дверь деликатно постучали, и я, не надевая туфель, босиком направилась к входу, чтобы встретить на пороге Агнесс. Всего немного макияжа и миловидная студентка превратилась в роковую красавицу, что с сомнением смотрела на мои голые ступни. Наши взгляды встретились, и пронизательная Агнесс тут же поняла, в чем заключалась моя проблема на сегодняшний день.

— Ты серьезно? — произнесла она, изгибая одну бровь и заходя в мою комнату, чтобы разговор эхом не бежал по коридору. — Из-за такой мелочи пропускать чуть ли не средневековый пир?

— Это не мелочь, — с грустью буркнула я, невольно касаясь пальцами пластыря, — все будут смотреть.

— Скажи мне, если бы там не было этих гостей, ты бы пошла?

— Конечно же.

— Вот и представь, что их там не будет. Ты их, может, видишь первый и последний раз. И вообще, с каких пор тебя так волнует чужое мнение? — Агнесс недовольно скрестила под грудью руки, а после вдруг двинулась к зеркалу, захватывая мои туфли на каблуке и ставя их передо мной. — Как дитя. Надевай.

Под пристальным взглядом девушки, я аккуратно ступила в обувь, тут же становясь немного выше. Выглянувший из-под платья синяк возымел на меня самое удручающее действие.

— Послушай, Беатрис, мы идем за вкусной едой и живой музыкой. Зачем туда идут

остальные, не имеет значения. Представь, как расстроится Джанет, если ты не придешь. А Вилфорд? — решила она действовать наверняка, называя сразу два имени, имеющих на мои решения самое большое влияние. Я неуверенно потопталась на месте, находя своё поведение и вправду детским. То, что я выйду к гостям в таком виде, покажет мою уверенность и ничего более, Агнесс права, мне незачем выставлять себя особой аристократических кровей пред теми, кого я вижу в последний раз. Желание показать себя с лучшей стороны было вызвано лишь попыткой не опозорить Вилфорда, но, если посудить, он и сам осведомлен о моем незнании этикета.

— Спасибо, Агнесс, — я искренне улыбнулась подруге, — ты вернула меня в чувства.

— Идем, — улыбнулась она в ответ, — если гости будут любопытничать, скажем, что ты упала с лошади. А, если перепутаешь нож и вилку, скажем, что ты сильно ударилась головой, — по-доброму рассмеялась Агнесс, когда мы вышли из комнаты, и я почувствовала, что всё напряжение и в самом деле испарилось.

Мы неспешно направились по коридору к лестнице, что вела в банкетный зал, но, когда воздух пронзила оркестровая музыка, мы поспешили, решив, что опоздание будет крайне плохим тоном для приветствия. Вбежав в огромное помещение, в котором царствовали торжественность и вкусные запахи, я облегченно выдохнула, увидев, что никто из присутствующих ещё не сел за стол. Привыкнув к небольшой группе, я с удивлением осматривала собравшихся в зале людей, что были одеты так элегантно, как обыденно наряжаются леди и их джентльмены, отправляющиеся в качестве наблюдателей на скачки. Приглашенных оказалось достаточно, чтобы я вновь начала ощущать волнение, и, повернувшись в сторону Агнесс, я заметила схожий спектр эмоций и на её лице.

— Посмотри на платье той дамы, — шепнула она мне, и я устремила взгляд на ухоженную женщину, чьи драгоценные украшения блестели лучше вымытого стекла на солнце. Красиво сложив перед собой ладони, она внимательно слушала Вилфорда, что держал в руке бокал красного вина. Не изменяя своим вкусам, он вновь выбрал черный костюм, строгость которого была подчеркнута сделанными на заказ часами и большим перстнем на указательном пальце. — Подойдешь к нему? — спросила Агнесс, но я отрицательно покачала головой, находя в толпе рыжую макушку Джанет.

Зеленое платье выглядело на ней потрясающе, и, странно цедя шампанское, она демонстративно заглянула в моё декольте, не упуская шанса подарить мне вполне ожидаемую шутку.

— Вот так смотришь на девушку, — начала она, опуская взгляд на туфли, — отмечаешь, какие у неё ноги, какие бедра, какая грудь, а потом, хоп! — Джанет посмотрела мне в лицо, краснея от распирающего её изнутри смеха. — А у неё вся физиономия пластырями заклеена!

— Ах ты, бестия рыжая! — только и ответила я, не сдерживая улыбку в ответ громкому и заразительному смеху. — У меня заклеена только щека!

— Я же любя, ты знаешь. Скажем, что ты дралась с кабаном за Вилфорда.

— Знаешь, вариант с падением с лошади мне понравился больше.

Роскошь мероприятия вызывала в душе чувство, схожее с эйфорией, когда всем телом овладевают исключительно радостные эмоции. Я украдкой осматривала гостей, и, поделившись своими мыслями с Джанет, сделала довольно простое, но неловкое заключение: мы были словно из разных миров. Моя группа, всецело поддавшись новой атмосфере, не сдерживала громкий смех и дружелюбные ребячества, что были навеяны

шампанским и вином. Они вели себя столь естественно и непринужденно, что это мгновенно передавалось по воздуху моей стеснительности, начавшей испаряться ещё рядом с Агнесс. Я слышала шутки Арчи и веселые комментарии Марвина, что, должно быть, посчитал своим долгом опустошить все подносы с бокалами, и радостная улыбка Джанет обезоруживала меня окончательно, заставляя поддаться этому вечеру. Но стоило мне взглянуть в другую сторону, туда, где горделивая осанка была такой же неотъемлемой частью, как дорогие украшения, и мне вновь становилось не по себе. Среди людей из высшего общества я, как и ожидалось, увидела Лауру и Монику, что с широкими улыбками разговаривали со строго одетыми джентльменами, изредка прикрывая ладошками растягивающиеся в смехе губы. Мне показалось, что Моника чувствовала себя не самым лучшим образом, и вглядевшись в её сторону Джанет лишь подтвердила мои слова, назвав внешний вид девушки...болезненным. Я решила при удобном случае спросить у Моники о самочувствии, но а пока отвлеклась на рассказы Марвина, что немислимым образом уже познакомился с некоторыми гостями.

— Вот та дама, — я взглянула на молодую девушку в строгом белом костюме, — министр культуры. Мне одному кажется, что она выглядит слишком молодо для данного поста? Я не стал спрашивать её о возрасте, но на вид ей двадцать пять.

— Я вообще не понимаю, как ты смог с ней заговорить, — с насмешкой обратилась Джанет к своему брату, — учитывая, что рядом с ней постоянно ходит тот высокий мужчина. Почему он с тростью? Плохо ходит?

— Нет, я так понял, для красоты. Была бы у меня такая трость, я бы тоже всюду её с собой таскал.

— Это её муж? — спросила я у Марвина, находя внешний вид незнакомого мужчины старомодным, учитывая современный стиль министра культуры.

— Да. Он тоже кто-то в министерстве.

— А есть тут кто-то...попроще? — Агнесс перешла на шепот и осторожно оглянулась. — В такой компании и кусок в рот лезть не будет.

— Не знаю, они все выглядят так, будто вместо маски с огурцами кладут себе на глаза монетки, — хмыкнул Арчи, смотря на мускулистого мужчину, что почтительно и вежливо поприветствовал Вилфорда кивком головы. — Трис, а кто вообще такой мистер Кроули? Я имею в виду его профессию.

Я, собираясь уже что-то было ответить, вдруг запнулась, совершенно не зная, правильным ли будет назвать его...

— Я бизнесмен, — раздался надо мной бархатный голос, и все мы вздрогнули от неожиданного появления Вилфорда. Марвин даже поперхнулся вином. — Туристический бизнес, конный, ресторанный, сельскохозяйственный...Не буду тратить ваше время на рассказ подробностей и перечисление отраслей, — закончил мужчина, пропуская мимо наши ошарашенные взгляды. Безусловно, я могла предположить занятость Вилфорда в сфере бизнеса, но я и подумать не могла, что область его влияния столь...огромна. Думаю, это занимает много времени и сил, однако, мистер Кроули не выглядит загруженным и уставшим.

Он взглянул в мою сторону, и я, словно бы в задумчивости, прислонила длинный бокал к заклеенной щеке, услышав в тот же момент смешок со стороны Джанет. Вилфорд аккуратно коснулся холодными пальцами моего запястья, вынуждая меня опустить руку, а после, извинившись перед всеми присутствующими, взял меня за локоть, уводя в сторону. Ту

сторону, где стояли приглашенные гости. Я тут же остановилась, отрицательно качая головой в ответ спокойному и доброму взгляду мистера Кроули.

— Мне... Не очень хочется знакомиться с ними, — честно призналась я, опуская голову и убирая за ухо упавшую на лицо прядь, — неловко...

— Ты по этой причине не подошла ко мне сразу? — гулко рассмеялся Вилфорд, кладя свои руки на мои плечи и притягивая меня ближе. Я отпрянула, ловя на себе десятки заинтересованных взглядов.

— Ты разговаривал с женщиной. Я не хотела тебя отвлекать. Кто она, кстати?

— Почему ты спрашиваешь? — вопросом на вопрос ответил он, и его губы изогнулись в хитрой улыбке.

— Попросту из любопытства, ничего более! Ты был с ней любезен и приветлив.

— Ревнуешь?

— Просто хочу знать, какой типаж девушек тебе нравится, — с неким сарказмом я, наконец, посмотрела в глаза Вилфорда, но не выдержала и рассмеялась.

— В таком случае ближайшее зеркало в соседней комнате, — со смешком ответил он, и я заметила, что мужчина никогда не улыбался, демонстрируя зубы. — Между прочим, я обещал представить тебя, — продолжил он, вновь подводя меня к важным гостям. — И они с нетерпением желают познакомиться с тобой.

— Со мной?

— Ты же моя возлюбленная, а не кто-то другой.

Краснота вновь появилась на моей коже, пускай и видна она была лишь на одной щеке. Я с волнением ухватилась за локоть Вилфорда, как за спасательный круг, чувствуя себя среди этой роскоши подобно мышке в мышеловке. Мне хватило сил расправить плечи и надеть маску спокойствия, тогда как внутри меня в конвульсиях билась растерянность. Рука мужчины легла мне на талию, и я вовсе забыла о том, как стоит правильно дышать, разговаривая с кем-то. Вилфорд заботливо вернул в мои руки уже наполненный бокал, сказав о том, что так будет легче, и я сделала глоток, ощущая терпкий вкус.

— Беатрис Дэнсон, — услышала я певучий женский голос, принадлежавший той самой даме, с которой мистер Кроули говорил ранее, — вы очаровательны. Глаза Вилфорда горят, когда он рассказывает о вас.

— Это Маргарет Морте, — представил нас Вилфорд, — она, как и ты, приехала сюда из-за границы.

— Для тебя, моя дорогая, просто Маргарет.

— Рада познакомиться, — я скромно улыбнулась, пытаюсь соответствовать нормам вежливости и не разглядывать пристально почти белоснежное лицо собеседницы, — и спасибо за теплые слова.

— И я рада, милая. Надеюсь, составишь мне позднее компанию?

— Маргарет останется в замке на некоторое время, поэтому у вас ещё будет время поговорить, — произнес мужчина, не давая мне ответить и смотря про том на мисс (?) Морте, — а пока предлагаю садиться за стол.

Оживленная оркестровая музыка сменилась плавной и красивой мелодией, под которую все направились к столу, ища таблички со своими именами. Сев по правую руку от Вилфорда, чьё место находилось во главе, я вновь смущенно улыбнулась разглядывающей меня Маргарет, что сидела напротив, и облегченно выдохнула, когда рядом со мной оказалась Джанет.

Стол, покрытый белоснежной скатертью, был сервирован по строгим правилам этикета, проявление которого на трапезе я видела впервые. На подстановочной фарфоровой тарелке сверху покоились тарелки для горячего и для первого, слева на равном друг от друга расстоянии лежали три вилки разного размера, как и три ножа справа, между которыми лежала одна единственная ложка для супа. Красиво сложенная бордовая салфетка из хлопка также лежала слева, тогда как позади тарелок горизонтально лежали приборы для десерта. Бокалы для красного и белого вин были отдельными, так же как и фужер для шампанского и стоявший чуть в стороне бокал для простой воды. Я мельком взглянула на Джанет, на лице которой отражались абсолютно все те же самые эмоции, и улыбнулась, решив непременно после сказать ей о том, что теперь мы будем есть заварную лапшу только подобным образом.

На стол начали выносить ароматные блюда, и я поражено смотрела на непрекращающуюся вереницу официантов, что выносили бесчисленное количество всевозможных яств. Когда всё это великолепие оказалось передо мной, я с сомнением посмотрела на ряд столовых приборов, понимая, что совершенно не знаю, с чего следует начинать. Живот Джанет предательски заурчал, и она шепнула мне на ухо:

— Я сейчас смолочу абсолютно все одной и той же вилкой!

— Не волнуйся, ты не одна. Позориться будем вместе.

И всё же, показывать своё затаенное чревоугодие мы не спешили, а потому не нашли иного выхода, кроме как повторять все действия за сидящими напротив гостями. Дело оставалось за малым: предстояло класть на тарелку маленькую порцию и долго жевать её, разрезая по крохотным кусочкам. Моя бы воля, я бы уплела всё стоящее передо мной за полчаса, но теперь я чинно ковыряла кусочек форели, сохраняя осанку с уже затекшими плечами.

Один из официантов, наливая мне дрожащими руками в бокал красного вина, случайно пролил несколько капель на скатерть, тут же принося свои глубокие извинения. Я дружелюбно улыбнулась, пытаясь найти волнению юноши обоснование, которое я обнаружила в крайне недовольных лицах Маргарет и Вилфорда. Когда вышедший из тени Габриэль склонился к мистеру Кроули, с вопросом о том, что следует предпринять, мужчина отмахнулся от него рукой, сказав, что тот и сам всё знает. Интонация показалась мне настолько холодной, что я решила встать на защиту официанта, надеясь, что его не уволят за подобную незначительную провинность.

— Он наверняка просто разволновался, — сказала я, касаясь руки Вилфорда, — я бы тоже волновалась на подобном ужине.

— Беатрис, — ответила мне Маргарет, — ты слишком добра. Не скажу, что это плохо, однако, каждый обязан быть профессионалом своего дела. Если он не способен попросту наполнить бокал, то и говорить далее не стоит.

— Быть может, он лишь начинающий в своей профессии?

— Сюда не приглашали новичков, — улыбнулась Маргарет, поворачиваясь к мужчине с тростью, — как бы вы поступили с ним, мистер Церш?

— Уволил бы, — строго ответил тот, кивая мне головой в знак приветствия, — это возмутительно.

Я не стала более возражать, найдя данное решение чересчур строгим. И, когда перед десертом было решено сделать небольшой перерыв, я ещё раз попросила Вилфорда смягчить наказание. Трёх бокалов вина было достаточно для того, чтобы расслабиться и обзавестись прежней уверенностью, но строгая реакция гостей на маленькую провинность не покидала

моих мыслей.

— Прекрати думать об этом, — ответил он, целуя мои пальцы, — Габриэль прекрасно со всем разберется.

Дворецкий не был похож на жестокого человека, и этот ответ показался мне удовлетворительным. Я согласно кивнула заметно потяжелевшей головой.

— Я вернусь ненадолго в свою комнату. Хочу немного отдохнуть.

— Я провожу тебя, — улыбнулся Вилфорд, выводя меня из зала.

Все то время, что мы шли, я с восторгом рассматривала его безупречный профиль. Вино или же первые сильные чувства, но сейчас даже его вечно холодные руки казались мне теплыми, а от сильного тела исходил такой жар, что я без сомнений была готова прильнуть к нему и погрузиться в приятный сон. Вилфорд был для меня тем идеалом, который я всегда мечтала найти, и теперь, не веря собственному счастью, я держала ладонь у быстро бьющегося сердца, которое вот-вот было готово выпрыгнуть наружу. Люблю... Теперь я с уверенностью могла назвать собственные чувства любовью, что подавляли внутри все сомнения и опасения. Я видела перед собой только его лицо, и мысль о расставании казалась мне отравляющей. Я была готова пойти на что угодно, лишь бы остаться рядом, и Вилфорд подливал в моё бушующее пламя масло своим взглядом и своей красивой улыбкой. Стоит ли мне признаться ему в чувствах прямо сейчас, когда мы остались наедине?

Достав из кармана один-единственный ключ и открыв им дверь, я смущенно замерла на пороге, не зная, как себя повести. С одной стороны, мне хочется, чтобы Вилфорд остался со мной, но с другой — он должен вернуться к гостям, дабы не нарушать правил. Да и что мне сказать ему, если мы останемся наедине в столь неловкой обстановке? Мне не стоит навязывать ему собственные желания.

— Спасибо, — прокашлявшись, ответила я, замерев, когда взгляд Вилфорда устремился в мою комнату. — Если хочешь, — вдруг решила спросить, надеясь на правильное толкование этого взора, — можешь зайти...

Мужчина ласково улыбнулся и, кивнув, сделал несколько шагов вперед. Я закрыла за нами дверь.

— Я надеялся увидеть обустроенные по твоему вкусу покои, но... Ты совсем ничего не изменила, — усмехнулся он, в то время, как я села на пуфик, чтобы налить из графина воды.

— Было бы слишком эгоистично менять что-то в этой старинной обстановке. Профессор тоже попросил нас не делать глупостей, — холодная вода немного взбодрила расслабленный алкоголем разум, и я с замиранием сердца любовалась Вилфордом, что смотрел из балконного окна на ночное небо. Когда он повернулся, я собиралась встать с места, но он быстро возник передо мной, заставляя сесть обратно.

— Я не хочу задерживать тебя, — с грустью в голосе произнесла я, тогда как мужчина встал передо мной на одно колено. — Я скоро подойду...

— Беатрис, — ласково произнес он, аккуратно поднимая мою ногу и снимая с неё туфлю, — я же вижу, что ты устала. Не заставляй себя.

Выглянувший из-под платья темный синяк жестоко выдернул меня из мечтаний, и я неловко натянула черную ткань на колени. Какие бы желания не посещали меня в этот момент, мне не хочется, чтобы Вилфорд увидел моё тело, покрытое ссадинами и темно-синими пятнами. Я услышала, как он усмехнулся, касаясь моей руки и убирая её в сторону.

— Знаешь, никто прежде не рисковал собой ради меня, — Вилфорд посмотрел в мои глаза, поднимая ткань платья чуть выше. Его большой палец коснулся синяка, и я

вздрыгнула, смущенно сводя бедра вместе. — Это не причинило бы мне вреда, но ты все равно поступила столь...самоотверженно.

— Но балка ведь была огромной и тяжелой, она падала прямо на тебя...

— И правда, — улыбнулся Вилфорд, касаясь губами моей коленки, — выходит, я обязан тебе жизнью, — его дыхание щекотало кожу, и я в некотором исступлении ощущала, как мое тело бурно реагирует на все эти прикосновения.

— Нет-нет, — сбивчиво произнесла я, когда поцелуй коснулся внутренней стороны бедра, — ты ничем мне не обязан...Ах, — вырвалось из груди, когда мужчина слегка прикусил тонкую кожу зубами. — Все это может зайти...далеко...

— А ты хочешь этого? — спросил он, не отрывая от меня взгляда и оставляя на бедре яркий красный засос. Я могла бы соврать, могла бы согласиться, но вместо этого лишь молчала, не в силах побороть столь сильное возбуждение, что уже пропитывало тонкую ткань кружевного белья. Смущение жгло мне щеки и даже кончики ушей, и прислонив ко рту тыльную сторону ладони, я пыталась сдержать неловкий для меня стон, означающий прямое согласие на продолжение. — Скажи мне, что хочешь, — тихим хриплым голосом произнес Вилфорд, поднявшись с колена и с придыханием выдохнув мне на ухо. — Скажи, — испытывал он меня, проникая руками под ткань платья, и я покорно испустила тихий стон, обхватывая лицо мужчины ладонями и неумело целуя его в губы.

Рывком подняв меня с пуфика, Вилфорд немедленно расстегнул молнию платья, скидывая ткань на пол и медленно подводя руки по спине к застежке бюстгалтера. Дрожь, прошедшая по всему позвоночнику, медленно проникала внутрь, обходя все уголки тела и сводясь к низу живота. Попытавшись разорвать поцелуй, чтобы расстегнуть мужскую рубашку, я почувствовала на своей нижней губе укус, не позволяющий мне свободу действий, и два клыка, показавшиеся мне несколько длинными, вскоре коснулись и языка. Я всё же положила пальцы на матовые пуговицы рубашки, расстегивая их одну за другой, пока белоснежное рельефное тело не коснулось моей обнаженной груди.

Всё это было для меня впервые, и сквозь пелену волнения и стеснения я не могла корить своё желание отдать первый раз тому, кого я впервые сильно полюбила. Отказаться от всех своих предубеждений, комплексов и мыслей и получать удовольствие — таково было моё стремление в этот сладострастный и безумно будоражащий момент. Мои пальцы скользнули Вилфорду под рубашку, и темная ткань, подобно моему платью, соскользнула на пол, полностью обнажая торс. На его левой груди под ключицей оказалась круглая татуировка, походившая собой на множество знаков и узоров, разглядывать которые сейчас я не столько не желала, сколько попросту не могла, позволяя поцелую стать глубже и страстнее. Когда я вцепилась в бляшку ремня на брюках мужчины, он прильнул к моей шее, и странное чувство необоснованной опасности вдруг смешалось с сильным циркулирующим по крови возбуждением.

Громкий лязг упавшего к ногам ремня, и Вилфорд, не медля, освобождается от остатков одежды, укладывая меня на холодную постель. Его поцелуи, оставившие на шее очередные красные пятна, спускаются к груди, и коснувшиеся сосков губы вытягивают из меня тихий, но долгий стон. Его волнистые волосы, касающиеся кожи, его возбужденное частое дыхание — всё это действует на меня столь одурманивающе, что разум более не властен над телом. Я не видела, как погас свет, не обратила внимания на раскрывшееся под порывом ветра окно, и, когда нижнее белье осталось в стороне, Вилфорд вдруг отстранился. Его широкая грудь тяжело вздымалась, и горящий взгляд блуждал по моему нагому телу, словно бы осматривая

его и любясь. Я умоляюще протянула руки к мужчине, и он вдруг покорно лег сверху, сплетая свой язык с моим.

Почувствовав кожей возбуждение Вилфорда, я закинула ноги на его бедра, вздрагивая, едва напряженная плоть коснулась половых губ. От одной мысли о том, что сейчас произойдет, все тело напрягалось, но больше всего сводило живот, низ которого буквально горел изнутри.

— Расслабься, — шепнул мне на ухо Вилфорд, уводя свой член чуть ниже и осторожно продвигая его вперед. Из-за обильно истекающих соков он свободно толкнулся внутрь, и я громко вскрикнула, чувствуя приникшую к возбуждению боль, пульсирующую вниз. Мужчина замер, с шумом втянул в себя воздух, но по его хриплому дыханию я слышала, как трудно ему сдерживать себя, и через секунды я сама подалась навстречу, позволяя Вилфорду войти глубже. Он двигался медленно и аккуратно, и резкая боль начала утихать, сменяясь странной и немного мазохистской жадой большего.

— Давай быстрее, — произнесла я, когда мужчина оторвался от моих губ и подарил мне властный взгляд. Его бедра тут же вогнали член до самого конца, и ранее плавные движения стали резкими и быстрыми. Я более не прикусывала губу, и не менее дразнящие тихие вздохи переросли в настоящие горячие стоны, которые выходили из меня каждый раз, когда Вилфорд впечатывал моё тело в мягкие одеяла. Широкая кровать скрипела, и её изголовье билось о стену так сильно, что одна из картин с грохотом упала на пол, заваливая тумбу и стоящие на ней статуэтки.

Был ли это оргазм или что-то иное, но ком, собравшийся в низу живота, словно прорвался, и Вилфорд, кончив вместе со мной, лишь усилил своим семенем настоящий пожар, принесший к моему удивлению теплое облегчение. Прижавшись ко мне всем телом, мужчина не спешил скатываться набок, и некоторое время мы лежали молча, пытаюсь синхронизировать частое и постоянно сбивающееся дыхание. Оставив на виске Вилфорда невесомый поцелуй, я ласково улыбнулась, решаясь сказать то, что, возможно бы, не сказала ни при каких других обстоятельствах:

— Я...люблю тебя.

Чуть отстранившись, мужчина коснулся моей щеки, а после, нежно поцеловав в губы, ответил странным хриплым голосом:

— И я люблю тебя, Беатрис. Так пусть же наша любовь будет вечной...

Глава 12. Мир Агнесс Торсон

Дорогой дневник,

сегодня было туманно. Выйдя на улицу рано утром, я обнаружила, что небо затянуто тучами, а по округе стелется плотный, почти белый туман, войдя в который, я даже потеряла из виду собственные туфли. Прогулку по округе пришлось отложить, и я вернулась в замок, чтобы дождаться в своей комнате завтрака.

После вчерашнего у меня болят ноги. Новенькие босоножки, купленные за неделю до поездки, подло натерли мне всю кожу чуть выше пяток, и теперь, облепившись пластырями, я ношу лишь кроссовки, которые никоим образом не сочетаются со здешней величественно-старой атмосферой. Сам прошедший ужин оставил впечатление...двойное. И сейчас я попытаюсь изложить на бумаге то, что никак не могу пояснить устно.

Начну с того, что присутствующие на вечере гости оказались достаточно знатными, чтобы пошатнуть всю мою уверенность в отсутствии влияния на меня чужого мнения. Их манеры, наряды, даже речь — всё это словно было из другого века, того века, где балы были неотъемлемой частью светской жизни. Все они проживали неподалеку (должно быть те поселения, которые грубо называли деревеньками, были некой элитной закрытой территорией с шикарными домами и заведениями), и поняла я это по тому, что они были худы и бледнолицы. Это уже как некая отличительная черта местных жителей. В любом случае, рядом с ними было некомфортно. Я ощущала себя...как овечка среди волков. Не знаю, почему именно это сравнение пришло мне на ум, но мне оно показалось как нельзя более точным. С мистером Кроули гости вели себя особенно почтительно (я видела, как многие барышни приседали перед ним в книксене), но, полагаю, это аристократичные замашки, показывающие уважение к хозяину замка.

Беатрис исчезла вместе с Вилфордом перед десертом, а поведение Моники показалось мне настолько странным, что я решила лично с ней поговорить. Как бы объяснить... Представьте яркую девушку, лишённую стеснения, но наделённую высокой самооценкой. Представьте девушку, что привыкла танцевать и петь перед публикой, что привыкла без робости обсуждать дела личного характера, что привыкла жить одним днем. А затем всего один вечер, и вдруг эта девушка становится застенчивой, забитой и испуганной. Возможно ли это? Не могу поверить, что попытки психологов испугать нас отпечатались на Моники особенно ярко. Она казалась мне девушкой храброй, не из робкого десятка уж точно. И вот я вижу, как Моника нервно заламывает руки, тяжело дышит, опасливо оглядываясь по сторонам.

Когда я осведомилась о её самочувствии, она отшатнулась в сторону. С дрожащими губами пролепетала, что с ней всё в порядке, и быстро удалилась прочь. Если подумать, то она много времени проводит рядом с этим дворцом. Но не мог же он внушить ей подобный страх? Или...Неужели он отравляет её наркотиками!? В таком случае необходимо предотвратить это как можно скорее, и, если потребуется, я попрошу Беатрис поговорить с Вилфордом об этом самом Габриэле. Только подобной зависимости нам сейчас не хватало, её же исключат из эксперимента, как только узнают. Надеюсь, Моники хватит мозгов, чтобы остановиться.

Беатрис я не видела весь день. Джанет вышла из комнаты лишь к обеду. День был сонливым и ленивым. Казалось, эта атмосфера подействовала даже на психологов, что

внезапно отменили собрание. Без интернета совсем уж скучно. Пришлось спускаться в библиотеку, где я с удивлением встретила половину своей группы. Книг здесь было не просто много, а...очень много, если двумя словами. На любой вкус и цвет. Я остановилась на одном известном романе, написание которого обнаружила здесь в оригинале, а Марвин разложился легендами и сказками, запасишься предварительно пирожными и чаем в термосе.

Вечером я решила выйти во двор ещё раз, но туман никуда не исчез, а, когда я вернулась в комнату, оказалось, что психологи не отдыхали вовсе. Стоило мне упасть на кровать, как в ванной что-то свалилось. Зайдя в помещение, я с искренним удивлением обнаружила в раковине детский небольшой мяч красного цвета, который я посчитала необходимым оставить в коридоре. Ну, не ходить же профессору в мою комнату, чтобы забрать своё. Почему именно детский? С другой стороны, найти в раковине баскетбольный или футбольный мяч...совсем уж не в стиле старого замка.

...

Пять минут назад мне опять подкинули мяч. На этот раз я нашла его на открытом балкончике, хотя изначально он с громким шумом попал в моё окно. А, если бы выбили? Сами говорите беречь имущество, а потом творите невесть что. Мяч был таким холодным и таким мокрым, что мне не захотелось брать его в руки, и, обтерев его бумажными полотенцами, я вновь отправила его в коридор, найдя подобную игру с психологами...не то, чтобы увлекательной, но забавной.

...

Игра продолжается, но приобретает характер...неприятный. Я пишу именно это слово потому, что знать не хочу, как этот мяч выкатился из-под моей кровати. Теперь я вообще не хочу к нему прикасаться. Хотя запах от него тот ещё. Так пахнет забитая под завязку помойка. Я не выдержала и позвонила профессору, попросив убрать из моей комнаты вонючий мяч, но он с неким удивлением сказал, что ни о каком мяче не знает. Ну, что и требовалось доказать. Кто признается в том, что всё это лишь уловка?

Тем не менее Бенджамин Маквей сдержал слово и пришел. Выглядел он и правда...пораженным? Профессор пообещал узнать, кто из психологов придумал подобное, и, подхватив улику, вышел из комнаты. Я открыла балконную дверь, чтобы проветрить комнату.

...

Не могу уснуть. Решила написать что-то здесь, ведь работа утомляет.

Ничего не приходит на ум. Перед глазами этот дурацкий мяч. Ещё и картина эта за тканью.

Если подумать, то я давно не видела Зои Уиллер. Решила остаться в деревнях? Могу понять, но, если нам понадобится помощь? Надо было спросить профессора. Жаль, что я не вспомнила.

...

Наверное, это называется бессонницей. Я слышала, как хлопнула дверь у Беатрис.

Ощущение ужасное. Спать хочется, но у меня не получается. В аптечке снотворного не оказалось.

В коридоре, кажется, засмеялся ребенок. В такое-то время? Наверное, дите какой-нибудь горничной. То, что не сплю я одна, несколько успокаивает.

...

В ванне опять какой-то шум. В помещении ничего.

Гром в небе такой громкий, что от него включается сигнализация стоящих во дворе машин.

Ткань на портрете мне уже порядком надоела. Я её убрала.

С картины на меня смотрела герцогиня. Мальчика рядом с ней...не было.

Глава 13. Мальчик

Отражаясь в золотом зеркальном полу, кружась посреди огромного сверкающего зала, мы танцевали вальс. Облаченная в белоснежное бальное платье, я заморожено смотрела в удивительные красные глаза, в блеске которых была лишь убаюкивающая теплота. Его твердая и в то же время нежная рука чуть давила на талию, заставляя выгнуться к его статному телу и вынуждая расправить обнаженные плечи. Мы не сводили друг с друга взгляда, и он мягко улыбался, постоянно касаясь своей рукой моего безымянного пальца с темным фамильным перстнем. Окружившие нас люди утирали скопившиеся в уголках слезы радости, и громкие овации, наполнившие зал, заглушили и без того тихую, едва слышимую музыку. Мы остановились, и Вилфорд, чуть приоткрыв губы, плавно склонился к моей послушно выгнутой шее, оставляя на ней невесомый, раззадоривающий поцелуй. А затем, все вдруг исчезло. По белоснежному платью плыли яркие пятна капающей сверху крови, и, оказавшись вдруг перед зеркалом, я с затаенным в глазах ужасом смотрела на собственную шею, под кожей которой словно бы что-то медленно ползло. Громкий крик застрял комком в горле, и, когда ползущее нечто добралось до моих ключиц, я распахнула глаза...

— Я здесь... — произнес тихий хриплый голос, и я нехотя отпустила мужскую ладонь, которую так сильно сжимала. — Я здесь, — вновь прошептал Вилфорд, зарываясь носом в мои волосы и шумно втягивая их запах.

Я прижалась к его груди. Такой бледной и холодной, что я натянула на него одеяло, прикрывающее лишь узкие бедра. Тихо рассмеявшись, мужчина осторожно убрал мои волосы за ухо, чуть отстраняясь и вглядываясь в мои глаза.

Мне казалось, что чистой и искренней любви не существует. Простая привязанность, вызванная первоначальной симпатией, лишь даёт некую уверенность в том, что с этим человеком будет хорошо и спокойно. Я боялась настоящей любви. По словам тех, кто пережил это нашествие на сердечную систему, последствия гораздо страшнее, и мысль об одном лишь расставании выбрасывает в кровь столько кортизола, что хочется лишь плакать. Моё сердце билось быстро. Странная мысль о том, что более я не смогу жить без этого человека, заставляла меня жаться к нему всё сильнее. Было бы лучше, если бы все так и осталось на уровне симпатии. Но теперь же мне так хорошо, равно как и тяжело.

Уже вторую ночь мы проводим вместе. Я люблю Вилфорда так сильно, что не хочу расставаться с ним ни на минуту, а он, словно бы читая мои мысли, всегда улыбается, стоит мне лишь задуматься о нашем будущем. Оно кажется мне...неясным. Как назло, в голове всплывают статьи, в которых говорилось о том, как легко богатые и красивые мужчины меняют женщин. Но Вилфорд не похож на того, кто...

— Беатрис, — так же тихо произнес он, касаясь своим лбом моего, — я никогда тебя не брошу. Я...не могу без тебя, слышишь?

— Ты понял это всего за неделю? — грустно улыбнулась я, поднимая голову и плаваясь под его красивым взглядом.

— За целую неделю, — ответил он, едва касаясь моих губ. Эти легкие, чуть ощущаемые поцелуи сводили с ума больше, чем те страстные и глубокие. И я верила, верила в эти чувства. Быть вместе навсегда — то, о чем я и не могу мечтать...

Он улыбался. Нависнув сверху, Вилфорд закусил мою нижнюю губу, спускаясь дорожкой из поцелуев всё ниже. Его горячее дыхание на шее, его язык, обводящий контур

сосков, его пальцы, бегущие к низу живота, — моё тело реагировало столь остро, что приглушенные стоны срывались с уст без моего желания. Он нежно целовал каждый ненавистный мною синяк, говоря притом те слова, от которых возбуждение и смущение разливались внутри лишь больше. Как бы приторно это не прозвучало, но Вилфорд, очевидно, был умелым любовником, что, словно бы знал все точки, нажав на которые, всё тело горело от желания. Получает ли он столько же удовольствия, сколько ощущаю я? Вилфорд окутывает меня нежностью и лаской, но я хочу, чтобы он получил то же, что чувствую я. Едва его поцелуи коснулись внутренней стороны бедра, я села на постели, притягивая лицо мужчины к себе.

То, что я собиралась сделать, жгло мне щеки и вызывало внутренний протест, который я мгновенно гасила, вспоминая о том, что многим это, кажется, очень нравится. Я неопытна и не уверена в том, что сделаю всё так, как надо, но я готова сделать для Вилфорда то, на что, быть может, никогда бы не решилась. Уложив мужчину на спину, я, подобно ему, спустилась дорожкой поцелуев книзу, ловя на себе жадный и горячий взгляд. Он не сопротивлялся, не останавливал меня, и, когда я неуверенно обхватила рукой его возбужденный орган, мы оба замерли и будто бы даже не дышали. Приподнявшись на локтях, он лишь смотрел, и я, приоткрыв рот, положила головку на вытянутый язык. Я видела, как мышцы пресса Вилфорда напряглись, и, сжав кулаки вместе с простыней, он шумно прерывисто выдохнул. Наверное, не столь мои действия, сколь мой вид привели к этому мгновенному возбуждению, но на это я и рассчитывала.

Я вновь провела языком по концу члена, медленно прошлась поцелуями по всей его длине, а после аккуратно обхватила губами всю головку. И без того возбужденный орган стал ещё тверже, я вогнала его глубже и тут же услышала мужской стон. Захватить его полностью я не смогла — он оказался слишком большим, и, скользая дальше корня языка, тут же вызывал желание кашлять. Джанет рассказывала о том, что многие дамы могут без труда вогнать в себя целый орган, однако, я была слишком неопытна, чтобы проделать подобное, и уже половина казалась мне достижением.

Когда я почувствовала во рту сладость, я оторвалась. Вилфорд тяжело дышал, и я села на кровати, смотря на его приоткрытые, жадно глотающие воздух губы. Ему понравилось. И, какое бы смущение меня не одолевало, я была этому рада. Сорвавшись с места, он вдруг укусил меня на запястье, а после впился жестоким поцелуем, кусая и губу. Сладость сменилась вкусом крови, и, не отрываясь ни на секунду, Вилфорд втянул в себя стекающую по уголку алую дорожку. Было больно, но очень возбуждающе. Неужели во мне есть мазохистские наклонности?

В дверь резко постучали. Стучали громко и быстро, словно бы кому-то требовалась помощь. Мы нехотя отстранились друг от друга, и я, наскоро замотавшись в тонкое одеяло, подбежала к двери, пытаясь попутно привести в порядок спутанные и растрепанные волосы. С сомнением я взглянула на часы, что показывали восемь утра.

На пороге оказалась Агнесс. Моя злость на необоснованно ранний визит сменилась тревогой, едва я увидела на её лице чистый и неподдельный испуг. Под её глазами были темные круги, и, хрустя пальцами, она не смогла заговорить сразу, кусая сухие губы. Она попыталась было войти, но я взглядом указала на постель, и Агнесс, осмотрев меня ещё раз, понимающе кивнула.

— Можешь...зайти в мою комнату? — дрожащим голосом сказала она, и я не нашла в себе сил отказать. Попросив пять минут, я прикрыла дверь, чтобы переодеться.

— Что-то случилось? — спросил Вилфорд, и я с удивлением обнаружила, что он уже заправлял в брюки черную рубашку.

— Видимо, да. Но пока не знаю что... — я сбросила с себя одеяло и тут же почувствовала мужские руки на своих бедрах. И как он только может так быстро и бесшумно передвигаться? — Мне нужно идти, — ласково улыбнулась я, отходя в сторону. — Агнесс выглядит очень напуганной.

— Если что-то серьезное, позвони мне, я разберусь.

— Надеюсь, что наших сил будет достаточно, чтобы все решить, — вновь улыбнулась я, застегивая бюстгальтер и натягивая первую попавшуюся футболку.

— Тогда до встречи, — Вилфорд нежно поцеловал меня в висок и вышел из комнаты. Вскоре и я последовала его примеру.

Агнесс не произнесла ни слова. Нервно перебирая пуговицы на своей кофте, она лишь жалостливо смотрела на моё лицо, продолжая кусать губы изнутри. Я взяла её за ладонь, пытаюсь понять, что же такого смогли сделать психологи, что Агнесс была так напугана. Мы ничего не сказали друг другу и молча отправились в её комнату. Я решила вести себя спокойно, что бы ни произошло.

В помещении было очень холодно и сыро, несмотря на закрытые окна. На столе лежала открытая тетрадка, а кровать была порядком измята, словно бы Агнесс ворочалась в ней всю ночь. Со стороны ванной комнаты плохо пахло. Я сделала предположение, что мою подругу тошнило, и, возможно, она попросту заболела, однако, Агнесс подвела меня к большой картине, висящей прямо над камином. На ней была изображена пятая супруга герцога, которую по легенде живьем сожгли в часовне. Недовольная женщина с силой сжимала перед собой руки, и её глаза источали такую угрозу, что я сделала невольно шаг назад. Страшный портрет, и как только художник смог изобразить подобные эмоции?

— Мальчик... — вдруг произнесла Агнесс, указывая на странно собранные складки платья герцогини, — рядом с ней стоял мальчик.

Я в удивлении посмотрела на совершенно пустое пространство. Да, казалось странным, что художник оставил так много места, к тому же эти складки, будто бы их и правда кто-то держит... Но, у меня однозначно не может быть галлюцинаций. На картине никакого мальчика нет.

— Бледный... Бледный худой мальчик. Темненький. Похож на... на неё, — девушка неуверенно кивнула в сторону герцогини. — Беатрис, поверь, я видела его постоянно. Но потом... потом, когда мне сказали, чей это портрет, я закрыла его тканью, а когда открыла... его не было.

Осторожно подойдя к портрету, я коснулась того места, где, по словам Агнесс, был изображен ребенок. От холста не пахло краской, и подозрительный участок был такой же ветхий, как и вся картина. Психологи не могли замазать его краской, чтобы испугать мою подругу. Но и Агнесс не стала бы выдумывать себе всякого, ведь она всегда ищет лишь рациональный подход.

— Ты... веришь мне?

— Верю, Агнесс, только прошу, успокойся. Этому должно быть объяснение... Быть может, есть два портрета. Одинаковых. Но на одном из них ребенка нет. Вот психологи попросту и поменяли их местами. Что думаешь?

Девушка несколько расслабилась. Привычно нахмурившись, она медленно, но согласно кивнула. Но после, вдруг вспомнив о чем-то, начала быстро ходить по комнате.

— Но ночью я слышала детский смех. И мяч... Да, профессор ничего не знал о мяче, а он выкатился прямо из-под моей кровати! И... Когда я решила, что всё это мне снится, и попыталась задремать, над ухом кто-то постоянно говорил...

— Что говорил?

— Давай играть... — Агнесс села на кровать, обхватив руками голову. Я села рядом с ней, обняв её за плечо.

— Может... Прекратить эксперимент? — неуверенно произнесла я, и дрожащая девушка замерла, складывая в задумчивости перед собой руки. — Профессор ведь сказал, что, если станет слишком страшно...

— Но я... не хочу уезжать.

— Я понимаю, но...

— Нет, Трис, это исключено. Я так ждала эту поездку! Я... Мне нужно поменять комнату. Прости, что прошу, но не могла бы ты попросить мистера Кроули найти мне другую комнату?

— Да... Конечно.

— Спасибо, — тихо ответила она, вновь хватаясь за голову.

Я украдкой ещё раз взглянула на портрет. Не довольном лице герцогини сияла странная ухмылка.

Глава 14. Значения цветов

Вилфорд уехал.

Оставив дела на Габриэля и пообещав привезти мне нечто особенное из столицы, он исчез из моей жизни на два мучительных дня, что представлялись мне холодными и серыми. Соответствуя придуманным ожиданиям, погода не радовала солнечным светом, и даже изумрудная зелень казалась под покровом туч темной и болотной. Всё чаще с неба срывался дождь, и в те редкие минуты, когда лужи не покрывались рябью, мы выходили с Джанет на улицу, говоря обо всём на свете. Эти медленные прогулки с успокаивающими беседами я любила всей своей душой, и странно до дрожи, отчего столь незначительные моменты отпечатываются в памяти ярче некоторых долгожданных событий. Излюбленной нашей темой была скоротечность времени, и вновь и вновь мы возвращались к школьным временам, где и подумать не могли о собственном будущем. Что же ждет нас теперь? Джанет всегда желала работать в другой стране, жить в небольшом частном домике с ярким садом и держать во дворе большую собаку, о которой она всегда говорила с особым воодушевлением, подзывая при этом каждый раз спящую у замка борзую. Этот случай не был исключением, и собака, придерживаясь роли, бодро направилась прочь, не поворачивая даже морды в сторону Джанет.

— Эй, в оранжерею нельзя, — строго пригрозила девушка, увидев, как борзая мигом проскользнула в приоткрытую дверцу. — Она же там все цветы поест.

— Она не лошадь, чтобы так поступать, — усмехнулась я, направляясь за Джанет, что всем своим видом демонстрировала готовность вывести из цветущего оазиса нежданного гостя. — А вот за бабочками погнаться... Да, это более вероятная угроза.

— Кто вообще оставил дверь открытой?

— Ты так возмущена, будто именно ты тут хозяйка, — не удержала я улыбки и лишь рассмеялась, когда подруга повернула ко мне «аристократическую гримасу».

— Ну, кто из нас тут хозяйкой будет, — тут же ответила она, быстро забега в оранжерею и ловко избегая моих скольких недовольных, столь смущенных взглядов. Услышав её тихий и, как мне показалось, удивленный голос, произнесший незамысловатое приветствие, я вошла внутрь, предусмотрительно закрывая за собой дверь.

В прошлый раз побывав здесь, я не заметила длинный стол, прикрытый ветвями стоявших поодаль деревьев, но теперь же, покрытый газетами и уставленный всевозможными букетами, он мгновенно бросался в глаза как своим убранством, так и своим удивительным запахом. Рядом с ним, обрезая ножницами короткую ветвь, стоял мужчина лет сорока, одетый в простенький комбинезон и выглядывающую из под него расплосованную рубашку. Аккуратно установив ветвь рядом с белоснежной орхидеей, он вытер испачканные в земле руки тряпкой, небрежно бросив её после в ведро.

— Ох, какая красота, — восхищенно произнесла Джанет, подходя ближе и рассматривая настоящую цветочную композицию, — так это вы создаете такие удивительные букеты? Они уже как неотъемлемая часть замка.

— Спасибо вам, — хрипло ответил мужчина, глядя по голове смирно сидящую рядом борзую, — если эти композиции хоть кого-то радуют, это лучшая для меня похвала.

Значит, это и есть тот флорист о котором говорил профессор? Что ж, судя по его внешности, всё своё время он, очевидно, отдает своему делу, но никак не себе. Короткая, но

очень густая борода, уходящая с бакенбардами к лохматым и растрепанным волосам, странно острые и желтоватые ногти, под которые забились земля, тусклые, будто безжизненные глаза — всё это делало внешность мужчины не отталкивающей, но настораживающей. Тот хмурый взгляд, которым он смерил Джанет, и вовсе заставил меня разволноваться, поэтому я поспешила подойти к ней ближе. Безусловно, он не сможет ничего нам сделать... С другой стороны, почему я вообще так думаю? Нам не должно судить книгу по обложке, и моё волнение ни в коем разе не обосновано.

— Не скромничайте. Мои подруги утром первым делом идут смотреть на новый букет в холле.

— Рад слышать, — ответил мужчина, продолжая внимательно вглядываться в лицо Джанет, и тут уже моя нервная система дала осечку, и я состроила самую недовольную мину, на какую только была способно.

— Что-то не так? — громко спросила я, хватая подругу за футболку и уводя её чуть назад. Не нравится мне этот флорист. Выглядит так, словно бы возьмет в любой момент ножницы и нападет на нас.

— Нет-нет, прошу прощения. Это было невежливо с моей стороны, так разглядывать, но... Вы очень похожи на одну мою знакомую, — вновь обратился он к Джанет, — к несчастью, она давно погибла. И, увидев вас, я вспомнил о ней...

Джанет неуверенно сложила перед собой руки, явно разрываясь между «соболезную» и «прошу прощения», но мужчина не стал сохранять возникшую угрюмую тишину, решив нарушить её донельзя странным способом. Подойдя ближе, он внезапно принялся в мою сторону и тут же скривил нос. Опешив на мгновение, я сама принялась к собственной одежде, но не учуяла ничего, кроме духов. Если ему не нравится парфюм, это исключительно его проблемы, и незачем так грубо себя вести.

— Понимаю, вы сочтете мои слова подозрительными и странными, но я обязан сказать это. Пообещайте, что хотя бы обдумаете их.

— Всё зависит от того, что вы хотите сказать, — недовольно буркнула я, продолжая принохиваться к собственной одежде. Быть может, я на что-то наступила?

— Вам стоит покинуть замок немедленно.

Я удивленно посмотрела в совершенно серьезное и невозмутимое лицо мужчины. Джанет нервно прокашлялась, показывая мне взглядом, что лучше уйти из этой оранжереи, но я скрестила на груди руки, пытаюсь понять мотивы того, кто, видно, не знает, о чем говорит.

— Причина?

— Если не сейчас, то больше вы никогда не сможете отсюда сбежать.

— Вы угрожаете? — привычно вступилась за меня Джанет, но на этот раз мужчина сверлил взглядом меня. И под прицелом тусклых глаз мне становилось не по себе.

— Ни в коем разе. Скажите, знаете ли вы о знаках судьбы?

— Слышала что-то такое...

— Когда в вашей жизни происходит то, чего вам необходимо избежать, судьба посылает знаки. Поначалу они столь незначительны, что на них никто не обращает внимания. Человек попросту чувствует себя нехорошо, у него плохое настроение. Затем, судьба подбрасывает скверные ситуации, которые принято называть «черной полосой». Скажите же, происходило ли с вами что-либо странное?

Джанет позади меня издала странный писклявый звук, а я поёжилась от внезапно

покрывших кожу мурашек. Как мы можем судить о судьбе, когда находимся в среде, что располагает к совершению чего-то странного и необъяснимого? Но мужчина терпеливо ждал ответа, и я медленно кивнула, вспомнив об истории Джанет и картине в комнате Агнесс.

— Не со мной, но... Понимаете, мы ведь участвуем в эксперименте. Распознать знаки судьбы от искусственных знаков трудно...

— Скажите, вы ведь видели наверняка портрет пятой герцогини с ребенком? — перебила меня Джанет, вновь подойдя ближе. — Наша знакомая утверждает, что ребенок с картины... пропал.

Глаза мужчины широко раскрылись, и он вдруг схватил мою подругу за ворот рубашки, встряхнув её так сильно, что она вскрикнула. Я тут же повисла на огромной руке, требуя отпустить Джанет и отойти, но флорист словно бы обезумел, превратившись их тихого жителя в одержимого сумасшедшего.

— Вас прогоняют из замка сами души! Уходите! Убегайте! Нет судьбы хуже, чем оказаться здесь заточенными, слышите!

— Отпустите! — кричала я в ответ, хватаясь то за плечи мужчины, то за талию Джанет. — Прекратите немедленно!

— Вы тут скот! Скот!

— Вы ненормальный! — кричала уже Джанет, пытаюсь убрать руки флориста от воротника. — Совсем с катушек слетели?!

— Вас всех отправят на бойню, если не сбежите! — мужчина отпустил Джанет, но схватил со стола ножницы. — Избавление от мучений — лишь смерть! — лицо его скривилось в злобе, и я, схватив подругу за руку, побежала к двери, где на нас скалилась борзая.

— Вы что, хотите нас убить?! — Джанет дрожала, и её пальцы так сильно посинели, что теперь я боялась за состояние её здоровья, чем самого флориста. Как бы холодно, как бы страшно не было, пальцы не могут стать в буквальном смысле синими!

— Если вы не пообещаете мне убраться отсюда, у меня не будет иного выхода! От вас, — мужчина прихрамывал, и, выйдя на дорожку, он ножницами указал в мою сторону, — пахнет им!

— Что он говорит, Беатрис? — испуганным шепотом произнесла Джанет, цепляясь за мою кофту, и я почувствовала на своих плечах ответственность за чужое спасение. Собрав в кулак всю волю, я грозно взглянула на мужчину, демонстративно достав телефон.

— Если вы сейчас же не прекратите, я позвоню Вилфорду Кроули, и он будет вынужден вас уволить!

Стоило мне произнести это имя, как флорист замер, не решаясь более сдвинуться с места. Рычащая подле него борзая вдруг припала к земле и с тихим скулением начала отходить в сторону. Отпустив ножницы, что со звоном упали на дорожку, мужчина, пошатнувшись, сделал шаг назад и после схватился рукой за голову. Приложив ладонь к сердцу, он резво повернулся в сторону выхода, захромав прочь из оранжереи, оставляя нас наедине с повисшей в воздухе угрозой и затаившимся в душе страхом.

Держась за мой рукав, Джанет опустилась на землю. Её губы посинели так же, как и пальцы, и, тяжело дыша, она держалась за горло.

«Всё в порядке?» — услышала я отдаленный голос из телефона, и улыбка коснулась губ, стоило мне представить облик Вилфорда в своей голове.

Прячась в куртку от холодного ветра со стороны реки, я неспешно шла по старой аллее, ища глазами узкую лесенку, по которой можно было спуститься к пляжу.

— Без тебя грустно, — совершенно искренне призналась я, слыша в ответ приглушенный, но теплый смех. Спустившись по каменным ступенькам, я вгляделась в хмурый горизонт, в который уходила не имеющая границ река. Своим величием и видимой необъятностью она напоминала мне настоящее море, спутником которого непременно были толпы белых чаек.

«Хочу увидеть тебя, как можно скорее. Нужно было забрать тебя с собой».

— У тебя своя работа, у меня своя, — вновь улыбнулась я, оставляя на песке дорожку из следов. Сильный порыв ветра растрепал волосы, и я поспешила убрать их изо рта, чтобы не прерывать разговор.

«Верно... Ты могла бы работать со мной».

— Хорошее предложение. Выгодное.

«Конечно».

— Слушай, Вилфорд, скажи, а...флорист в замке...он здоров? — подобрать нужные слова оказалось трудно. Я по-прежнему была зла на этого мужчину, что так напугал Джанет, но жаловаться, не разобравшись в произошедшем...Его слова не выходили у меня из головы, и, что куда более важно, о них постоянно напоминала Джанет. Глупо, верно, однако, его поведение в совокупности с последними произошедшими событиями повлияло на нас куда сильнее, чем, если бы он угрожал нам до свершенных инцидентов.

«С ним что-то не так?» — вопросом на вопрос ответил Вилфорд, и в его голосе я услышала знакомые холодные ноты.

— Нет-нет, все...в порядке, да. Просто мы видели его сегодня, и он вел себя...странно. Ещё за сердце держался.

«Его жена покончила с собой, а ребенка убили. Если пересмотреть его биографию, можно сделать вывод о том, что с его психикой, очевидно, не всё в порядке. Не думаю, что есть те, кто спокойно перенесет подобные травмы. Но он был талантлив, и я взял его на работу».

— Какой ужас...А я ещё и накричала на него...

«Накричала?» — усмехнулся Вилфорд, а я почувствовала себя ужасно неловко.

— Он напугал нас своим поведением, и я сказала ему, что позвоню тебе...Давай сделаем вид, что этого разговора не было. Не хочу, чтобы он...

Из телефона вновь послышался смех.

«Как скажешь, так и будет. Главное, что ты в порядке, на остальное все равно».

— Вилфорд...

«Да?»

— Я очень тебя люблю.

«Но не так, как я тебя».

— Мы что, как в романтических фильмах будем выяснять, кто кого сильнее любит? — закусив губу, я остановилась, чтобы пойти в обратном направлении.

«Мы же взрослые люди. И так очевидно, что я люблю тебя больше».

— Вилфорд!

«Мне пора идти, милая. С нетерпением буду ждать нашей встречи».

— Пока, береги себя.

«Пока».

Завершив вызов, я сунула озябшие пальцы в карманы куртки и, вжав голову в плечи, пошла в обратную сторону, обдумывая сказанное Вилфордом. Очевидно, потеряв близких людей, тот флорист решил обозначить замок проклятым местом, в котором подобная кара настигнет всех. Но вести себя подобным образом... Единственное достойное оправдание, за которое ему может быть обеспечено какое-никакое прощение, это лишь психологическая травма, повлекшая за собой настоящую болезнь. В подобном случае нам с Джанет попросту не повезло наткнуться на постоянно прячущегося работника, вот и все. Но, если подумать, в самом начале он вел себя нормально, верно? Что же заставило его так поменять своё решение: облик Джанет или...я?

Впервые я видела подругу такой напуганной. У неё никогда не было проблем со здоровьем, но чтобы пальцы так внезапно посинели... Наверное, стоило бы поговорить с этим флористом ещё раз, однако, идти к психически больному человеку с очевидным напоминанием о прошлом — слишком уж жестоко, как по мне. Надеюсь, Джанет уже чувствует себя лучше. К сожалению, Зои так и не вернулась из деревни, поэтому оказывать помощь пришлось тем, что было под рукой — горячим чаем и постелью. Стоит зайти к ней сейчас, пока Марвин не загрузил её найденными в библиотеке легендами.

Что-то коснулось моей ноги. Опустив голову, я увидела детский красный мяч, испачканный песком. Подняв игрушку на руки, я обернулась, чтобы найти владельца, которого чудом упустила из виду, и в нескольких метрах от меня уже стоял мальчик лет семи. Одетый в белоснежную рубашку и прямые брюки с подтяжками, он не решался подойти ближе, неловко разминая тоненькие пальцы, и потому первый шаг сделала я. Можно было бы попросту кинуть мяч в его сторону вместе с шутливой и доброй фразой, но мальчик был таким милым, что я не смогла заставить себя тут же уйти. Не стоит меня корить, ведь есть дети столь красивые, что от них невозможно отвести взгляда. Правильное, не лишённое округлостей личико было обрамлено волнистыми черными волосами, а яркие голубые глаза так фантастически выглядели на бледной коже, что улыбка появилась на моих губах сама по себе. Подойдя к мальчику, я присела перед ним на корточки, протягивая мяч.

— Держи. Ох, и не холодно тебе?

Мальчик отрицательно покачал головой, забирая игрушку. Я, почувствовав странное желание позаботиться о нём, чуть коснулась пальцами его руки, отмечая, насколько она холодная.

— Бедняжка, да ты совсем замерз, — сняв с себя куртку, я без раздумий надела её на ребенка, тут же продрогнув до самых костей. Мальчик же, послушно утонув в моей одежде, удивленно поднял на меня свои удивительные глаза, похлопав пушистыми и длинными ресницами. — Скажи, где ты живешь? Где твои родители?

— Там, — сказал он, указывая пальцем куда-то в сторону замка и тут же возвращая свой взгляд ко мне, — как вас зовут?

— Меня зовут Беатрис, а тебя?

— Айзек, мисс.

— Красивое имя, — я вновь улыбнулась, вставая во весь рост и протягивая мальчику свою руку, — пойдем, я провожу тебя.

Айзек послушно коснулся моей руки, но тут же отпрянул назад, поворачиваясь в сторону пляжа. Туда же он и указал своими пальчиками.

— Меня будут искать.

— Вот оно как, тогда беги, иначе родные будут волноваться, — я ласково провела рукой

по вьющимся волосам мальчика, и он, словно бы зачарованный этим жестом, подошел ближе, вдруг обнимая меня за туловище. — Ну, что ты, — растаяла я окончательно от столь милого жеста, — что случилось?

— Я не хочу к маме, — пробурчал мальчик мне в кофту.

— Айзек, так нельзя, мама наверняка сейчас переживает за тебя.

— Мама должна переживать? — спросил он удивленно, поднимая голову.

— Конечно, — я тихо рассмеялась столь глупому вопросу, — каждая мама любит своего ребенка и волнуется, если он не рядом, особенно, если он не предупредил её и убежал. Понимаешь?

— Но моя мама не любит меня. Значит, она не волнуется.

— Милый, что же ты такое говоришь, — я вновь присела перед ребенком на корточки, — я уверена, твоя мама любит тебя. Просто... Вдруг у мамы было плохое настроение или она себя плохо чувствовала? А ты и придумал...

— Нет, — уверенно произнес Айзек, — все не так. Вы, мисс, видите меня впервые, а уже волнуетесь. Вы хорошая, у вас теплые руки и улыбка добрая. Я хочу, чтобы вы были моей мамой.

От детской прямолинейности и наивности я опешила настолько, что не знала, что сказать. Не понимаю, что такого случилось в семье этого ребенка, но выглядел он столь грустно и подавленно, что мне и впрямь захотелось взять его с собой. Но, в самом деле, это не котенок и не щенок, а ребенок, и, даже если я влезу в проблемы чужой семьи, это может привести к тяжелым последствиям, а не к разрешениям старых вопросов. Я не у себя дома, и через неделю-другую, покину эту страну, поэтому глупо тешить себя героическими мыслями. Но Айзек так крепко сжимает мою руку, что болит сердце.

Обняв мальчика и погладив его по спине, я застегнула на нем куртку.

— Я думаю, всё будет хорошо. А, если станет невмоготу, прибегай в замок, хорошо?

— Хорошо, — кивнул мальчик, нехотя отстраняясь, — я приду, чтобы вернуть вам куртку.

— Тогда буду ждать.

В очередной раз подняв с песка рюкзак, я быстрым шагом направилась к лесенке, уводящей на аллею, но перед тем, как скрыться за деревьями, ещё раз взглянула на пляж. Айзек по-прежнему стоял на том же месте, махая мне ладошкой. Помахав в ответ, я сорвалась на бег, чтобы согреться, но холодный воздух странным образом лишь нагнетал всё больше мыслей, и образ хорошо, но легко одетого Айзека вновь и вновь возникал перед моими глазами. Что делал он там в одиночестве? Неужели, он сбежал из дома? Да, это самое подходящее объяснение его несоответствующему погоде внешнему виду. Надо будет спросить у Вилфорда об этой семье. Вдруг, Айзеку и в самом деле нужна помощь? Впрочем, учитывая, что в округе живут лишь богачи, могу предположить, что маленькому мистеру попросту не уделяют время, огораживая его ото всех и ото всего.

Вернувшись в замок, я первым делом решила принять горячую ванну, чтобы согреться. После я намеревалась посетить Джанет и рассказать ей о случившемся, пускай лимит приключений на сегодняшний день уже был исчерпан. Зайдя в комнату, я взглянула на заботливо разведенный камин, а после, повернувшись к вешалке, не сдержала вскрика: среди пиджаков и кардиганов висела моя куртка. Её концы были испачканы в песке, а под ней на полу лежал красный мячик, который я совсем недавно протягивала Айзеку.

Глава 15. Добро пожаловать в Морселерис

— А этому зданию порядка двухсот лет. Увидели? Довольно молодое строение относительно других. Раньше строили на славу, эти старые церкви смогут простоять ещё несколько сотен лет уж точно, — произнес профессор, поворачивая руль вправо и крутя головой в попытке увидеть как можно больше. Выглядело это несколько небезопасно, но Бенджамин упрямо игнорировал просьбы быть внимательнее к дороге. — У меня стаж побольше вашего, — обратился он к сидящему рядом юноше, когда тот в очередной раз разразился недовольством. — Если уж напросились со мной, то сидите тихо.

Согласно кивнув и украдкой посмотрев на затихшую Джанет, я выглянула в окно, увидев изумрудный указатель с белоснежной надписью «Добро пожаловать в Морселерис». Красивое название для чарующей деревни, и то, что Бенджамин позволил нам составить ему компанию, не иначе, как везение. Стены замка начинали давить своими тайнами, тогда как внутреннее убранство вдруг представилось отнюдь не роскошью. Каждый портрет нес в себе часть страшной истории, и окружающие меня люди лишь нагнетали тот ужас, что едва коснулся моей кожи. Сумасшедший флорист, который будто назло постоянно попадался мне на глаза, милый и несчастный Айзек, образ которого не выходил из моей головы — я подобно Джанет была готова собрать свои вещи, чтобы оказаться в старой уютной постели, но не этого ли добиваются организаторы эксперимента? Сами того не зная, упуская из виду что-то важное, мы вдруг попали под сильное влияние царящей рядом с нами атмосферы. Так стоит ли раздувать из мухи слона или же пора вернуть себе хладнокровие, найдя всему логическое объяснение?

Предположим, портретов с ребенком действительно два. Жаль, что именно Агнесс стала жертвой столь ужасных приемов. Из-за последних переживаний она стала чувствовать себя плохо и уже второй день лежала в постели с температурой. По этой причине мы и отправились в Морселерис, чтобы найти Зою Уиллер, телефон которой был постоянно отключен, а сама она не выходила не связь. Ещё одно странное обстоятельство, оправдание которому я не могла найти, как ни пыталась. Ты отправилась сюда, зная о своих обязанностях, об ответственности за здоровье двадцати человек. Как можно вести себя столь безрассудно?

Портрет Доротеи могли намеренно реставрировать таким образом, чтобы придать ему большую схожесть с Джанет. Это действительно было жестоко, и, увидев данное полотно, я ощутила бегущие по телу мурашки — настолько они были похожи. Мы с Марвином долго осматривали полки библиотеки, пока не наткнулись на жизнеописание правителей герцогством Сангинем и герцогством Виктимус. Эта книга была очень старой и знатно потрепанной, её листы пожелтели, а на некоторых страницах сияли странные темные пятна. Обложка превратилась в настоящую труху, и, пока я пыталась прочитать хоть что-то, я постоянно чихала от кружащейся рядом пыли. Некоторые из страниц были вырваны, отчего особой информации о замке Сангинем я не нашла, однако, жизнеописание Доротеи Виктимус из книги не исчезло. К сожалению, узнала я немного. Лишь то, что она была обещана в жены герцогу Кроули для разрешения финансовых вопросов, но неуютный брак завершился самоубийством девушки в конюшне. Жуткая участь. Но стоило ли лишать себя жизни из-за подобного?

Теперь же Айзек. К счастью, с ним всё было проще, и, решив, что он попросту знает

более короткий путь к замку, я мгновенно успокоилась. Надеюсь, у него сейчас всё хорошо, и его переживания были лишь тем, что принято называть недоразумением. Всё же стоит спросить у Вилфорда об этом ребенке, и, если мальчишеские мысли окажутся в самом деле просто мыслями, я не стану совать нос в то, во что не стоит.

— Почти на месте, — оживленно воскликнул Марвин, ютящийся с нами на пассажирских сиденьях. — Эй, Брис, я же говорил, что доедем за сорок минут!

— Да-да, с меня газировка, — с некоторым огорчением сказал щупленький паренек, с которым Марвин уж очень сдружился в последнее время. — Но я правда был уверен, что до них ехать не меньше двух часов.

— А вот слушать надо было внимательно меня в автобусе, — усмехнулся профессор, — я говорил о том, что деревни полукольцом окружают замок и ехать до них недолго.

В окне замельтешили дома. Дома ли? Под хмурым небом стояли настоящие коттеджи, выполненные, безусловно, в готическом стиле, и окруженные кованым забором, увитым плющом. По узким улицам никто не гулял, и единственная дорогая машина, которую мы увидели, доброжелательно помигала нам фарами в знак приветствия. Я заметила, что в Морселерисе много воронов, облюбовавших местные старинные фонари, но Бенджамин лишь пожал плечами на мой вопрос.

Припарковав машину у темного высокого здания, профессор повел нас внутрь. То, что это больница, я поняла лишь, когда вошла в холл, и, сев на черные диванчики, мы смотрели, как психолог беседовал с высоким и худым врачом, что активно жестикулировал и показывал в сторону прилавка с лекарствами. Вот только кроме врача и сидящей за стойкой медсестры здесь никого не было.

— А пациенты-то где? — шепнула мне на ухо Джанет, и я удивленно повертела головой, отмечая на окнах крупные капли дождя.

— Видимо, живущие здесь люди настолько богаты, что купили себе крепкое здоровье.

— О, смотрите, — Марвин бесцеремонно взял с кофейного столика одну из брошюрок, развернув которую он показал нам карту. — Вот, мы здесь. Морселерис! А, если проехать ещё часок, мы попадем в Бонаморс. Горничные говорили, что там красиво. Там водопады.

— Ого, может, уломаем профессора туда смотаться? — с оживлением спросил Брис, склоняясь над картой. — Или хотя бы в Морволунтарию. Там известный во всем мире Великий Театр!

— Мы сейчас не представления смотреть приехали, — строго отметила я, морщась от громкого звука дождя, — мы Зои ищем.

— Сейчас и узнаем, где она, — сказал Марвин, вставая с места. К нам приближался профессор, и, судя по его взгляду, он был очень обеспокоен и зол.

— Её видели здесь, — сказал он, не дожидаясь наших вопросов, — она покупала лекарства. Медсестра уверяет, что Уиллер хотела вернуться тем же днем.

— Вы хотите сказать, что она пропала?

— Полагаю, стоит наведаться в здешнюю гостиницу. Возможно, они что-то знают.

— Хорошая идея, — согласился Брис. — Жаль только, что погода испоганилась.

— Следи за языком.

— Простите...

— Так, давайте добежим до машины. Не стоит терять время. Хоть сейчас и обед, но на улице из-за погоды настоящая темень.

Задерживаться в пустой больнице никто не желал, и все быстро выскочили на улицу,

тотчас промокнув под настоящим ливнем. Эти капли буквально били по голове, и, упав в машину, мы были готовы выжимать на себе одежду. То, что погоду мы недооценили, было решено оставить не оглашенным, и, не выключая дворники, профессор медленно выехал на дорогу, ища глазами описанное доктором здание. На его поиски у нас ушло немало времени, и, если бы не печка в машине, мы бы непременно замерзли. Удивительно, как быстро меняется здесь погода. Ещё утром тонкая водолазка казалась мне слишком теплой, теперь же я дрожала, пытаюсь согреться между Джанет и Марвином. Даже на водопады не нужно смотреть — вот они! А посреди них плывем мы в машине, что словно спасительный оплот несет нас к теплому помещению.

— Наконец-то, — облегченно произнес профессор, вновь останавливая машину, — нашли.

Времени на разглядывание не было, да и в любом случае я бы ничего не смогла увидеть. Вода застилала мне глаза, и, решив не думать, как выглядит моя тушь, я вбежала по круглым ступеням, оказываясь посреди огромного зала, что словно пытался своим убранством превзойти замок. Такие гостиницы я видела только по телевизору да в интернете, но одно я знала определенно точно — они чертовски дорогие. Ещё бы, здесь всё так блестит, словно выполнено из золота!

— Вау, — только и произнесла Джанет, смахивая с лица рыжие кудри. — Из одного замка в другой что ли?

— Ох, ну что вы, не льстите, — мягким голосом произнесла миловидная девушка, вставшая из-за стойки регистрации, — замок Сангинем не идет ни в какое сравнение с нашей скромной гостиницей. Прошу, проходите. Вы бронировали номер?

Пока Бенджамин объяснял девушке суть нашего визита, мы переглянулись. Ведь было бы неплохо остаться здесь на ночь. Кто знает, когда этот дождь закончится, а, если к вечеру он и прекратится, ехать в кромешной тьме, отгоняемой фарами, не лучший вариант. Прочитав наши мысли, Марвин двинулся к стойке, чтобы посмотреть цены, и его красноречивый взгляд сказал нам о том, что таких денег у нас нет. Не обрадовал нас и профессор, сказавший, что машину Зои видели выезжающей из города, и мы словно бы остались ни с чем.

Дождь продолжал барабанить по стеклу, и, покопавшись в кошельке, Бенджамин сказал, что сможет позволить лишь одну комнату. Мы тотчас согласились, готовясь ютиться на полу, но, стоило нам подойти к девушке, как она выскочила нам на встречу, крепко сжимая мои руки.

— Мисс Дэнсон, ох, я вас не узнала, прошу прощения! Что же вы сразу не представились, я бы незамедлительно выдала вам и вашим спутникам ключи от комнат.

— Я рада слышать это, — неуверенно начала я, пытаюсь вспомнить, видела ли я эту девушку вообще, — но у нас нет денег, чтобы...

— Не говорите глупостей. Вот, — она выложила на стойку пять ключей. Заметив, что её пальцы дрожат, девушка спрятала руки за спину и ласково натянуто улыбнулась. — У вас была тяжелая дорога, отдохайте.

— Спасибо, но разве мы...

— Обед вы, к сожалению, уже пропустили, но ужин будет ровно в шесть.

— Да...Спасибо.

Неуверенно раздав ключи всем своим ликующим друзьям, я переглянулась с Джанет, поняв по её взгляду, что она думает о том же, о чем и я: спать в разных комнатах мы не

будем. Если эта гостиница принадлежит Вилфорду, то всё встает на свои места, вот только, откуда эта девушка знает меня? Не думаю, что Вилфорд отправил всем своим работникам моё фото, а на минувшем вечере я познакомилась всего с пятью гостями, лица которых запомнила уж точно. Странно это, но, полагаю, будет невежливо отказаться, ведь все мы промокли, устали и расстроены. Исчезновение Зои выходило на тот уровень, где необходимо писать заявление о пропаже.

Войдя в комнату, обустроенную так, словно бы тут намеревался жить старинный аристократ, мы с подружкой одновременно рухнули на кровать, не говоря ни слова. Попытка отвлечься и, что уж греха таить, развлечься превратилась ещё в большую проблему, и, когда мы с удивлением взглянули на посветлевшее небо, я внутренне прокляла себя за то, что всё же не отказалась от внезапного гостеприимства. Дождь, будто издеваясь над нами, прекратился, и теперь бы мы смогли отправиться в замок к остальным. Решив пренебречь правилами приличия, я спросила у профессора, сможем ли мы отправиться назад, но тот впервые смачно выругался, сказав, что нам нужно топливо. Всё и в самом деле шло против нас. Невольно я вспомнила слова флориста о знаках судьбы, но тут же выкинула их из головы, чтобы не нагружать себя горестными мыслями ещё больше.

Поужинав, я несколько успокоилась, увидев дурачащихся Марвина и Бриса, для которых это было лишь приключение. Возможно, так и стоит расценивать всё происходящее? Быть может, сохранение оптимизма и есть выход из сложившейся ситуации? И правда. Это лишь стечение обстоятельств, верно? Завтра мы отправимся обратно, и завтра я вновь увижу Вилфорда. Уже одно только это греет душу...

На улице было свежо и вместе с тем тепло. Обойдя лужи, мы с Джанет уставились на розовое небо, разбавленное оранжевыми разводами и синеватыми бликами. Сидеть в четырех стенах не было сил, и, раз уж всей деревне моё лицо знакомо, опасаться нам нечего. Но разглядывать богатые дома, за забором которых шла обеспеченная и не обремененная проблемами жизнь, становилось все скучнее и скучнее, как и бродить по тихим, уютным, но пустым улочкам. Весь поселок можно было обойти за час, и, кроме гостиницы и больницы, мы обнаружили закрытый ресторан, аккуратный рынок на небольшой площади и чудный парк, граничащий с лесом. В этом парке на мокрой лавке мы и нашли временную остановку, осматривая обложенный камнями прудик и статуи молящихся дев.

— Я бы в такой глуши точно не поселилась, — произнесла Джанет, запрокидывая голову, — безусловно, красиво, но так скучно, что хоть убей. Рай для интровертов, как по мне.

— Согласна. Сколько мы ни гуляли, даже не встретили никого.

— Хотя знаешь, чей-то взгляд я на себе чувствовала.

— Мой.

— Ой, Беатрис, ты что, смеешься надо мной? Да, признаю, за это время я стала немного... пугливой.

Я улыбнулась, сложив перед собой руки. Не говорить же ей, что я и сама борюсь с подступающей к горлу грустью?

— О, смотри, какая статуя, — пихнула меня в бок Джанет, указывая пальцем на дальние очертания, — мужчина целует женщину в шею, а она кричит. Это скульптор так оргазм решил показать?

— А он её точно целует? Уж очень испуганное у девушки лицо.

Вместо ответа Джанет встала с лавки, и я последовала за ней. Кто был прав, мы так и не

узнали, из-за того, что место поцелуя или же укуса было небрежно сколото, но выражение лица девушки были преисполнено слабости, мольбы и ужаса, отчего я сделала вполне логический вывод о том, что мужчина попросту хватанул свою мадам зубами. От страсти? Уж этого я не знаю.

— Может, тут вампир изображен, — таинственным голосом произнесла Джанет, шутливо раскрывая рот и обнажая зубы. — Хочешь, укушу?

— Не нужно мне такого счастья, — рассмеялась я, вздрагивая, когда в конце парка послышались знакомые голоса.

— О, вот вы где! Идите к нам! — кричал Марвин, размахивая какой-то палкой. — Мы такое нашли!

— Вы что, придурки, в лесу лазали? — без церемоний накинулась Джанет на брата, бросая и на Бриса злобный взгляд. — Ты тоже что ли дурачок?

— Нет же, — смущенно ответил тот, — там и правда... Ну.

Вечная гиперактивность Марвина вдруг показалась мне отнюдь не радостной, да и друг его выглядел сколь испуганным, столь и воодушевленным, словно бы они вдвоем откапали целый клад. Не став рассказывать нам более ничего, они почти побежали по дороге в лес, и нам не осталось ничего другого, как последовать за ними следом. Весь путь Джанет ругалась, словно сапожник, и, чем дальше от парка мы убегали, тем беспокойнее становилось на душе. Тропа здесь была столь широкой, что заблудиться не казалось возможным, однако, я вновь и вновь оборачивалась назад, будто ожидая, что кто-то преградит нам путь домой. Красный закат охватывал небо, касаясь верхушек высоких деревьев, и, когда я была готова остановиться и повернуть назад, впереди что-то замаячило.

— Вот, смотрите, это машина, — произнес Марвин, подбегая ближе и показывая нам номера, — мы как увидели, так и сели!

Отдышавшись, я подошла ближе. Внутри, конечно же, никого не было, но Брис, преисполнившись храбрости, вдруг открыл дверь, заглядывая внутрь. Пропустив мимо ушей наши наставления о том, что лучше ничего не трогать и обратиться в полицию, парень вытащил наружу женскую сумку.

— Не хочу никого пугать, но это случайно не сумка Зои? — тихо произнес Марвин, заглядывая внутрь и доставая оттуда телефон. — Разряжен. Не включается.

— Посмотрите внутри. Там должны быть права, — сказала уже я, придерживая дверь машины и в нетерпении ожидая вердикта Бриса. Когда тот утвердительно кивнул, из меня вырвался вдох ужаса, с каким я прикрыла рот, Джанет же поджала губы, явно кусая их изнутри.

— Что она забыла здесь? — Марвин, казалось, и вовсе не был напуган. — Случайно заехала не туда?

— Маловероятно.

— Уезжала от преследования?

— Марвин! Прекрати пугать!

— Но, если так... Это ли не значит, что она должны быть где-то... неподалеку? Не могла же она вот так оставить машину.

— Тогда бы она забрала с собой сумку, — хмуро сказала Джанет, — она бы не оставила в машине телефон и кошелек с документами.

— Давайте пройдем дальше? — предложил Брис.

— Ты адекватный? Нам в полицию звонить нужно, а не по лесу бродить!

— Пять минут, мы пройдем вперед всего пять минут, потом быстро вернемся, идет?

— Откуда в тебе эта жажда приключений? — усмехнулся Марвин, хлопая друга по плечу.

— С детства хотел быть следователем.

— А вырос придурком, — выругалась Джанет, быстрым шагом проходя мимо, — пять минут. Потом обратно побежим, иначе стемнеет.

Мы двинулись дальше, постоянно оборачиваясь на машину. Я вдруг почувствовала себя главной героиней фильма ужасов, понимая, кого должна найти группа подростков в лесу. Искренне надеюсь, что мы ничего не найдем. Всё это жутко пугает и настораживает. Не знаю, что могло произойти. Обернувшись ещё раз, я вдруг зажмурилась под светом фар. Дверь машины открылась, и из неё выбежала испуганная Зои, держась за окровавленную руку.

— Эй, Беатрис, — Марвин тряхнул меня за плечо. Я с удивлением посмотрела на закрытую машину, усыпанную листвой. — Ты как вкопанная встала.

— Померещилось...

— Давай быстрее.

Джанет и Брис ушли немного вперед, и, оставшись с Марвином наедине, я посмотрела на его спокойное лицо. Как может он сохранять самообладание в подобной ситуации? Думаю, мне необходимо хорошенько выспаться и отдохнуть, в противном случае мне придется незамедлительно покинуть замок, чтобы сохранить свою нервную систему. Если дело дошло до галлюцинаций, это ни к чему хорошему не приведет.

Джанет закричала так громко, что я невольно вскрикнула в ответ. Марвин что есть сил бросился вперед, и я, унимая бешено стучащее сердце, побежала за ним. Пусть всё будет хорошо, пусть Джанет лишь испугалась лесного животного, пусть мы ничего не найдем, пусть всё это будет лишь сном, пусть мы сейчас же вернемся в гостиницу, пусть... пусть...

У старого дуба лежало тело. Совершенно белое, холодное. По мраморной коже на ногах уже ползали мерзкие насекомые, а разорванные руки были раскинуты в стороны. Широко раскрытые тусклые глаза смотрели вверх, а в раскрытом в ужас рте что-то копошилось. Словно бы и не человек больше. Словно бы выброшенная поломанная кукла...

Джанет потеряла сознание, а Брис молча глотал слезы. Подняв свою сестру на руки, Марвин стремглав бросился прочь, и мы последовали за ним. И всё же что-то заставило меня обернуться. Словно бы невидимые пути насильно поворачивали мою голову туда...к дубу. Утерев слезы, я тщетно прикладывала к сердцу руку, словно бы это могло унять сердцебиение, но ужас парализовал тело, когда неестественно вывернутая рука Зои поднялась кверху. Пальцем она вдруг коснулась своей шеи, в которой я лишь сейчас обнаружила две аккуратные дырки, и только тогда пути исчезли с моих конечностей, и я впервые так быстро побежала прочь...

— Позвольте я задам вам ещё один вопрос. Понимаю, вам тяжело говорить, однако, это необходимо для расследования. Скажите, конфликтовала ли Зои Уиллер с кем-нибудь в последнее время? — худой мужчина в строгом синем костюме закинул одну ногу на другую. Издержки ли профессии или же твердый волевой характер, но, несмотря на напускную вежливость, следователь не казался мне человеком сочувствующим. Более того, он не казался мне человеком, заинтересованным в своей стезе, и, подпирая голову бледной тонкой рукой, он с уставшим взглядом записывал что-то в блокнот с кожаной обложкой. Я же, переводя взгляд с уложенных гелем волос на орлиный нос, пыталась найти в его отчуждении минимальное понимание, но мужчина словно нарочно избегал со мной зрительного контакта, задавая сухие вопросы.

— Нет, она была очень милой и доброй женщиной. Она ни с кем не конфликтовала. Ни с кем.

— Что ж, благодарю вас за помощь следствию. Мы сделаем всё возможное, чтобы найти убийцу. Я вынужден попросить вас не распространяться о случившемся, полагаю, вы осознаете, исходя из каких целей, я прошу вас об этом. В замке прекрасная охрана, здесь безопасно. Мы поговорили с Бенджамином Маквеем, и было решено запретить выходы за пределы этой территории.

Оторвавшись от записей, мужчина, наконец, посмотрел мне в глаза. Я могла бы с уверенностью назвать этот взгляд пустым и безразличным, но со вчерашнего дня мне всё кажется таким, каким на деле не является. Мне страшно. Тощие пальцы, указывающие на шею, раз за разом всплывают в памяти, вызывая тошноту. К сожалению, невозможно стереть из своей головы ненужные воспоминания, и лишь время способно избавить разум от этого груза. Но сможет ли оно? Мне кажется, что белоснежный труп под старым дубом станет неким клеймом на моём сознании...

Поднявшись с места, следователь вежливо поклонился, а после вышел прочь. Выйдя за ним сразу же, чтобы проводить, я с удивлением осмотрела пустой коридор. Это кажется мне ненормальным. Признаться честно, я хочу собрать вещи и уехать домой. Рядом с Вилфордом мне спокойно, однако, я не смогу быть с ним рядом вечно, а без него мне не по себе. Каким бы сильным не было чувство любви, в первую очередь я желаю избавиться себя от парализующего страха. Если Вилфорд любит меня также сильно, как и я его, он примет моё решение и сохранит наши чувства даже на расстоянии. А после... Что будет после, покажет лишь время. Быть может, я делаю вывод рано и попросту убегаю, пытаюсь избавиться от душащих мыслей, но стоит ли вся эта роскошь того, чтобы терпеть происходящее вокруг? Да уж, было достаточно одного дня, чтобы я полностью поменяла все свои взгляды. Но, если после увиденного я останусь участником эксперимента, где меня продолжают пугать историей замка, я рискую заработать несколько фобий, что лишат меня нормальной жизни. Стоит поговорить с профессором. Но прежде, с Джанет и Марвином. Брис кажется крепким орешком, но не посещают ли и его столь угнетающие мысли?

— О, хорошо, что ты здесь, — услышала я мужской голос и обернулась. Ко мне быстрым шагом приближался рыжий паренек, держа в руках черную книжку и яркую желтую тетрадь. — Нужно поговорить, — произнес Марвин, и я незамедлительно кивнула в сторону открытой двери. Я не хочу сейчас оставаться в одиночестве, и разговор с тем, кто меня

понимает, — это лучшее, чем я могу себя успокоить на данный момент. Не думаю, впрочем, что мой друг принес новости приятные, ведь от радостных вестей лицо не искажается задумчивостью и горечью.

— Как Джанет? — спросила я, садясь напротив Марвина, и крепко сцепляя в замок пальцы.

— Лучше. Хотя этой ночью почти не спала. Да кто вообще спал? — усмехнулся он, но обычно веселая ухмылка выглядела грустной и натянутой.

— Возможно, Брис...

— Это только с виду он храбрец. А сам уже собрал свой чемодан.

Я удивленно вскинула брови, невольно бросая взгляд на кровать, под которой стояли и мои сумки.

— Мы...Тоже уедем? — спросил тут же Марвин, и на его лице я увидела как растерянность, так и странное воодушевление. — Может, побудем здесь ещё несколько дней? Я не настаиваю, но... — парень запустил руки в густые рыжие волосы и шумно выдохнул. — Что делать? С одной стороны, тут жутко оставаться после случившегося, с другой, — я понимаю, что всё просто так совпало и нам попросту не повезло...

— Мягко сказано...

— Знаешь, три дня назад мне приснился сон. Такой странный, что расскажи я его, ты бы меня засмеяла, — вновь грустно улыбнулся Марвин, почему-то беря в руки яркую тетрадь, — но теперь...Поверь, я не хочу тебя запугивать или же...

— Ох, говори уже. Лучше всё и сразу, чем растягивать эти сопли, — несколько злобно ответила я, пытаюсь взять себя в руки. Так нельзя, понимаю, тяжело не только мне, но этот поток из дрянных событий уже кажется мне вечным.

— Мне приснилась женщина. Очень красивая. С большими голубыми глазами и светлыми волосами, в белом старом платье. Она стояла у беседки, у той беседки, что во внутреннем дворе, помнишь? — я согласно кивнула. — А в беседке сидела ты. Рядом с тобой был Вилфорд, он читал книгу, а ты наливала чай.

— Не такой уж плохой сон, — неуверенно улынулась я, хотя внутренне понимала, что продолжение, должно быть, было не совсем радужным.

— Да, но...Эта женщина попыталась мне что-то сказать. Но её платье вдруг стало красным, и она начала задыхаться, и...Я испугался, попытался убежать, но она схватила меня за руку, указала на тебя, а после отрицательно покачала головой.

— А...потом?

— Потом она упала и умерла.

Откинувшись на спинку кресла, я закрыла лицо руками, не скрывая протяжный тихий звук, похожий на вой. Марвин не хотел меня запугивать? Что ж, благодарю, только теперь я готова незамедлительно упаковывать свои вещи. Всего лишь совпадения? К черту этот эксперимент, можете даже деньги не платить, я попросту хочу оказаться в своей уютной квартирке, пить остывший чай и листать новостные ленты в социальных сетях.

— Мне стало интересно, и я спустился в библиотеку, а затем пошел на чердак, и...

— Марвин, прошу, давай короче.

— Я нашел портрет этой девушки. Её звали Авалона Кроули, и она была последней, двенадцатой женой герцога Кроули. Жила в девятнадцатом веке. Но новость даже не в этом. За её портретом я нашел это, — с этими словами парень протянул мне старый листок, на котором были изображены цветы с неразборчивыми подписями. Листок походил на

вырванную страницу из справочника по ботанике, но Марвин тут же перевернул его, где в столбик были выписаны двадцать имен, написанных очень коряво и некрасиво. Но наибольшее внимание привлекали длинные подписи сделанные рядом... — Мы с Брисом долго расшифровывали эти каракули, и то, что вышло... В общем, посмотри, — он развернул тетрадь, демонстрируя мне разворот с переводом. — Некоторые имена мы так и не смогли разобрать...

«Твила Кроули. Сожжена мною в часовне за убийство своего же сына — Айзека Кроули. Перед смертью назвала убитого сына цербером, следующим за Вилфордом».

«Флоретта Кроули. Убита мною выстрелом из арбалета по пожеланию господина. Перед смертью назвала себя игрушкой, в которую надоело играть».

«Ханна Кроули. Казнена четвертованием за измену господину. Перед смертью только крик».

«Цинния Кроули. Убита мною топором за «бесполезность». Перед смертью — просьбы о пощаде».

«Авалона Кроули. Убита мною ножом за содействие врагам господина. Перед смертью произнесла лишь «Кровопийцы»».

«Доротея Виктимус. Покончила с собой за неделю до помолвки».

«Лаверн Кроули. Погиб в возрасте одного года. Слабое здоровье».

«Элиза Кроули. Погибла в возрасте двух лет. Слабое здоровье».

«Альпин Вогелл. Покончил с собой после того, как вылил на господина чай. Утопился в реке».

«Черис Кроули. Убита мною через повешение за покушение на убийство своего сына — Габриэля Кроули».

«Абби Крия. Была убита Айзеком Кроули. Причина неизвестна».

«Лисса Крия. Была убита Айзеком Кроули за то, что лгала».

Я отбросила от себя листок, чувствуя, как мгновенно замерзает всё моё тело. У меня закружилась голова. Снова начало тошнить. Мне очень плохо. Хочется плакать, но не получается, я пытаюсь собрать всё воедино, но голова разрывается от боли. Вскочив с кресла, я пошатнулась: весь мир закружился перед глазами, и я рухнула обратно, так и не добравшись до сумок под кроватью. Марвин схватил меня за руки, но пальцы были такими холодными, что он начал их массировать, пытаясь нормализовать кровоток. Когда же дрожь унялась, из глаз хлынули слёзы. В груди что-то больно давило, и скрутило живот. Я точно ощущала собственное сердцебиение, и, хотя пальцы покалывало от холода, по лицу стекали капли пота.

Марвин на мгновение исчез из моего поля зрения, а после вдруг моего лица коснулась холодная вода. Неаккуратно, но старательно, кто-то водил смоченной марлей по коже, всовывая в руки стакан с, как оказалось, подслащенной водой.

— Слышишь? Медленно дыши... Глубже... Во-о-от.

Уж не знаю, сколько прошло времени, но стало легче. Придя в себя я удивленно обнаружила в комнате Агнесс, Джанет, Бриса и даже Арчибальда, что сочувственно протягивал мне стакан с плещущимся на дне виски.

— Может, не стоит? — настороженно спросил Марвин, но я даже благодарно приняла алкоголь, понимая, что в скором времени окончательно станет легче. Крепкий напиток обжег горло, но это ничто по сравнению с тем, что я чувствовала...

— Я... впервые паническую атаку увидел, — хмуро признался Марвин, заламывая руки.

— Это мы поняли по тому, что ты начал всем подряд названивать, — осуждающе ответила Джанет, присаживаясь рядом со мной, и кладя свою руку мне на колено, — как ты себя чувствуешь, Трис?

— Теперь относительно неплохо...

— Марвин, придурок, зачем ты показал ей эту хрень?!

— Да я же не знал, что она так отреагирует...

— Да уж, выглядит, как страничка из дневника убийцы-садовода, — хмыкнул Арчи, отодвигая листок подальше, но его перехватила Агнесс, вчитываясь в текст.

— Жуть... Может, опять деталь из эксперимента?

— Нет, — тут же ответил Марвин, — в том-то и дело, что я нашел это на чердаке, за картиной в самом дальнем углу, где стояли горшки с землей. Никому бы в здравом уме не пришло в голову туда лезть.

— Тебе же пришло, дибил.

— Я уже рассказал вам про сон. Может, эта женщина мне специально приснилась, чтобы я нашел эту записку!

— Эй, друг, — засмеялся Арчи, — ты совсем уже того?

— Нет, — строго произнесла я, и все тут же посмотрели в мою сторону. — Эти записки — правда...

— Беатрис, после увиденного ты, должно быть...

— Выслушайте меня. Агнесс, герцогиня на портрете в твоей комнате... Это Твила Кроули, да? Её ведь сожгли живьем, да? — девушка неохотно кивнула, обнимая себя руками. — Рядом с ней на портрете был мальчик. Которого там теперь нет...

— Зачем ты напоминаешь мне об этом!

— Агнесс, этот мальчик Айзек Кроули. Темные волнистые волосы, голубые глаза, брючки с подтяжками... Это он, я права?

— Да, но откуда... Ты ведь не видела этот портрет раньше?

— Не видела. Но я видела самого мальчика. И... У него был красный мяч.

— Погоди, — перебил меня Брис, подходя ближе, — я думал это твой знакомый. Он же всё время за тобой хвостом ходит. Я думал, это ребенок горничной, который к тебе привязался...

— Как... это... хвостом?

В комнате воцарилась тишина, и даже Арчибальд нахмурился, молча доливая в стакан виски.

— Простите, конечно, но мне не могло показаться. Да, темненький мальчик, в белой рубашке. Лет семи. Всё время бегают сзади тебя и пытаются взять за руку. Я ещё подумал, почему ты не оборачиваешься...

— Ты не шутишь? — сквозь зубы произнесла Джанет, садясь на пол и запрокидывая голову.

— Стал бы я шутить...

— А то, что всех жен герцога убил один и тот же хрен, вас не смущает? — произнес Арчи, смотря в список. — Тут и за Айзеком этим преступления водятся. Если все эти люди были убиты по приказу герцога, то он был явно психом. Хотя, как не быть психом, когда твои жены пытаются убить детей, а другие дети умирают, не доживая до трех лет.

— А то, что он убивал некоторых по прихоти или за бесполезность, как тебе?

— Прекратите! — закричала Агнесс, закрывая уши и отходя к настешь раскрытому

окну. — Я ничего не понимаю!

— Вы меня, конечно, простите, но сейчас я скажу очень глупую вещь.

— Марвин, ты и без того уже наговорил херни... Ну, добивай уж.

— А... Если тут жили вампиры?

Все обернулись в сторону Марвина, одаряя его скептическими и злобными взглядами.

— Я в призраков верю больше, чем в вампиров. Фильмов посмотрелся? — почти прокричала Джанет, утаскивая у Арчи бутылку и наливая себе виски в стакан.

— Но... — вспомнила я было о трупе, но покосилась на Арчи. Нельзя ведь рассказывать...

— Он знает, — сказал Брис, кивая в сторону парня, — вытащил из меня всё. Что ты хотела сказать?

— На трупе, на шее было две дырки... И сам труп был таким белым, словно бы в нем вообще крови не было...

— Беатрис, и ты туда же!

— Попрошу заметить, что все в этом замке бледные, — поддержал Марвин, — и ходят они с такой скоростью, что уследить за ними не можешь! И в записке Авалона сказала «Кровопийцы»!

— Ходят они и правда быстро, — согласилась Агнесс.

— А когда Беатрис уколола палец, служанка тут же ушла из комнаты и даже не помогла ей, помните?

— И манеры у них старинные...

— Так давайте проверим! — воскликнул Арчи, явно сдаваясь под напором алкоголя. — Прижмем к стене горничную. Покажем ей кровь. Если не сдержится — вампир.

— Я не очень хочу это проверять... Они ведь, должно быть, сильные.

— Как быстро вы приняли идею существования вампиров! — вскрикнула Джанет.

— Знаете, меня ведь Моника волнует. Она... странная, — тихо сказала Агнесс, — я думала, что Габриэль её на наркотики подсадил, но...

— У нас в замке есть Габриэль? — удивленно произнес Брис, взгляды в список. — Тут тоже есть какой-то Габриэль Кроули.

— Не думаю, что они родственники. Они ведь совершенно не похожи.

— Может, он в мать пошел.

— Ребят, — негромко произнесла Агнесс, подходя ближе, — давайте уедем. Хватит уже с нас.

В комнате в очередной раз возникло молчание, нарушаемое лишь стуком починенных часов с маятником. Мы несколько раз переглянулись, но безмолвно поняли, что единогласно пришли к решению. Все поочередно кивнули.

— Даже, если это эксперимент, он прошел успешно, — заключил Марвин, закрывая тетрадь. — А, если это не эксперимент, то лезть в эти дебри нам не стоит.

Глава 17. Четверо

Положив косметичку в и без того забитый под завязку чемодан, я в очередной раз схватила с тумбы телефон. Вилфорд так и не прочитал моё сообщение, не отвечал он и на звонки, отчего чувствовала я себя если не скверно, то одиноко уж точно. Как мне рассказать об истинной причине столь скорого возвращения домой? Я не придумала ничего лучше кроме, как сослаться на последствия эксперимента и на постоянный страх о мысли о гуляющем маньяке. Говорить ли ему о призраках? Нет, нет и ещё раз нет. Я люблю Вилфорда и не хочу расставаться с ним потому, что он сочтет меня сумасшедшей. О вампирах так и вовсе речи идти не может, не только потому, что это абсурд, но и потому, что я сама до сих пор не считаю это правдой.

Прошлым вечером мы поговорили с профессором, и он был очень удивлен, что сразу шесть человек решили покинуть эксперимент одновременно. Рассказав ему о видящихся нам призраках (думаю, именно этого результата он и добивался), мы, написав заявление, попросили его рассказать об использованных психологических приёмах, сославшись на то, что наш отъезд не за горами, да и мы более не участники происходящего. За кружкой чая Бенджамин поведал нам о сломанных часах, об управлении водопроводной системой, идея с которой быстро закрылась из-за жалоб горничных, о постоянных перестановках различных предметов интерьера (чего я, признаться, даже не заметила), а также о портрете Доротеи, который хозяин замка любезно отдал для реставрации. Реставрировали его, безусловно, так, что бедная Джанет лишилась съеденного завтрака, однако, на вопрос о портрете Твилы и Айзека Кроули профессор лишь пожал плечами, рассказав о том, что случай с мячом и его поразил до глубины души. Решив доказать Бенджамину всеобщую правоту, мы направились в старую комнату Агнесс, где с ужасом обнаружили на картине улыбающегося мальчика. Стоит ли говорить о том, что психолог лишь удостоверился в наших галлюцинациях? Думаю, нет. Не знал он и о записке, найденной Марвином, и около часа проверял он перевод, после чего разразился воодушевленными комплиментами. Безусловно, это была целая историческая находка, не оставившая профессора хладнокровным, тогда как для нас это был билет домой.

Думая об этом сейчас, я вновь и вновь пытаюсь понять: правильно ли мы поступаем, сбегая из замка из-за столь невыясненных обстоятельств? Полагаю, что да. Труп Зои Уиллер был последней точкой моего пребывания в этом месте, и только это пугает меня сильнее всяких призраков и вампиров. Легенды и сказки не имеют власти там, где видна смерть...

Присев на краешек кровати, я вздрогнула, когда дверь распахнулась. Не задерживаясь на пороге, внутрь шагнул высокий мужчина в синем комбинезоне, увидев который я инстинктивно подорвалась с места, бросаясь к окну. Закрыв за собой дверь, флорист грозно сдвинул брови к переносице, бросая мимолетный взгляд на собранный чемодан.

— Уже поздно, — нервно бросил он, начиная кусать губы изнутри. — Теперь поздно.

— О чем вы? Ворвались в комнату, говорите такие вещи... Сделаете шаг, я закричу!

— Это не к чему. Вы ведь всё знаете.

— Да о чём вы вообще!? — схватившись за ручку балкона, я с ужасом осознала, что сама же заперла её на ключ...

— Записка, — произнес он, и моё сердце рухнуло вниз. — Тот рыжий мальчишка нашел её на чердаке.

— Это...ваше?

— Да, это моё.

С минуту мы рассматривали друг друга. Он, ожидая реакции с моей стороны. Я, пытаюсь понять всю несостоятельность сказанной шутки. Хотите сказать, убийца, живший несколько веков назад, стоит сейчас передо мной? Вилфорд был прав, этот флорист попросту сумасшедший.

— Вы не сможете сбежать, — грустно произнес он, указывая рукой на чемодан.

— Вы мне мешаете?!

— Не я. Господин Кроули найдет вас, где бы вы ни прятались.

— Выйдите, пожалуйста. Я уже уезжаю домой...

Мужчина сделал шаг вперед, и я врезалась в стекло балкона, пытаюсь отступить назад. Если действовать быстро, можно вскочить на кровать, а потом, обогнув стол, добежать до дверей. Если он подойдет ещё ближе, сбежать уже не получится, но я и правда закричу, что есть силы. Этот мужчина с заросшим лицом очень опасен из-за своих психических заболеваний. Изнасилует? Убьет? Даже понять не могу, что у него в голове!

— Айзек считает вас новой мамой.

— Айзек давно умер, про кого вы говорите?

— У мальчика не было материнской любви. Он был таким же жестоким, как отец. Теперь он ищет то, чего ему не хватало...

— Прошу, — на моих глазах появились слёзы, — прекратите...

— Впрочем, все они ищут то, чего им не хватало. Вот только за их грехи не видать им этого. Вы не должны достаться господину Кроули.

— Я уезжаю сегодня же!!! Вы не верите мне?! — я сильно повысила голос, надеясь, что кто-то да меня услышит.

— Это вас не спасет. Считаете вампиров выдумкой?

— Конечно!!!

— А так? — флорист за одну секунду оказался прямо передо мной, и я, заплакав от страха, побежала к двери, но моё запястье больно сжали, отбрасывая на кровать. Тяжелая туша нависла сверху, и я замотала головой, пытаюсь увидеть хоть что-то за слоем слез.

— Прошу вас! — закричала я. — Не делайте этого!

— Не причисляйте меня к насильникам. Я избавляю страдающие души от мук.

— Уйдите!!! Я отдам всё ценное, что есть, только уйдите!!!

— Я на вашей стороне. Я помогу вам. Поверьте, вас ожидает участь ужаснее, чем смерть.

— Помогите!!! Кто-нибудь!!!

Сильные шершавые руки обхватили горло. Вцепившись ногтями в мужские запястья, я начала бороться за висевшую на волоске жизнь. Как же больно, страшно и холодно... Значит, это он убил Зою! Маньяк, которого все ищут в деревнях, был у нас под носом! И прямо сейчас судьба распорядилась так, что я стала его новой жертвой. Я не хочу умирать! Больно, очень больно. Я расцарапываю ему кожу, чувствую, как его кровь стекает по шее, но он будто не ощущает боли. Он сжимает горло лишь сильнее, и кислорода начинает не хватать. Я задыхаюсь. Жадно пытаюсь глотать воздух ртом, но это тщетно. Не хочу... Я не хочу умирать. Ещё мгновение назад я пыталась отпихнуть его ногами, а теперь даже не могу их поднять. В глазах темнеет... Я понимаю, что лишусь сознания через считанные секунды, а, если засну, то больше никогда не проснусь. Он убьет меня, и мой труп найдут рядом с

собранным чемоданом. Наверное, после этого эксперимент закроют. Все отправятся по домам, и моя смерть хотя бы предупредит остальные. Но я не хочу умирать... Не хочу.

Я прикрыла глаза, и в этот момент что-то брызнуло мне в лицо. Воздух вошел в легкие, и я, часто задышав, услышала своё же шумное и тяжелое дыхание. Попадшая в рот жидкость имела вкус крови, и, распахнув в ужасе глаза, я увидела торчащую в груди мужчины руку, что сжимала его сердце. Из рта мужчины потоком бежала кровь, а от торчащих в разные стороны ребер исходил странный специфический запах. Его взгляд потух. Он умер. Соскользнув с руки, что поразила его подобно мечу, флорист рухнул на пол, представив моему взору испачканного в крови Вилфорда. Брезгливо отбросив в сторону вырванное сердце, он склонился надо мной, ласково улыбаясь. Он что-то говорил, но я не слышала. В ушах был лишь шум. Сердце в страхе билось о ребра, словно боясь, что с ним сделают то же самое. В глазах потемнело.

Наверное, это всего лишь сон. Наверное, я уже умерла...

Из дневника Агнесс Торсон

Дорогой дневник,

стоило уехать отсюда раньше. Ведь то, что произошло вчера, повергло нас в ужас. Нет, это больше, чем ужас, это то, пред чем обычный человек вспоминает о Боге и просит его о спасении. Всё началось с самого утра, когда профессор не досчитался двух мужчин и одной девушки, что были участниками эксперимента. Их пытались найти, им пытались позвонить, но всё оказалось тщетно. Они пропали. Как пропала и Зои...

Джанет рассказала, что аэропорт по техническим причинам на время закрыт, и улететь сегодня, завтра и даже послезавтра точно не получится. Словно бы нарочно судьба оставляла нас с проблемами этого замка, не давая бросить всё именно сейчас. Мне начинает казаться, что это местно проклято, честное слово. Всё, что мы планируем, идет совершенно не так. Эти картины, призраки, теперь ещё и пропадающие люди... Если окажется, что эта троица решила попросту прогуляться без телефонов за пределами замка, я лично придушу их собственными руками.

Вампиры не выходят из моей головы. Пересмотрела ли я фильмов или попросту попала под влияние чужого мнения, но... вдруг они действительно существуют? Бледные, быстро перемещаются, избегают крови, чтобы не сорваться, соблюдают традиции прошлого и сами словно из другого века. Под данное описание подходят все из этого замка. И не только они. Если подумать, то и гости на том мероприятии выглядели также... А Моника? Неужели Габриэль обратил её в вампира? Я давно не видела её, она заперлась в своей комнате и редко выходит к остальным.

Но самое страшное произошло днем, когда все были заняты поисками трех пропавших. Флорист оказался убийцей, и его новой жертвой стала Беатрис. После историй о семействе Кроули и после всех рассказов о вампирах я побаивалась Вилфорда, но теперь же была ему искренне и безмерно благодарна: именно он спас Трис от смерти. Я не знаю всех подробностей, но знаю то, что флорист пытался задушить её, и это ему почти удалось. Ворвавшийся в комнату Вилфорд напал на мужчину, и во время драки у того случился инфаркт. Через час он был уже мертв. Я видела тело флориста. Действительно, не было ни крови, ни даже следов удара, словно бы он просто был без сознания. Надеюсь лишь, что Вилфорда не обвинят в убийстве этого... этого маньяка! Нельзя так говорить, но я рада, что судьба наказала флориста таким образом. И я рада, что Беатрис осталась

жива.

К сожалению, она ещё не очнулась. Приезжавший сюда врач сказал, что всё будет в порядке, но Вилфорд продолжает винить себя в том, что не мог ответить на её звонки и сообщения из-за срочных дел. Он сказал, что не смог бы представить себе жизнь без Трис, и все мы его прекрасно поняли, ведь, если бы что-то случилось...».

Отложив дневник, я потеряла виски. Дрожащей рукой трудно писать, сама не могу разобрать слов. Думаю, что не смогу даже заснуть. Придется выпить снотворного. Не прежде...

Поднявшись с места, я вышла из комнаты, направившись к Беатрис. Бесцельно хожу к ней уже в десятый раз, очевидно надеясь, что в моём присутствии она проснется. Сейчас довольно поздно, но я знаю, что в её комнате включен свет на тот случай, если она внезапно придет в себя. Она спит с тревожным лицом. Мне кажется, перед тем, как потерять сознание, она что-то увидела... Да, я хочу узнать, что, но... Пока стоит отбросить эти мысли, думаю, не стоит говорить с ней о произошедшем до тех пор, пока она не начнет этот разговор сама. Всё это время рядом с ней непременно находились Джанет и Вилфорд, Марвин помогал доктору, а Арчи пытался разобраться, что произошло с аэропортом, надеясь хотя бы забронировать отель в городе неподалеку. Брис и Лаура обещали оповещать нас обо всем происходящем, но вот уже ночь, и испуганные коридоры затихли. Не думаю, что кто-то сможет заснуть после произошедшего...

Толкнув дверь, я зашла внутрь. Прикроватный светильник мягко бросал оранжевый свет на спокойное лицо Беатрис, но сделав шаг вперед, я замерла. Моё дыхание участилось, а пальцы задрожали, когда сидящий на краешке кровати мальчик повернул ко мне своё лицо. Галлюцинация, галлюцинация, прошу, пожалуйста, пусть это будет галлюцинация... Развернувшись на месте, я бросилась к двери. Она оказалась заперта.

Глаза начало сильно жечь. Я стала быстро моргать, чтобы избавиться себя от слез. Почему именно сейчас? Беатрис, пожалуйста, очнись, прошу, помоги мне...

Удивленно склонив голову набок, отчего волнистые волосы упали на голубые глаза, мальчик коснулся своей тонкой ручкой ладони Беатрис, нежно поглаживая её по коже.

— Мама всё никак не просыпается...

Заговорил... Он говорит со мной! Как же страшно... Хочу уйти. Я открыла рот, но не смогла произнести ни слова. Ужас мертвой хваткой вцепился в моё горло.

— Её хотели убить. Как и меня... Это было бы ужасно, правда?

Я кивнула, и из моих глаз потекли слёзы.

— Её хотели убить потому, что папа её любит. Меня тоже убили потому, что меня любит папа. Мы так с ней похожи. Я пошел в неё, да?

Я не шевелилась. Страшно даже сделать глубокий вдох...

— Зачем ты пришла к маме?

— П-п. п-провед-дать...

— Зачем?

— Я... Очень надеюсь, что... о-она очн-н-нется...

— Зачем?

— Я беспокоюсь...

— Ты просто хочешь, чтобы она тебе рассказала, что видела. Но, если ты спросишь это, мама будет грустить.

— Н-нет, я не спрошу этого!

— Ты не врешь? — тихим голосом спросил он, и его взгляд вдруг стал таким холодным, что у меня затряслись колени. Я ведь хотела узнать, правда, но я дала себе установку не спрашивать до тех пор, пока Трис сама не пожелает... Да, и откуда он вообще узнает, что я там думала!

— Н-нет...

— Мне не нравится тетя Агнесс, — мальчик прыгнул к кровати и подбежал ко мне. Я задохнулась от страха. — Она не любит маму так, как тетя Джанет. А ещё тетя Агнесс врёт. А я очень не люблю ложь...

— Прости! Прости, — начала я извиняться непонятно за что, — можно я уйду? Пожалуйста...

— Маме не нужны такие друзья, как тетя Агнесс.

Его бледная ладонь коснулась места, где билось моё сердце. Оно начало биться так быстро, что меня отчего-то бросило в жар. Перебои... Я явно ощутила перебои в собственном сердцебиении, а после грудь пронзила невыносимая боль. Упав на колени перед мальчиком, я, держась за собственную рубашку, понимала, что задыхаюсь. Перед глазами всё плывет... Попыталась закричать, но из меня вышел лишь хрип. Сердце... Оно бьется всё быстрее, всё хаотичнее... Ещё быстрее... Быстрее... А он... лишь улыбается. Лишь смотрит, как я корчусь от боли. Мне кажется, что моё сердце вот-вот выйдет наружу вместе с рвотой... Больше не могу. Пусть это будет галлюцинация, прошу... Я не могу дышать...

Глава 18. Сквозь монологи в бездну

Джанет Берк

Агнесс умерла прошлой ночью.

Её замершее в страхе лицо быстро накрыли белоснежной простыней, и единственное, что осталось после неё, это собранный чемодан и раскрытый на столе дневник. Ни к тому, ни к другому прикоснуться я не смогла.

Мне было очень страшно. За время пребывания в замке Агнесс стала мне подругой, и вот её уже нет. Она не отправилась домой, не вышла на прогулку в цветущую оранжерею, не отправилась в Морволунтарию, чтобы посетить Великий Театр...

Она исчезла из этой жизни.

Исчезла навсегда.

Я не знаю, где её похоронят. Быть может, этот пугающий дождливый городок и станет пристанищем для её тела, и я не смогу даже возложить на её могилу цветов, ведь я более возвращаться сюда не намерена.

Я не смогу забыть наших общих воспоминаний. Они были сплочены не только теплом, но и страхом, а также тайной, которую мы открыли вместе. Агнесс не застряла в моём сердце. Но она навсегда осталась в моей голове. Я буду скучать по тебе, Агнесс. Но я буду бояться вспоминать тебя, ведь с представлением в сознании твоего лица ко мне вновь и вновь будет возвращаться ужас прошедших дней.

Агнесс, я знаю, что тебя не убили. Но и поверить в острую сердечную недостаточность не могу. У тебя не было проблем со здоровьем. Так говорила мне ты.

Прости, Агнесс, но я не рассказала о тебе Беатрис. Думаю, этим я бы сделала лишь хуже. Мы все пришли к единому решению: для Трис Агнесс попросту отправилась домой. Её забрали родственники, и она уехала на поезде. Оправдывать эту ложь бессмысленно, ведь всё и так логично: человеку, который сам недавно пережил покушение, незачем знать о человеке, который погиб сразу после него. Я боюсь за Трис. Я думаю, что от этой правды ей станет ещё хуже.

Она очнулась утром. Хвала, что не той ночью. Выдавливала улыбку, что смотрелась ненормально на сером лице, и прятала дрожащие руки под одеялом, говоря, что чувствует себя хорошо. Я не настаивала на правде, ведь и я сегодня была лгуньей. Одних слов, чтобы подбодрить её, будет мало. К сожалению, подобную рану сможет закрыть лишь время, оставив болезненный рубец. Флорист понес своё наказание, вот только Беатрис в данный момент от этого ни горячо, ни холодно.

Мне хочется поддержать её. Врач назначит седативные препараты и снотворное, но кошмары продолжают преследовать её по ночам. Я постоянно завариваю чай, приношу мед, ищу в интернете (нам разрешили теперь им пользоваться) смешные видео и программы, которые так нравились нам прежде. Я даже покорно уступаю своё место Вилфорду, когда тот без стука заходит в комнату. Он действует на неё лучше седативных, а я, вновь и вновь благодаря его за спасение Трис, ухожу к себе в комнату, чтобы поспать. Понемногу Беатрис становится лучше.

Скоро мы отправимся домой.

Марвин Берк

Острая сердечная недостаточность? У девушки двадцати пяти лет? У которой никогда не было проблем с сердцем? Вы серьёзно? Да кто вообще поверит в эту херь! Её убили. Я не знаю как. Возможно, отравили. Я так и знал, что тот маньячина-флорист работает не один! Этот замок — рассадник убийц, а полиция ищет их в городках. Нужно сваливать отсюда немедленно, сейчас же, мгновенно! Уехать в город у аэропорта, снять там комнатушку и ютиться в ней всем вместе, пока не пребудет самолет.

Первой была Зои. Читайте меня придурком, однако, я теперь верю в вампиров. Особенно после того, как Трис рассказала мне о двух дырках в шее. Я и сам утвердился: намеренно поранился рядом с горничной. Она ушла тут же. Она не боялась крови. Наоборот, думаю, она её сильно хотела. Я не остановился на достигнутом, я проделал всё то же самое рядом с другими обитателями дворца, и все они проваливали мой опыт. Я исколол все пальцы, но хотя бы убедился в том, что Вилфорд и Габриэль к этому не причастны, они, так же, как и мы, в неведении.

Кто дальше? Двое участников эксперимента, вдруг пропавших без вести. Так уж и без вести? Отдаю руку на отсечение, но я уверен, что вскоре их обескровленные тела внезапно обнаружатся в лесу. И что сделает полиция? Пообещает, что со всем разберется, вот только нихрена она не сделает. Почему? Потому что не только замок, но и все города в округе забиты не людьми! Я залез во множество справочников, осмотрел кучу древних языков, пытаюсь найти хоть что-то схожее, и мои ежедневные пытки дали плоды — названия городков больше не кажутся мне красивыми.

Морселерис. В переводе — скоропостижная смерть. Что ж, именно она и настигла Зои Уиллер.

Морс Волунтария. Добровольная смерть.

Бонаморс. Легкая смерть.

Водопады или Великий Театр? А стоит ли оно того, если в итоге ты умрешь?

Сангинем трактровался как кровавый. Теперь объяснимо.

Беатрис чуть не убили, а после внезапно скончалась Агнесс. И знаете, я не выдержу, если что-то случится с моей сестрой. Я подохну вместе с ней.

Под моей подушкой уже какую ночь лежит украденный с кухни нож. Поможет ли он мне? Как вообще бороться с вампирами? Чеснок, солнце и колья — лишь вымыслы, дабы сделать вампиров в фильмах не всемогущими. А какие они на самом деле...

Нужно уезжать. Мой чемодан уже собран.

Беатрис чувствует себя хорошо. Мы покинем это место со дня на день.

Арчибальд Макнелли

Ещё недавно мы говорили об убийстве Зои, а уже сегодня я подслушиваю разговор профессора со следователем, что просит выдать ему контакты всех родственников Агнесс. Я не хочу подыхать в этой золотой норе, и уже одно только покушение на Трис стало сигналом опасности. Теперь же смерть Агнесс...

Коньяк не лезет в глотку, но я упрямо им травлюсь. От алкоголя становится легче. Голова тяжелеет, мысли путаются, и ты на мгновения забываешь о том, что происходит вокруг.

Я не хочу подыхать.

Становлюсь маразматиком. Проверяю все двери по несколько раз, закрываю окна, уношу из комнаты портреты. Мне кажется, что они внимательно на меня смотрят.

Вчера звонил отцу. Он пообещал разобраться с аэропортом. Вот только что-то нихера не разобрался. Тут каждый день, как пытка! Сколько можно ждать! Говорит, там взрыв был, неполадки, ничего не могут сделать... Так, я, блять, уже готов сесть на поезд, на паром! Сколько пересадок? Четыре? Малая цена за собственную жопу!

Марвин продолжает втирать про вампиров. Сует мне под нос эту дрянную бумажку, а я трясусь, как дегенерат. Мне страшно! Да, эта тема полная хрень, если вампиры и есть, то только энергетические. Наверное... Но чтоб кровососы? Давайте сюда ещё оборотней, фей и зомби! Я готов верить и ссаться от страха!

Билеты куплены. Все согласны на пересадки и долгий путь.

Вещи уже давно собраны.

Моя бы воля, смотался отсюда уже сегодня...

Бенджамин Маквей

Это я нашел Агнесс мертвой.

Она лежала, словно бы обратившись в камень: испуганное выражение лица с приоткрытым ртом, стеклянные огромные глаза и странно скрюченные пальцы. Впервые в жизни я кричал от ужаса. Агнесс выглядела так, словно умерла от сильнейшего испуга. Но что же могло её так сильно напугать?..

Эксперимент закрыли.

Нужные данные получены, и, как бы сильно не хотелось их дополнить, ныне под вопросом стояли наши жизни. Я увлечен рассматриваемой темой, но подвергать чужие жизни опасности не имею права и не желаю. Что уж греха таить, я и сам теперь боюсь за свою жизнь.

У Агнесс много родственников. Хорошо, что обзванивать их буду не я. Я бы не смог. Следовательно все записал, однако, сразу звонить не стал. Ушел. Думаю, и ему будет нелегко всё объяснить, хотя он даже ни с кем не знаком.

Всё началось ещё с того красного мяча и ребенка на портрете. Никто из нашей команды ничего подобного не делал, одного подопытные утверждали в обратном. Я мог бы сослаться на впечатлительную натуру, если бы не сам лично выносил этот мяч из комнаты. Он был холодным. Холодным и липким.

Ребенок? Айзек Кроули. Его действительно не было на портрете, а место, пустовавшее рядом с герцогиней, словно было создано для изображения ребенка. А после я вдруг узнаю о том, что уже несколько подопытных видели Айзека. Тонкие и ранимые души? Нет, ведь в тот период эксперимента, я не говорил и не рассказывал никому об этом мальчике.

Я и сам начинаю бояться этого замка.

Золотая... Нет, это не золотая клетка. В наше время одним из самых дорогих камней является красный алмаз, и замок Сангинем его истинное олицетворение. Манящая, уставленная роскошью камера кровавого цвета, за пребывание в которой нужно чем-то платить.

Пора ложиться спать. Завтра много дел, ведь мы покидаем замок.

Хорошо, что Арчибальд смог достать билеты на поезд.

Моника Герис

Эта жажда преследует меня всё то время, что я здесь...

Это хуже ломки, и я знаю, о чем говорю...

Перед глазами только кровь, и, если её нет, меня трясет, знобит, после бросает в жар, моё тело будто разрывается изнутри, я вонзаю ногти в изголовье кровати и смотрю на собственную кровь без желания. Она меня не притягивает.

Габриэль хвалит меня, раздевается, пристраивается сзади, и жажда крови несколько гаснет под натиском возбуждения. Он говорит, что я стойко переживаю изменения в теле, но знает ли он, какую боль я испытываю на самом деле? После секса он что-то вводит мне в вены через шприц, и я засыпаю. И так изо дня в день...

Если подумать, то всё так и началось.

Он красивый, богатый, соблазнительный. Лакомый кусочек, который я возжелала оседлать. Я флиртвала с ним изо дня в день, надевала самое лучшее, укладывала волосы, надеясь, что корни не решат отрасти внезапно быстро, но всё было тщетно. Если бы я знала, чем всё закончится, я бы отступила в тот момент.

Габриэль избегал меня. При разговорах быстро менял темы, а иногда и вовсе смотрел словно мимо меня, а после... Он спросил. «Твоё упорство похвально. Но готова ли ты прожить со мной вечность?». Конечно, я готова. Возьми меня здесь и сейчас, а после давай предаваться утехам... Сколько? Вечность? Если ты хорош, то я согласна. Я была пьяна. Мне казалось это шуткой. Я ответила, что за таким красавчиком последую даже в огонь. И он кивнул. Ещё бы: у меня милая мордашка, шикарная грудь, талия, за которой я слежу, как не знаю кто... Я знаю себе цену, ведь я долго гналась за идеальной внешностью.

Он позвал меня к себе. У нас был умопомрачительный секс. Я стонала и просила больше, он покорно исполнял. Но на пике всё вдруг потемнело... Я помню, как ты укусил меня, и помню, как жар пронзил место укуса. Я потеряла сознание.

Вампир.

Вот, кто он. Вот, кто теперь я.

Раньше я бы сказала, что это круто. Жить вечность, быть красивой, пить кровь стеснительных девственников и совращать их по ночам... А в действительности всё так, что хочется сдохнуть. Мне плохо без крови. Я еле себя сдерживаю. Выгляжу ужасно, а дышу так шумно, что моё же дыхание заглушает играющую в комнате музыку. Смотрю в зеркало и вижу костлявую девку, чьи конечности словно вывернуты в другую сторону. Мне плохо... Хорошо только тогда, когда мне делают укол, когда я пью кровь... Но за неё надо поработать.

Габриэль садист. И он хочет, чтобы я стала мазохисткой. Я называю его хозяином, трусь об него каждый раз как последняя сука, когда он приходит в комнату. Он жестоко берет меня, постоянно кончает внутрь, и это чудо, что я до сих пор не беременна. И, что удивительно, это не самое ужасное для меня...

У каждого вампира есть своя способность. Габриэль может управлять чувствами, а мне досталась уничтожающая спокойные дни возможность читать чужие мысли. От них болит голова, так сильно, будто кто-то изнутри бьет молотком по черепу. Я не умею... Ничего не понимаю... Не хочу... Но хозяин заставляет. Он обещает кровь взамен моего хорошего поведения, и я слежу за своими же друзьями. Я должна рассказывать ему обо всем, что происходит... Я должна мгновенно докладывать ему о странных разговорах и

мыслях...Я должна...

Ему все равно на меня. Я полезна, хороша в постели — вот и всё. Он обратил меня из-за потенциальной способности. Он обратил меня, чтобы поразвлечься. Он предан своему отцу. Тому, кто вызывает во мне ужас одним лишь взглядом...

Беатрис, я не могу тебя предупредить. Я не хочу умирать. И тебе неизвестно, что ты отдала своё сердце Князю среди вампиров, Королю среди кровососущих, Императору среди настоящих тварей. Беатрис, знаешь ли ты, что его боятся все, кроме тебя? В нем нет ни гуманности, ни милосердия. Он убьёт всех, кто прибыл на эксперимент, просто чтобы побаловать своих придворных «живой» кровью.

Зои опустошили вампиры из Морселериса. Ещё двоих забрали в Бонаморс...Я знаю об этом всем. А сказать не могу.

Ты не сможешь сбежать Беатрис.

Быть вампиром больно.

Но Вилфорд действительно одержим тобой. Думаю, он простит тебе даже те ошибки, которые совершили предыдущие его жены. Он простит тебе всё.

Ты рада, Беатрис?

Глава 19. Навсегда

Мне жарко от столь сильных объятий, и дыхание спирает каждый раз, стоит мне попытаться повернуться. Вилфорд сжимает меня так крепко, словно я могу исчезнуть в любое мгновение, и близость его тела успокаивает душу лучше лекарств. Он шумно втягивает запах моих волос, бродит руками по голой коже, касается пальцами самых чувствительных мест, заставляя тихо стонать, и постоянно целует в шею, добавляя в парящее в воздухе возбуждение ноты необъяснимого страха. Мы долго лежим в постели, вдыхая с простыней запах одеколона и духов, но вновь и вновь мой взгляд касается чемодана, в верхнем кармане которого лежит билет домой. Вилфорд ловит мой взгляд, но молчит, лишь прижимает к себе всё ближе, пока я не начинаю чувствовать нехватку воздуха.

Я не говорила ему напрямую о своём намерении покинуть замок, ведь, как мне казалось, это было очевидно. После всего произошедшего, после того, как эксперимент больше не удерживает нас на месте, вполне логично оставить наполненный ужасами город. Поворачиваясь к Вилфорду, я замечаю, что всё это время он лежал, облокотившись о локоть. Он медленно склоняется ближе и нежно целует в губы, касаясь своим языком моего. С каких пор это стало так приятно? Я готова потерять своё самообладание, стоит ему прикоснуться ко мне. Быть влюбленной по уши не столь прекрасно, сколь пугающе...

Чувствуя от предстоящего разговора раздражающую неловкость, я чуть отстранилась от мужчины, пытаюсь подобрать нужные слова. Я люблю Вилфорда, люблю так сильно, что хочу остаться с ним... Но только не в этом замке. Согласится ли он уехать со мной? Как эгоистично, здесь вся его работа, конечно же, он не сможет... Но что, если мы поселимся в соседнем городе?

Он вновь нависает сверху, но я упираю ладони в его широкую грудь. Нам нужно поговорить, но постоянно утопая в возбуждении, я не смогу этого сделать. Решить всё здесь и сейчас? Да, думаю, это будет верным решением...

— Вилфорд, — начала было я, но взгляд сам метнулся к чемодану, и мужчина хладнокровно посмотрел туда же. Он вдруг отстранился и поднялся с кровати. Мне только и оставалось, что наблюдать за тем, как его красивая фигура с узкими бедрами уходит к спинке кресла, на котором небрежно лежали стянутые в страсти вещи.

Почему он вдруг уходит? Этот разговор и мне дается с трудом, но не убегать же от него, в самом деле... Я встала с кровати, замотавшись в одеяло.

— Милый, куда ты?

— По работе необходимо решить пару дел.

— Но я ведь уеду сегодня днем...

Застегивая ремень, он вдруг вздрогнул, а после замер, будто бы я исподтишка окатила его холодной водой. Он не знал? Быть не может... Вся наша группа покидает замок, и профессор был попросту обязан предупредить об этом того, кто всё это время был гостеприимным хозяином. Я почему-то почувствовала себя виноватой. И перед Вилфордом, что узнал об этом сейчас, и перед профессором, что, по-видимому, решил уехать секретно, оставив лишь письмо с благодарностью. Однако...

— Я знал, что уезжают другие, но я не знал, что вместе с ними уезжаешь ты, — строго и обвиняющее произнес Вилфорд, откладывая в сторону черную рубашку.

О чём ты? Само собой разумеется, что я уеду вместе со всеми. События последней

недели напрямую коснулись меня, и я чуть не лишилась жизни. Это ведь так логично, что я желаю уехать...

— Профессор Бенджамин обязан вернуть всех, — на слове «всех» я несколько запнулась, — в аэропорт нашего города. Таков договор. Но после возвращения мы будем уже вольны поступать так, как хотим, — быстро добавила я, замечая на лице Вилфорда странное выражение. Такое холодное, такое отстраненное, будто бы только что я его предала...

— Ты не хочешь остаться здесь?

— Я...Хочу быть с тобой, — мягко улыбнулась я, подходя ближе, — но я не хочу быть с тобой в этом замке...

На его скулах вдруг заиграли желваки, и я, испугавшись ещё не выпущенной злобы, начала попросту тараторить:

— Прости, если это место тебе дорого, а я такое сказала...Просто здесь...Ну, я хочу сказать, что мне здесь не по себе. Словно кто-то постоянно следит и наблюдает, ещё призрак мальчика и этот флорист...

— Призрак мальчика?

— Да, мы решили, что видели Айзека Кроули...

— И что же он делал? — с какой-то предвкушающей и пугающей улыбкой, спросил Вилфорд. Я, неожиданно для самой себя, вдруг сделала шаг назад.

— Я видела его на пляже, и мы говорили, а ребята заметили его, когда он ходил за мной...

— Значит, даже он согласен...

— Послушай, Вилфорд, я очень люблю тебя. Но здесь мне страшно. Я хочу вернуться домой, чтобы успокоиться...

Он не ответил. Надел на себя рубашку, начав застегивать пуговицы. Я же, впиваясь взглядом в его спину, чувствовала вскипающую во мне злость. Ему всё равно? Говорит какую-то чушь, и совершенно не заботится о том, что чувствую я! Неужели все, что я представляла, оказалось ложью? Но мне казалось, что это была настоящая обоюдная любовь! А теперь, когда я говорю, что уезжаю, он просто пожимает плечами? Что ж, прекрасно! Ни слова больше не скажу. Уеду днем и даже на звонки отвечать не буду. Да, я уверена, что уже дома буду сожалеть о своей поспешности, буду оплакивать первую любовь, но сейчас я просто в гневе! Вот и сиди в своем замке да картины рассматривай! Так даже проще, мне не придется ни перед кем объясняться.

Я резко развернулась на месте, и, злобно скинув на пол одеяло, отправилась в последний раз в эту ванну.

— Беатрис, — с некоторой усмешкой окликнул он меня, но я не обернулась. Вот только уже через секунду его крепкая рука больно схватила моё запястье. Он словно летает по комнате, а не ходит... — Ты ничего не поняла?

Я возмущенно вскинула брови, собираясь грубо ответить, но его лицо вдруг показалось мне безумным. С широко распахнутыми глазами, со странной неестественной улыбкой, склоненной набок головой...Теперь я уверенно могла назвать его глаза красными. Вот только как это возможно?

— Мы неразлучны, Беатрис.

— Как мы можем быть вместе, если ты меня даже не слушаешь?!

— Я всегда слушаю тебя, Беатрис. Ведь как можно не слушать своё сердце? Я сделаю всё, что ты пожелаешь, — возможно, эти слова могли бы показаться романтическими, но

сейчас они отчего-то сильно пугали...

— Тогда дай мне вернуться домой!

— Глупая, я же сказал, мы неразлучны.

— Тогда поезжай вместе со мной!

— Зачем? В серый город, в потрепанную съемную квартирку, в однообразные будни, лишённые воспитания. Туда, где люди, словно свиньи, живут на телевидении, верят всему, что им говорят с экранов, и слепо следуют за массой, стесняясь самих себя. Туда, где ни у кого нет настоящих желаний, где ложь давно стала нормой, где каждый тупеет, зная, что всё он сможет найти в интернете. Туда ты зовешь меня, Беатрис?

Я замерла, совершенно не зная, что сказать. Правда, выплеснутая в лицо, заставила меня замолкнуть в бессилии.

— Я знаю о тебе всё, Беатрис. Каким ты была ребенком, чем увлекалась в школе, почему выбрала именно свой университет, что ты скрываешь от всех, даже от Джанет...

— Но откуда...

— И я люблю тебя, моя милая. Зависим от тебя, одержим тобой. Хочешь ли ты, чтобы у меня началась ломка без тебя? Знаешь ли ты, на что способны те, у кого ломка? Какая ты жестокая, Трис... Такая же бесчувственная, как я.

— Нет, не говори так...

— Твоё поведение, твои добрые дела, твой статус — всё это ты выстроила только потому, что тебе это выгодно. Вот только поможешь ли ты тогда, когда от этого тебе не будет пользы? Я знаю тебя, Беатрис. Ты не протянешь руки...

— Прекрати говорить столь ужасные вещи! — вскрикнула я, впервые понимая, что совершенно не имею оправдания. Откуда? Откуда он всё обо мне знает! Одно дело найти на меня информацию, другое же — покопаться внутри. Ничего не понимаю! Но то, как он это говорит, как преподносит, чуть ли восхищаясь моими отрицательными сторонами, не вызывает злости, а вызывает страх. Мне почему-то очень страшно...

— Беатрис, ты никуда не поедешь.

— Что?..

— Я сказал: ты никуда не поедешь. Твоё место рядом со мной. Навсегда.

— Так и сказал?

— Так и сказал.

— Как в романах, где маньяк признается в любви своей жертве...

Я строго взглянула на Джанет через плечо. Только подобного сравнения мне сейчас не хватало для спокойствия. Сжимая в ладони ручку чемодана, я почти бегом направлялась к автобусу, надеясь уехать отсюда до тех пор, пока не вернется Вилфорд. Его безумные горящие глаза, его широкая улыбка, обнажающая странно длинные клыки, заставляли сердце стучать быстрее, заставляли без раздумий бежать вперед, даже не оглядываясь. Я не могу вот так просто отбросить свои собственные и настоящие чувства, и сейчас они, мешаясь с правдой, вызывали диссонанс.

Он искал информацию обо мне. И он нашел её, это очевидный факт. Не назвала бы это чем-то плохим, однако, подобная излишне подробная осведомленность не может не вызвать опасений. Зачем? Я могла бы всё рассказать ему сама...

Он не понимает преследующих меня страхов. Перед моими глазами был труп Зои Уиллер, я видела душасщего меня флориста, видела записку со списком убитых герцогинь и...

Вилфорд, ты считаешь это нормальным? Почему ты не мог сказать мне «Давай уедем в соседний город» или «Хорошо, езжай домой, все обдумай и возвращайся»? Почему ты не мог сказать мне хоть что-то ободряющее, что дало бы надежду на поистине вечную любовь между нами? *Твоё место рядом со мной...* Твои глаза были такими холодными, когда ты произносил это.

Я люблю тебя, Вилфорд, и наивно верю в то, что всё тобой произнесенное было понято мной не так, как ты думал. Именно поэтому мне стоит уйти сейчас. Без предупреждения и быстро. Мне очень страшно, и страх этот вызван чем-то, что мне не дано увидеть. Неужели, это ты, Вилфорд? Ты всегда спокоен в столь ужасном месте, чувствуешь себя в своей тарелке среди чертовщины... Мне не хочется слушать Марвина, но по мозгу упрямо бьёт одно и то же слово.

Вампир.

В автобусе мы ехали молча. Из двадцати нас осталось шестнадцать, и о судьбе троих так ничего известно и не было. Профессор всецело положился на местную полицию, тогда как Марвин продолжал упрямо твердить, что никто эту троицу не найдет. Я рада, что Агнесс уехала раньше, надеюсь, у неё всё хорошо.

Мне казалось, что я что-то забыла в замке, однако, что бы это ни было, я не вернусь. Если Вилфорд действительно меня любит, он позвонит и предложит альтернативу, если же он законченный эгоист, и думать нечего. Мне жаль, что приходится поступать подобным образом, я хотела поговорить с ним по душам, но...

Автобус резко дал по тормозам, и всё пролетели вперед, ударившись о сиденья. Судя по тому, что меня впечатало в окно, водитель повернул руль, явно пытаясь избежать с чем-то столкновения. Громкий скрежет, и автобус врывается в дерево, что своими ветвями пробивает лобовое стекло. Женский визг сменяется шипением, исходящим с той стороны, какую принято называть капотом. Авария. Но все мы живы, все мы отделались лишь испугом.

— Фрэнк, что за черт? — крикнул профессор, поднимаясь с пола на дрожащих ногах. — Что произошло!?

— На дорогу выскочил хренов ребенок! — отвечал ему водитель, выползая из кабины. Он был весь в царапинах и порезах.

— Вот же ж, — процедил Бенджамин выскакивая из автобуса. — Фрэнк, если ты его сбил...

От перепада автобуса валил такой дым, что становилось очевидным — дальнейшую дорогу придется идти пешком. Да, именно пешком, ведь менять свои планы из-за подобного я и не думала. Ноги стопчу, но дойду до вокзала...

К счастью, жертвовать ногами не придется, ведь до назначенного пункта оставались жалкие четыре километра. Если мы поторопимся, то пребудем в срок. Я поделилась этими мыслями со всеми, и мы вышли на улицу, чтобы достать чемоданы из бока автобуса. Понимаю, что поступаем грубо, но водитель жив и сильно не ранен, тогда как нам медлить нельзя. Он разберется с аварией, и, надеюсь, ребенок не пострадал, а попросту убежал в лес, испугавшись.

Ручка чемодана уже была в моей руке, и мы выстраивались на пустой дороге, чтобы начать двигаться. Все были настроены решительно, полагаю, что каждый из присутствующих был бы рад поддержать спринтерский бег до вокзала. И я больше, чем уверена, что все они бы преодолели этот марафон.

Когда профессор дал команду идти, кто-то потянул меня за рукав. Я с волнением обернулась. Зачем сейчас? Нам нужно спешить...

Улыбаясь, Айзек указывал рукой в ту сторону, откуда мы ехали. Откуда мы бежали. Нет! Нет! Я отрицательно замотала головой. Как же страшно, настолько страшно, что всё тело начинает трясти. Ты мешаешь мне? Я не вернусь туда, не иди за мной! Как же я хочу домой...Взяв ручку чемодана покрепче, я отвернулась и быстрым шагом направилась за остальными. Хотелось бежать. Почему-то хотелось плакать...

Быстрее...

Прошу.

Не оборачивайся.

Как же сильно стучит сердце. Кто-то тяжело дышит в затылок, но я знаю, что иду в строю последняя...

Никто не произнес ни слова, и в сомнении я бросала частые взгляды на дрожащую Монику. Каждый раз, как она доставала из кармана телефон, что-то внутри сжималось от ужаса, и я строго просила её не отвлекаться и идти вперед. Марвин, считающий и Монику вампиром, опасно косился в её сторону, словно бы она могла что-то выкинуть, испортив весь наш план. За день по поездке Марвин убедил Арчибальда избавиться от её билета, и всё бы получилось, если бы не вмешался профессор. Я не знаю, что произошло с Моникой. Но её хотя бы не преследует призрак ребенка.

Нет, я не вернусь сюда однозначно. Лишь бы успеть сесть на поезд... Я не знаю, что будет теперь. Вилфорд, всегда заботливый и любящий, вдруг показал себя с иной, жестокой стороны, которая запрещала мне поступать так, как хочу я. Вновь и вновь пытаюсь я вспомнить то последнее воспоминание прежде, чем я потеряла память, и раз за разом меня преследует лишь головная боль. Мне кажется, что я видела кровь. Но я ранена не была, а флорист умер от инфаркта. Неужели очередные галлюцинации?

На моём чемодане отлетело одно колесо. Конечно же, словно бы теперь сама судьба против того, чтобы я покинула это место. Ну, уж нет. Хоть единственное оставшееся колесо и затруднило мне передвижение, скорость я не сбавила. Если нужно будет, то я готова оставить этот чемодан здесь, лишь бы убраться поскорее. Мне нужны лишь документы и кошелек, а вещи не стоят всего того страха, что постоянно окружает всю нашу небольшую группу.

Быстрее...

Всего-то два километра...

Профессор Бенджамин предложил нам свернуть, чтобы сократить путь и не делать крюк по ровной дороге. К сожалению, мы свернули в парк. Не самое успокаивающее место для сложившейся ситуации, но, кажется, и сам профессор с другими психологами вдруг ускорил шаг, ступая на аллею, прерываемую постоянными перекрестками. Я поспешила встать рядом с Джанет и Марвином. Позади меня, срываясь на трусцу, шел Арчи.

— Что это вообще за парк, — запыхавшись, произнесла Лаура, чей чемодан был самым большим, — тут деревья так плотно растут, что за ними не видно ничего.

— А ты собралась пейзажами любоваться? — с горькой усмешкой ответил Брис, и все нервно улыбнулись этой странной шутке, что среди отчаяния и молчаливой гонки прозвучала неестественно.

Громкий гудок поезда, и ужас сменяется ожидаемым облегчением. Мы почти на месте. Уже совсем скоро мы будем сидеть на мягких лавках, попивая дрожащими руками чай с лимоном и закусывая купленными второпях печеньем. Совсем скоро... Ещё чуть-чуть...

Быстрее...

Пусть скорее закончится эта дорога и покажется старинное здание вокзала.

Прошу.

— Элиз? Эй, где Элиз? — громко произнес знакомый на лицо парень, смотрящий в ту сторону, откуда мы пришли. — Элиз отстала, давайте подождем.

— Так позвони ей! — нервно ответил профессор, подходя ближе. Пока в задних рядах занимались звонком, Марвин положил мне на плечо руку. Я обернулась и увидела, как сильно Джанет сжимает ручку чемодана. Её колени тряслись, и даже Брис так сильно кусал губы, что нижняя попросту лопнула, показав полоску крови.

Я понимала, что хочет предложить Марвин, понимала, что Арчи и Джанет поддержат его, понимала, что Элиза не отстала. Понимала, но...

— Мы не можем уйти сами, — тихо и даже умоляюще шепнула я, чтобы никто другой ничего не услышал.

— Предлагаешь стоять здесь?

— Нужно как-то уговорить их идти дальше...не ждать...

— Трис, половина из них и части правды не знает. Я тут сдыхать не хочу. Не смотри так на меня...Эй...Ладно, я кое-что придумал. Но, кто со мной не согласится, того убеждать не буду, — почти рывкнул Марвин, но я согласно кивнула. Всё лучше, чем эгоистично бежать впятером... — Профессор! Время идет, мы так можем не успеть.

— И что теперь? — огрызнулся мужчина. — У нас тут оказывается ещё одна пропажа. Видимо, Элиза и Стэн где-то застряли. Телефон не берут, черт бы их побрал...

— Давайте так, — в голосе Марвина я услышала дрожь, которую он быстро поборол, — часть всё же отправится на вокзал, чтобы в случае чего попытаться задержать поезд, если вы опоздаете. Отсюда не так много людей уезжает на поезде, поэтому это вполне возможно. Не идти же нам целой толпой на поиски этих двоих?

Профессор странно выпятил вперед нижнюю челюсть, и мне показалось, что сейчас он вот-вот возразит вполне разумному заключению Марвина, однако Бенджамин вдруг кивнул.

— Да, это верное решение. Разделитесь по семь человек, раз вас теперь четырнадцать.

К нашей стоящей поодаль группе быстро примкнули Лаура и другая незнакомая мне девушка. Один из психологов, посоветовавшись с другими, также подошел ближе.

Всего восемь? С этим немым вопросом я посмотрела на Марвина. Тот и сам выглядел обеспокоенно, явно ожидая увести отсюда как можно больше людей. Я попыталась было обратиться к профессору, но тот грубо отмахнулся от меня, направившись в другую сторону. И всё же я догнала его.

— Простите, что говорю подобное, но нам ВСЕМ нужно немедленно идти к вокзалу!

— Знаешь, Беатрис, если бы ты была в числе отставших, ты бы навряд ли позволила себе подобную грубость.

— Профессор, но ведь они...

— Довольно! — закричал он, и я даже сделала шаг назад. — И так проблем достаточно! Сказали иди, значит, иди!

Джанет взяла меня за руку. Мы быстро пошли к вокзалу.

Обернувшись, я в страхе посмотрела на других ребят, что уже выкрикивали имена «отставших». Смогут ли они спасти себя? Сможем ли мы спасти себя...

Я не могла позволить себе такой роскоши, как осматривание очередного готического здания с большими круглыми часами, на которые я бросила мимолетный взгляд, чтобы убедиться в том, что мы не опаздываем. Едва ступени, ведущие в зал ожидания с кассами, закончились, как на наши ноги обрушилась усталость, и мы обессилено рухнули на лавки,

жадно глотая воду из пластмассовых бутылок. До конца квеста дома ужасов оставалось двадцать минут...

— Нам нужно в уборную, — смущенно произнесла подруга Лауры. Психолог согласно кивнула и уже было отложила сумку в сторону, как Арчибальд вскочил на ноги, преграждая собой им дорогу.

— Нет.

— Что ты такое говоришь, — опешила Лаура, даже раскрасневшись от возмущения, — почему мы не можем сходить в туалет?

— Сходите в поезде!

— Нам нужно сейчас!

— Вы в туалете подохнуть хотите? Вас под плиткой хоронить или в унитаз по частям смыть?

Все трое лишь приоткрыли рты, замерев с гневными взглядами. От подобной резкости опешила даже я.

— Арчибальд, ты угрожаешь нам?

— Ещё чего не хватало. Нам нельзя расходиться! Вы думаете, почему мы так быстро убегали... Считайте, что тут бродит убийца.

— Послушай, Арчи, мы все сейчас слишком возбуждены, — начала психолог, явно войдя в роль, — вот, смотри. Толпы девушек идут в уборную и выходят оттуда целыми и невредимыми. Мы зайдем с ними. Там много людей. Никто не сможет на нас там напасть.

С этими словами женщина взяла обеих девушек за руки, уводя их в стороны. Арчи со злости пнул свою же сумку.

На большом электронном экране, что так не вязался со старинным стилем здания, появилось объявление о посадке на наш поезд. Бросив быстрый взгляд на вещи ушедших девушек, Марвин поднялся с места и направился в сторону больших дверей, за которыми, очевидно, находился перрон. Брис последовал за ним, однако, я, Джанет и Арчи синхронно и намеренно медлили. Мы надеялись. Мы хотели верить. И, когда со стороны входа показалась Моника и ещё трое ребят, из нас вырвался облегченный выдох. Они идут, всё будет хорошо.

— Нашли? — тут же спросил Арчи у одного паренька, что был весь в грязи.

— Мы нет. Мы затем разделились вот, четверками, и наша группа свалилась в яму. Мы решили, что с нас хватит и пошли сюда.

— А остальные?

— Не знаю. Мы им смс написали, что ушли. Это проблемы Элизы и Стэна, не наши. Я из-за них не хочу пропустить поезд.

Никогда прежде я так не радовалась чужому эгоизму. В таком случае есть надежда, что и с остальными всё в порядке. Я посмотрела на Монику. Она сглотнула и отвела взгляд.

— Эм, Моника, прости, что прошу, — неуверенно начала Джанет, — но не могла бы ты заглянуть в уборную? Туда ушли наши... подруги минут пятнадцать назад и что-то не возвращаются.

— Ладно, — неожиданно покорно согласилась она, тут же исчезнув в толпе. Мы одновременно круто развернулись и под удивленные взгляды новоприбывших пошли в сторону перрона.

Большая деревянная дверь.

Черный гудящий поезд.

Доедающие на перроне брошенный хлеб птицы.

Я в волнении смотрела на красные занавески за прямоугольными окнами, в которых видела рассаживающихся пассажиров. Скоро там будем и мы. Мне хочется растолкать всех столпившихся здесь людей и пролезть первой, но я терпеливо жду. Жду, чтобы через пять минут исчезнуть из этой страны навсегда. Жду, воображая, как задерну эти красные занавески, как прикрою глаза, облегченно выдохну и услышу звук стучащих колес, что будет приятней самой любимой музыки.

Телефон завибрировал. Потянувшись за ним в карман, я поняла, что мои пальцы дрожат. Будто бы то имя, что я увижу на экране, станет решающей моё будущее деталью. Помедлив, я все же взглянула на телефон, громко выдохнув, когда перед глазами проплыли буквы «Профессор Маквей».

— Не бери, — вдруг произнес Брис, — положи в карман.

— Где эти трое? — подхватив чемодан, Джанет аккуратно осмотрела перрон. Я оставила телефон в кармане, морщась от его вибрации. Если это действительно профессор, он непременно перезвонит кому-то из нас. Перезвонит же, да?

— Ушли за Моникой.

— Значит, уезжаем впятером.

— Чёрт, — Джанет похлопала себя по карманам, — мои документы там на стуле остались.

— Дура! — процедил Марвин, шлепнув сестру по затылку. — Хорошо, идём, только очень быстро!

— Я пойду с вами, — оставив чемодан на Арчи и Бриса, я пошла следом за друзьями, понимая, что не могу, не имею права упускать их из виду. Все, кто уходил от нас, больше не возвращались. И если теперь это произойдет с самыми близкими мне людьми... Я не смогу жить, как прежде.

Две рыжие макушки метнулись в пустой зал, и я огляделась в поисках хоть кого-то. Нет, совершенно никого. Даже за кассами более никто не стоит...

Вилфорд, ты тоже вампир? Ты тоже причастен ко всему, что происходит? Ты знал о призраках, знал о мальчике, тебя не пугает то, что происходит в замке, ты и смерти будто бы не боишься... Впрочем, она не твой враг, она твой союзник. Но за что, Вилфорд? Зачем это преследование, эта... охота. Лишиться языка не так страшно, как медленно умирать, ожидая напоследок увидеть собственные белоснежные руки, лишённые крови.

Я вспомнила, Вилфорд. Вспомнила твою руку, торчащую из груди флориста. Вспомнила ещё бьющееся живое сердце, которое ты вырвал из плоти. Ты не человек, Вилфорд. Ни физически, ни духовно. Мне трудно отказаться от первых и крепких чувств, но знаешь, Вилфорд, когда человек боится, страх вытесняет всё остальное. Вытеснит он и любовь. Уже одно то, как легко ты лишаешь других жизнью, вызывает во мне тошноту.

Я всё ещё надеюсь на лучшее. Наблюдая, как бегают по залу близнецы, я всё ещё надеюсь увидеть в проеме других, живых людей. Я зачем-то хочу верить в лучшее. Зачем? Марвин был прав с самого начала. Вот только возможно ли поверить в вампиров в век технологий, доказанных теорий и выдуманных известных рассказов? Жизнь уже не станет прежней. Когда мы вернемся, я уверена, что начну корить себя за то, что не спасла других. Было ли это возможно? Поверили бы они? Я ведь пыталась рассказать... Мы разделим этот груз на пятерых. Но даже так он будет слишком тяжел.

Что-то громко ударило в дверь со стороны перрона. Я услышала крик.

Наверное, это был инстинкт самосохранения. А, быть может, и интуиция, но я со всех

сил побежала к ребятам. Они слышали эти звуки, и Джанет, сжимая в руках папку, спряталась за Марвина. Ещё один гудок поезда...

— Знаете, — усмехнулся парень, — а ведь умереть от клыков вампира...необычная смерть. Небанальная.

— Мы не умрем...Нужно укрыться...

— А как же Арчи и Брис? — жалобно проговорила Джанет, и злополучная деревянная дверь медленно открылась, пропуская на паркет лужу крови.

Это было лето.

1 июля.

13:15.

Было жарко, и, стоя в огромном пустом зале, мы чувствовали себя опустошенно. Горячий воздух, несмотря на вечное хмурое небо, смешался с ужасом, не оставив в теле ничего, кроме желания жить. Да, оно билось вместе с сердцем, вынуждая стоять прямо и готовиться бежать. Но куда?

В жизни случается момент, когда ты слышишь внутренний щелчок. Его не слышит никто. Только ты. Бывает так, что этот звук для кого-то остается загадкой и простой литературной фразой, и трудно понять, застрявший ли это на месте человек или настоящий счастливец. Щелчок издает звонкий звук лишь тогда, когда меняемся мы, меняется наше сознание. Что-то извне служит причиной ему, и зачастую отнюдь не радостные события инициируют судьбоносный звук. Когда вы услышите его, дороги назад не будет. С тех пор вам придется смотреть на мир под другим углом...

Это было лето.

В помещении было жарко.

Из-за этого, вытекающая из-за дверей кровь быстро распространяла специфический запах по воздуху. Наверное, её было много. Она текла со стороны перрона, уборной и даже со стороны входа. Казалось, вот-вот и алые капли упадут на меня с потолка, но и тогда я бы не сдвинулась с места.

1 июля.

13:16

Я никогда не думала о смерти. Это казалось мне такой далекой темой, что я не задавала себе вопросов наподобие «Что испытывают люди перед неизбежным концом?». Философские рассуждения не уровня молодой студентки. Если подумать, то меня ведь уже пытались убить. И о чём же я тогда думала...Я хотела жить. Спасли ли меня эти мысли? Отнюдь.

Со стороны входа мелькнула тень. Мы обернулись и увидели Габриэля. Он стоял рядом с уже знакомым на лицо мужчиной в том же цилиндре и с той же тростью, что и на приеме. Рядом с ним была его жена. Рядом с ней стояла Маргарет. Почему-то перед глазами всё расплывалось, однако, я была уверена, что все они улыбались...

Моника вышла из уборной. Позади неё бодро шагали двое мужчин. В одном из них я узнала следователя, в другом — известного депутата, которого видела в телевизоре. Они не подходили ближе, но мы, стоя спинами друг к другу, сжались лишь сильнее. В проеме уборной я увидела фарфоровую недвижимую ногу. Заляпанное кровью зеркало отражало вид на одну из кабинок, в которой лежало обезглавленное тело...

Я услышала щелчок в голове, когда деревянная дверь, наконец, полностью открылась, и врач, тот самый врач, у которого мы когда-то просили помощи, пропустил почтительно

вперед другую высокую фигуру. Вилфорд...

Что же я чувствовала в тот момент... Это может быть странно, но...ничего. Тошнота, слезы, боль и ужас, которыми я захлебывалась и давилась всё это время вдруг ушли. Пусто. Ничего нет. Лишь отголоски страха, что уже устал носить по крови адреналин... Но, когда Джанет схватила меня за руку, когда Марвин прижался ближе, я поняла, что просто выгорела. Эмоции вышли на ту стадию, где я не могу их осилить и принять. Но они остались на том уровне, где я боюсь не только за себя, но и за других.

Быстрым и широким шагом Вилфорд подошел ближе. Остановившись напротив, он ласково улыбнулся, утирая с моих щек слёзы. Значит, я всё-таки плакала... Не могу пошевелиться. Всё тело потяжелело и окоченело.

— Я же сказал тебе оставаться дома, — любящий и мягкий голос, от которого вновь начинает тошнить. Дома... Нет, это не мой дом. — Но ты решила прочувствовать охоту сполна.

Мужчина взглянул на Джанет и Марвина. Я не могла повернуть к ним головы. Но чувствовала, что и они были не в силах пошевелиться.

— Осталось ещё двое.

Отрицательно мотнуть головой стоило мне больших усилий. Двое... Это не принесло облегчения. Я не останусь с этими убийцами наедине. Но смотреть на то, как они избавляются от того, что мне дорого... Уж лучше было бы услышать «трое». Тогда мой ужас не продлился бы долго...

— Отчего же? — удивленно спросил Вилфорд, засовывая руки в карманы брюк. От его коротких волнистых волос пахло кровью...

— Прошу... — голос дрогнул, — пусть они... хотя бы они... уедут домой.

Мужчина склонил голову набок, всматриваясь мне в глаза. Он молчал. Это молчание действовало хуже яда.

— Пожалуйста...

— Но дело нужно довести до конца.

— Умоляю... Всё, что угодно...

Самопожертвование. Мне казалось, что я не способна на подобное. Но в сделке оказались те, чью смерть я бы не пережила. Наверное, этими словами я спасала и себя...

— Что ж, — вновь улыбнулся Вилфорд, оборачиваясь к другим здесь присутствующим, — в таком случае я объявляю четыреста девяносто пятую охоту закрытой. Откройте аэропорт и отправьте этих двоих домой.

Аплодисменты.

Лето.

1 июля.

13: 26.

Это была 495-я охота...

Глава 21. Счастье, запертое в клетке

Холодные губы нежно коснулись впавшей щеки. Мужские руки шестую ночь подряд блуждали по телу, не вызывая ничего, кроме отчаяния. Тело предательски отвечало на умелые ласки, но разум был переполнен страхом, горечью и слезами, которые я не имела права показывать. Он приказал мне быть счастливой. Он запрет меня в пустой комнате, если я ослушаюсь, и потому на моём лице сейчас улыбка, потому мой взгляд просит большего. Я умею притворяться, а он умеет преобразовывать эту игру в настоящую безумную любовь.

Шестую ночь подряд он берет меня жестоко и надолго. Он шепчет мне на ухо о своих чувствах, сжимает руками часто вздымающуюся грудь, ласкает языком мои ключицы и раз за разом подминает моё тело под себя, когда я хочу изменить положение. Он тяжело дышит в мои губы, не отводит яркий красный взгляд, и в словах его я слышу будоражащую хрипоту, от которой по позвоночнику бежит дрожь. Он любит меня, но любовь эта безумная и извращенная, и, обращаясь во сне к самой себе, я вижу в собственной душе лишь страх перед огромной силой.

Не только я боюсь гнева Вилфорда, и, оборачиваясь на всех тех, кто шел за ним по кровавому следу, я вижу в горящих глазах слепое повиновение. Они знают, что из свободных кукол стали марионетками, и они приняли эту участь взамен на долгую и лишённую нужд жизнь. Эти нити не обвивают мои конечности, и я свободна, как может показаться на первый мимолетный взгляд. Вилфорд любит меня, но и я должна любить его, но, думая об этом, я вспоминаю окровавленный вокзал, обезглавленные тела и мраморные трупы некогда живых друзей.

Страх вытеснил из быстро бьющегося сердца первую любовь, но мне не должно показывать эти изменения, ведь мои права и моё положение стали очевидны. Жена Князя должна быть любящей и преданной правой рукой своего мужа. Она должна отдать ему свою жизнь без остатка, должна неустанно следовать за ним, куда бы он ни пошел. Маска благородной девушки плотно легла на моё лицо, и снять эту маску я не столько не могла, сколько не хотела. За этой маской была настоящая я. Там были мои настоящие мысли и чувства.

Я хотела сбежать. Марвин и Джанет выжили, и уже одно это вознаграждает мою непревзойденную актерскую игру. Но ныне они в теплом спокойном доме, а я пленница драгоценной клетки, из которой никак не выбраться. Вилфорд ходит за мной по пятам, и, когда я попыталась уйти, он в наказание запер меня на неделю в пустой комнате, в которой можно было бы сойти с ума. При любой моей ошибке срок этот будет увеличиваться, и подозрительно быстро появились в моей голове мысли о суициде. Я не могу сбежать, не могу никого предупредить, никому написать. Я должна жить во дворце, исполняя «великодушно» подаренную мне роль.

Джанет и Марвину никто не поверит, ведь правительством утверждено, что группа во главе с профессором Маквеем трагически разбилась на автобусе. Близнецы выжили потому, что опоздали на посадку, и что ужаснее всего, в списке погибших было и моё имя. Теперь я не могу сбежать не потому, что Вилфорд рядом, а потому, что сам мир считает меня почившей. Я даже не могу сказать обо всем своим родителям...

Я попыталась отравить себя, но и тогда Князь лишил меня возможности уйти от него. Он обратил меня в тот же день. А вампиры не могут уйти из жизни по собственному

желанию... Меня вновь заперли в пустой комнате.

Маска больше не спадала с моего лица. Я останусь рядом с Вилфордом, буду той, кого он желает видеть, чтобы попытаться предотвратить ненужные жертвы, чтобы спасти тех, кто также, как и мы попадет в золотую паутину. У меня лишь два выбора: остаться верной себе, но провести мучительно долгую жизнь в пустой комнате, или принять правила и жить для собственного наслаждения. Ужасные варианты, и отвратительнее всего то, что один из них заранее очевиден.

Вилфорд склоняется ближе, и его бедра вновь и вновь ударяют о мои. Он целует уже заживший шрам от укуса и хрипло шепчет мне на ухо просьбу о наследнике. Я глажу его спину, запускаю руки в волосы и не менее страстно отвечаю на поцелуй, чувствуя на своём бедре стекающее семя. Я знаю, что беременна, и я знаю, как будут звать этого ребенка. Мои пальцы дрожат, и я прижимаюсь к холодному телу сильнее, чтобы Вилфорд не заметил этой минутной слабости. Мне ещё трудно держать в узде свои настоящие чувства, но я возьму их под полный контроль, обещаю.

Отныне я Беатрис Кроули. Всеми уважаемая супруга великого Князя. Красивая и бледная княгиня, что может увидеть жизнь любого, кто коснется её руки. Такова моя сила, от которой болит тело и душа. Меня учат манерам, вводят в закрытый мир, рассказывая о каждом всём, что возможно, и вот я уже не узнаю себя саму в зеркале.

В строгом черном платье, с едва округлившимся животом. С уложенными волосами, с драгоценностями, инкрустированными в кольца и серьги. С гордой осанкой, мраморной кожей и золотистыми глазами. С великодушной улыбкой, но теплым взглядом, в зрачках которого навеки притаилось милосердие. Я вижу спокойное лицо и улыбаюсь собственному отражению, ведь моя жизнь вовсе не ужасна... Я любима, уважаема, знатна, по-матерински счастлива и...

Я удивленно смотрю на катящуюся по щеке слезу. Широко распахиваю глаза, когда слёзы градом текут к подбородку, и поспешно утираю их темным рукавом. Жалкий всхлип вырывается из груди, и я быстро оборачиваюсь, в страхе ожидая увидеть огорченное лицо Вилфорда. Но его здесь нет, он ожидает меня в столовой вместе с гостями, и я должна немедленно идти туда.

Отчего же слёзы неустанно продолжают течь, едва я остаюсь одна? Никто не в силах запереть свою душу за стальную дверь. Даже в ней возникнет тонкая трещина, сквозь которую наружу изольется то настоящее, то давящее изнутри чувство, о котором хочется забыть. И вовсе я не счастлива...

Я снова вытираю щеки. Складываю на животе руки и вновь придаю себе благородный великодушный вид. Такой я быть и должна. Губы растягиваются в улыбке. Всё в порядке. Всё не так уж плохо...

За окном было 25-ое августа.

Часы с маятником словно в издевке показывали 13:26.

— Так, так, а теперь пройдите вот сюда... Посмотрите на эту картину из восемнадцатого века! Посмотрите, мне кажется, на лошади прорисован каждый мускул! Сама картина уже не раз подвергалась реставрации, но вот золотая рама, в которой она находится, сияет так же, как прежде. А теперь идемте сюда, — радостно говорил экскурсовод, открывая дверь в следующий зал. В собравшейся толпе послышались возгласы восхищения. Кто-то беззастенчиво присвистнул. — Все эти колонны, арки и лепнины

поражают, не так ли?

— Жить тут, наверное, сказка, — завистливо выкрикнул молодой паренек, и многие с улыбками с ним согласились. Что ж, когда-то и мы были такими же наивными идиотами, что сами за все и заплатились...

— А это вы можете спросить у хозяйки замка, — экскурсовод обернулся, — о, миссис Кроули, а вот и вы.

К толпе навстречу неспешно шла молодая беременная женщина. Её золотые локоны свободно падали на спину, а лицо было таким красивым, что некоторые из мужчин позволили себе пошлые тихие «комплименты». Полагаю, что они погибнут уже этой ночью, ведь светловолосый мальчик, крепко сжимающий руку матери, бросил на комментаторов безжалостный странный взгляд. Он был похож на неё, и притягивал к себе взор, и лишь штаны с лямками и белоснежная рубашка заставляли меня вздрагивать при одной лишь мысли о том, кто на самом деле передо мной стоит. Мальчик так и льнул к матери, а та ласково приобнимала его за плечо.

— Поздравляю вас и вашего мужа со скорым пополнением, — радостно отозвался бледный экскурсовод, — кого ожидаете, позвольте спросить?

— У меня будет сестра, — гордо ответил мальчик, лучезарно улыбаясь.

— Надо же, Айзек, а я думал, что ты хотел брата.

— Главное, что будет рада мама.

Собравшаяся толпа преисполнилась умилением и уже было собиралась накинуться на миссис Кроули с вопросами, как экскурсовод вдруг поспешно увел всех в соседнюю комнату, что по совместительству являлась картинной галереей. Я помню в этом замке всё. И вернулась я сюда только ради неё.

Оставшись на месте, я, безусловно, привлекла к себе внимание. Спина сильно болела в пояснице, да и стоять было непросто. Последнее время без палки я никуда не выходила. Морщинистые руки крепко сжимали рукоять трости, и, встретившись взглядом с Беатрис, мои губы задрожали.

Её улыбка исчезла, и глаза широко раскрылись, наполнившись влагой. Всего лишь на жалкое мгновение. А после, она вновь спокойно улыбнулась, возвращая к себе удивительное самообладание. Верно, мне нечему удивляться, как-никак уж шестьдесят лет она та, кем на самом деле не является. Однако внутри неё бушевало пламя, ведь она поспешно схватилась за живот и ласково попросила сына подвинуть ей стул. Он мгновенно исполнил её просьбу, бросив на меня заинтересованный, но жестокий взгляд. Айзек лишь внешне ребенок...

Я с трудом устроилась напротив. Когда сажусь, в колени простреливает боль. Другое дело ты, Беатрис. Ты всё также молода и красива...

— Я так счастлива видеть тебя, Джанет, — спокойно произнесла она, но я знала, что говорил Беатрис искренне. Улыбка не сходила с её лица, и она быстро перебирала складки платья, что не осталось незамеченным ни мной, ни Айзеком. Он хмурился всё больше.

— Рада за тебя, — я кивнула в сторону её большого живота, — уже решили, как назовете?

— Вилфорд сказал, что хочет, чтобы девочке дала имя я. Я думаю назвать её Анмари'.

— Анмари' Кроули? Красиво и необычно. Я всегда знала, что ты назовешь дочку интересно.

Беатрис тихо рассмеялась, но после опустила взгляд на мою левую руку, в которой я

сжимала букет цветов.

— Это Агнесс. Спасибо, что рассказала мне, где она лежит...

— Как иначе, — улыбка на лице Трис стала грустной, и в выражении её лица проскользнула боль. Второй раз пользовалась она своим положением и упрасивала Вилфорда о встрече со мной, и второй раз рядом друг с другом мы чувствовали большие боли, чем радости. В прошлый раз я сказала Трис о своих мыслях, и она, улыбнувшись, ответила, что именно это и удерживает её настоящие мысли, не позволяя забыть, кто она на самом деле.

О Монике я не спрашивала. Я знала, что Габриэль избавился от неё пятьдесят лет назад, и что она сама поплатилась за своё...предательство? Сейчас Беатрис в положении, и я не желаю говорить о тех, кто погиб давным-давно в этот день. 1 июля.

— Как Марвин? — вновь улыбнулась Трис.

— Лежит в больнице. Опять проблемы с почками. С ним сейчас его дочь и внук.

На последнем слове пальцы Беатрис дрогнули.

— Моя мама не очень хорошо себя чувствует, — недовольно проговорил Айзек, — ей нужно поспать. Вы сможете поговорить ещё вечером.

Маленький и агрессивный цербер. Наверное, ты рад, что смог получить столько чистой материнской любви. Что бы ни чувствовала Беатрис, своих детей она никогда не оставит. Она медленно поднялась с кресла, и мы договорились увидеться позднее. Я грустно посмотрела ей вслед.

Благодаря Беатрис мы с Марвином прожили долгую и счастливую жизнь. Каждый из нас обрел любовь, родил детей и уже воспитывал внуков. Мы повидали много стран, были вольны и свободны, и...А как прожила эту жизнь ты, Беатрис? Я не смогла помочь тебе, у меня не было сил, чтобы сделать хоть что-то, и все наши с Марвином попытки лишь провалились.

Из картинной галереи послышались болезненные крики. Что-то ударилось о стену. Вот как...В наше время вампиры были терпеливее и ждали до вечера.

Вилфорд вышел к тебе навстречу, и ты благодарно облокотилась на его руку. Он трепетно поцеловал тебя в висок. Настоящая идиллия. Наверное, лишь мне известно, что чувствуешь ты сейчас, что чувствовала ты тогда, и что будешь чувствовать всю жизнь. Ты умираешь изнутри, а на твоём лице теплая улыбка. Прости меня, Беатрис. Я сохраню твои мечты, о которых более никто не знает. Я не расскажу никому о том, что ты хотела жить в северном городке, в большой светлой квартире, что желала после работы заниматься верховой ездой, а после кушать рамен в аккуратной забегаловке. Но даже этого тебя лишили, ведь тебя ограждают от всего, что может быть потенциально опасно. Лошадь непредсказуема, в забегаловках могут подать что-то некачественное...Из моих глаз текут слезы, и я могу позволить себе поплакать. Мне больно смотреть на то, как тебя обрекли на пожизненные муки, но ещё больнее мне понимать то, что уже завтра я отправлюсь домой. Навещу Марвина, куплю сладостей и отправлюсь к трём внукам, чтобы вместе с ними пойти в парк аттракционов. Наверное, после я посмотрю любимый фильм, а потом вдруг решу достать альбом с немногочисленными фотографиями нашей группы, отправившейся когда-то в замок для опыта. Думаю, я опять смогу позволить себе поплакать. А ты останешься здесь...В дорогой и холодной клетке, в которой всегда нужно улыбаться и в которой ты тоже никому не можешь помочь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net